

Министерство образования и науки Российской Федерации
Вологодский государственный университет
Центр традиционной народной культуры
Вологодское областное отделение Русского географического общества

Традиции народной культуры: проблемы изучения, сохранения и восстановления

Сборник материалов
II Всероссийской научно-практической конференции

Вологда
2017

УДК 39+37

ББК 74.65

Т 65

Редакционная коллегия:

Г. П. Парадовская (отв. ред.), О. А. Федотовская, С. В. Балувевская

Рецензенты:

заведующая кафедрой теории, истории музыки и музыкальных инструментов

Вологодского государственного университета, доктор искусствоведения

М. Г. Долгушина,

заведующая отделом актуализации нематериального культурного наследия

Государственного республиканского центра русского фольклора

ФГБУК «Роскультпроект», кандидат педагогических наук

Е. Г. Боронина

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ВоГУ

Т 65 **Традиции народной культуры: проблемы изучения, сохранения и восстановления:** сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции / М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т ; [редкол.: Г. П. Парадовская (отв. ред.), О. А. Федотовская, С. В. Балувевская]. – Вологда : ВоГУ, 2017. – 99 с. : нот., ил.

ISBN 978-5-87851-733-1

Настоящий сборник содержит материалы II Всероссийской научно-практической конференции, проходившей в Вологодском государственном университете 20-21 октября 2016 года. Издание включает исследования в области этномузыкологии и этнопедагогике, обобщает опыт использования фольклорного наследия в современной культурно-образовательной практике.

Книга рассчитана на специалистов в области традиционной народной культуры, а также на широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой родного края.

УДК 39, 37

ББК 74.65

ISBN 978-5-87851-733-1

© ФГБОУ ВО «Вологодский
государственный университет», 2017

Содержание

Введение.....	4
I. Изучение и сохранение нематериального культурного наследия народа	
<i>Г. В. Лобкова.</i> Деятельность Санкт-Петербургской государственной консерватории в области сохранения нематериального культурного наследия.....	5
<i>А. В. Кулев, С. Р. Кулева.</i> Электронный каталог объектов нематериального культурного наследия Вологодской области.....	17
<i>Е. Г. Боронина.</i> Неизвестные записи хора подмосковных крестьян под управлением П. Г. Яркова из Российского государственного архива фонодокументов	22
<i>С. Э. Баранова.</i> Общая характеристика причётной традиции Порховского района Псковской области.....	26
<i>С. В. Балувеская.</i> Похоронные и поминальные причитания Нюксенского района Вологодской области: специфика исполнения.....	35
<i>А. А. Дурыгина.</i> Стилиевые особенности хороводных песен в народной традиции Кичменьги (Вологодская область).....	41
<i>Н. И. Королева.</i> Колядки Белозерского района Вологодской области в контексте их бытования.....	44
<i>С. В. Балувеская, К. Л. Лебедева.</i> «Жавороночный день» в народной традиции Великоустюгского района Вологодской области	49
<i>О. А. Федотовская, А. А. Никашкина.</i> Детский фольклор Сямженского района Вологодской области: от экспедиционных исследований к практике воспитания современных детей	55
<i>О. А. Федотовская.</i> Притчи в практике народной педагогики (по материалам фольклорных экспедиций Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного университета).....	61
<i>Е. В. Самойлова.</i> Мифологические паттерны в регламентации традиционных женских практик, связанных с производством и сохранением текстиля	67
II. Фольклор в современном культурно-образовательном пространстве	
<i>О. Я. Рейма.</i> К вопросу национально-патриотического воспитания студенческой молодежи.....	77
<i>О. Н. Коншин.</i> Фольклорный коллектив как ресурс развития территории	81
<i>С. В. Балувеская, Е. А. Конькова.</i> Сказки А. П. Дербиной в современной исполнительской практике	86
<i>А. М. Федотовская.</i> Фольклор в начальной общеобразовательной школе	89
<i>Л. Н. Загуляева.</i> Опыт сетевого взаимодействия ресурсного центра по сохранению и развитию культурного и языкового наследия вепсского народа	92
Сведения об авторах.....	98

Введение

В настоящем издании содержатся материалы исследований в сфере этномузыкологии и этнопедагогики, представленные на II Всероссийской научно-практической конференции «Традиции народной культуры: проблемы изучения, сохранения и восстановления», проходившей в Вологодском государственном университете 20 и 21 октября 2016 года в рамках научно-практического форума «Вологодская область – душа Русского Севера».

Включенные в сборник статьи демонстрируют разнообразие научных интересов авторов.

Вопросам сохранения нематериального культурного наследия русского народа посвящены работы Г. В. Лобковой, А. В. Кулева и С. Р. Кулевой.

С изучением местных обрядовых и песенных традиций различных регионов России знакомят статьи С. В. Балувеской, С. Э. Барановой, А. А. Дурягиной, Н. И. Королёвой, О. А. Федотовской и др.

Выявлению мифологических основ социальной организации трудовых практик, связанных с ткачеством и прядением, посвящено исследование Е. В. Самойловой.

Е. Г. Боронина, опираясь на уникальные сведения, зафиксированные в начале XX века, выявляет специфику исполнительского стиля традиционного пения Подмосковья.

Значительная часть сборника посвящена проблемам включения фольклорного наследия в современную культурно-образовательную практику. Вопросы использования песенного фольклора в учебно-воспитательном процессе начальной школы рассматривает А. М. Федотовская. Методы изучения и освоения народных сказок анализируются в совместной работе С. В. Балувеской и Е. А. Коньковой.

Важная тема национально-патриотического воспитания молодежи затронута в статье О. Я. Рейма, где обобщается опыт работы фольклорно-этнографической студии Вологодского государственного университета.

В работе Л. Н. Загуляевой раскрывается специфика деятельности ресурсного центра по сохранению и развитию культурного и языкового наследия вепсского народа. О. Н. Коншин в своей статье поднимает вопросы этнокультурного развития сельского поселения на основе деятельности фольклорно-этнографического коллектива «Уфтюжаночка», функционирующего на базе этнокультурного центра д. Пожарище Вологодской области.

Научные интересы авторов данного сборника охватывают различные области этномузыкологии и этнопедагогики. Это обстоятельство делает издание привлекательным для специалистов широкого профиля. Включенные в него исследования обогатят существующие представления о традиционной народной культуре и позволят расширить практическую базу в области использования фольклорного наследия в современных условиях.

І. Изучение и сохранение нематериального культурного наследия народа

Г. В. Лобкова, г. Санкт-Петербург

Деятельность Санкт-Петербургской государственной консерватории в области сохранения нематериального культурного наследия

В последние десятилетия мировая общественность обратила внимание на необходимость принятия мер по изучению, защите и восстановлению различных форм нематериального культурного наследия. В 2003 году разработана и в апреле 2006 года вступила в силу Конвенция об охране нематериального культурного наследия, принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО. В Конвенции раскрывается система мер и форм деятельности: «“Охрана” означает принятие мер с целью обеспечения жизнеспособности нематериального культурного наследия, включая его идентификацию, документирование, исследование, сохранение, защиту, популяризацию, повышение его роли, его передачу, главным образом с помощью формального и неформального образования, а также возрождение различных аспектов такого наследия»¹. На протяжении многих десятилетий в России деятельность в этой области осуществляют организации, реализующие программы высшего образования, в том числе – программы подготовки кадров в области музыковедения, этномузыкологии, филологии, народного художественного творчества, народно-певческого искусства, музыкального образования. В результате экспедиционной практики во многих образовательных организациях созданы богатейшие фонды документальных аудио-, видео-, рукописных материалов, раскрывающих историческую глубину и самобытность традиций народной культуры, организованы и ведут многопрофильную работу научно-педагогические и творческие коллективы.

В Санкт-Петербургской государственной консерватории эта работа ведется с самого ее основания. В ряду первых выпускников и преподавателей консерватории, уделявших особое внимание народной музыкальной культуре, следует отметить А. С. Фаминцына, А. И. Рубца, Н. А. Римского-Корсакова, Г. О. Дютша, С. М. Ляпунова, А. К. Лядова, Н. Ф. Соловьева и других. К начальному периоду относятся такие достижения, как создание музея народных инструментов, введение песенного материала в образовательный процесс, собирательская деятельность А. И. Рубца (специальные командировки для записи народных песен и разыскания музыкальных инструментов для музея), участие Г. О. Дютша, С. М. Ляпунова в первых научных экспедициях 1886 и 1893 годов на Русский Север, организованных Песенной комиссией Русского географиче-

---

¹ UNESCO: Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия. – Париж, 2003. – С. 3. Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001325/132540r.pdf> (дата обращения 11.11.2016).

ского общества. Научный статус этих двух экспедиций определяется целенаправленным обследованием обширных территорий, записью напевов и текстов различных жанров музыкального фольклора непосредственно от народных исполнителей – жителей деревень, при этом осуществлялся историко-стилевой отбор репертуара – в первую очередь внимание было обращено на старинные песни, причитания, былины, духовные стихи, не подверженные влиянию городской музыкальной культуры.

Опосредованную связь с Ленинградской консерваторией имеют комплексные экспедиции на Русский Север 1926–1929 годов Государственного института истории искусств, поскольку в них принимают участие выпускники и преподаватели консерватории, ученики Б. В. Асафьева – Зинаида Викторовна Эвальд (1894–1942) и Евгений Владимирович Гиппиус (1903–1985). В консерватории в эти годы акцент переносится на изучение музыки советских республик (в 1927 и 1929 годы организованы экспедиции в Армению, возглавляемые Х. С. Кушнаревым, и в 1928 году – самостоятельная поездка в Узбекистан Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд). В целях поддержки этого направления деятельности в 1927 году в консерватории создан этнографический кабинет (кабинет музыкальной этнографии) при научно-музыкальном отделении (заведующий – Б. В. Асафьев, секретарь – Е. В. Гиппиус), открыта программа подготовки музыковедческих кадров по специальности «музыкальная этнография», в 1929 году организован музыкально-краеведческий кружок [2, с. 11; 3, с. 133, 227-228]. Но в силу сложившихся обстоятельств в 1931 году экспедиционная работа в консерватории была прекращена, а фонографические валики (около 528 единиц), включая коллекции Ленинградской консерватории и Института истории искусств, были переданы в Академию наук СССР, где на этой основе был создан фонограммархив (функции заведующего на протяжении первых десяти лет выполнял Е. В. Гиппиус). Сейчас эти материалы составляют часть коллекций Фонограммархива Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН.²

Планомерная экспедиционная работа по изучению музыкальных традиций различных областей России в стенах Консерватории была возобновлена в 1960-е годы под руководством Феодосия Антоновича Рубцова (1904–1986). В это время экспедиции постепенно приобретают коллективный характер, в них участвуют преподаватели, сотрудники Лаборатории народного музыкального творчества и студенты, в основном, музыковедческого и композиторского отделений. В ходе экспедиций 1962–1975 годов были сделаны магнитофонные записи песен и наигрышей в Ленинградской, Смоленской, Вологодской, Нов-

---

² С 1931 до октября 1941 года Е. В. Гиппиус был заведующим Фонограммархивом. См.: Материалы и статьи к 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса. – М., 2003. – С. 9.

городской областях (в эти годы действует избирательный подход к сбору материала – записываются только «лучшие песни от лучших исполнителей»). Материалы студенческих экспедиций 1960–1970-х годов в Ленинградскую и Вологодскую области частично опубликованы,³ на их основе под научным руководством Ф. А. Рубцова защищено несколько дипломных и диссертационных работ.⁴

Большое значение имеет первый опыт полноценного комплексного издания «Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге», осуществленный на основе результатов экспедиционной работы в Тарногском районе Вологодской области 1970-х годов [1]. В сборе материалов и в подготовке издания участвовал известный писатель и этнограф Д. М. Балашов, большинство напевов причитаний и песен представлено в расшифровках Ю. И. Марченко, редактирование издания осуществлял А. М. Мехнецов, книга богато иллюстрирована, к ней прилагаются аудиозаписи (на гибкой грампластинке).

Начиная с 1976 года, экспедиционную деятельность в консерватории возглавляет ученик Ф. А. Рубцова – Анатолий Михайлович Мехнецов (1936–2008). Неразрывность и взаимосвязь научно-исследовательского, художественно-творческого и образовательного направлений отличают характер его деятельности, за время которой были созданы: фольклорный ансамбль Санкт-Петербургской консерватории (1976), музыкально-этнографическое отделение (1989, с 2003 – отделение этномузыкологии), кафедра музыкальной этнографии и древнерусского певческого искусства (1992, с 2005 – кафедра этномузыкологии), Фольклорно-этнографический центр (1991).⁵

А. М. Мехнецов провел около 100 широкомасштабных комплексных экспедиций, в которых в целом работало более 300 человек. В результате было осуществлено фронтальное исследование ряда ключевых для истории рус-

---

³ Рубцов Ф. Народные песни Ленинградской области. – М.: Сов. композитор, 1958. – 226 с.; Сто русских народных песен: Материалы студенческих фольклорных экспедиций / сост. В. А. Лапин, М. А. Лобанов; под общ. ред. Ф. В. Соколова. – Л.: Музыка, 1970. – 96 с.; Никольские песни, записанные в Никольском районе Вологодской области / сост., ред., вст. ст. М. Л. Мазо. – Л.; М.: Сов. композитор, 1975. – 62 с.

⁴ Ф. А. Рубцовым подготовлена плеяда учеников, среди которых известные музыковеды-фольклористы: Б. М. Добровольский (1951), И. И. Земцовский (1960), М. Л. Мазо (1966), С. В. Пьянкова (1966), Н. Н. Абубакирова (1972), Н. К. Буракова (Осадчая, 1976), А. М. Мехнецов (1976), А. Д. Аврова (Троицкая, 1977), Ю. И. Марченко (1977), Е. И. Мельник (Якубовская, 1978), А. Б. Сушко (Афанасьева, 1979) и другие. Под его руководством создано около 30 дипломных работ и защищено 15 кандидатских диссертаций. См.: Редькова Е. С. Из истории кабинета народного музыкального творчества Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова (1927–1976) // Отечественная этномузыкология: история науки, методы исследования, перспективы развития: Материалы Международной науч. конф., 30 сентября – 3 октября, 2010 года / Редкол.: Г. В. Лобкова (науч. ред.), К. А. Мехнецова, С. В. Подрезова (отв. ред.) и др. СПб.: Университетский образовательный округ Санкт-Петербурга и Лен. обл., 2011. Т. 1. С. 125, 132.

⁵ Под научным руководством А. М. Мехнецова подготовлено и защищено 8 дипломных работ и 6 кандидатских диссертаций: И. Б. Тепловой (1993), Г. В. Лобковой (1997), И. С. Поповой (1998), Г. А. Дорджиевой (2001), И. В. Корольковой (2002), Г. П. Парадовской (2002).

ской культуры территорий: Западная Сибирь (1966–1977, 1995, 1997, 2001); Вологодская (1976–1993, 2000), Архангельская (1977–1983), Псковская (1981–2002), Новгородская (1985–1992), Тверская (1985, 1988–1997), Смоленская (1993–2005) области (карта 1). К моменту прихода А. М. Мехнецова фонд Лаборатории народного музыкального творчества был представлен материалами 18 экспедиционных коллекций и насчитывал 500 катушек аудиозаписей, а к 2008 году основной фонд Фольклорно-этнографического центра включал уже 240 экспедиционных коллекций – более 8000 единиц хранения аудиозаписей и 1400 единиц хранения видеозаписей (катушек, кассет, дисков).⁶

В ходе экспедиций проводилось по возможности сплошное обследование территорий (так, например, с 1978 по 1999 год на территории Псковской области участники экспедиций провели работу более чем в двух тысячах населенных пунктов). Материал собирался комплексно: кроме записи образцов музыкального фольклора, что, несомненно, составляло основную цель работы, фиксировались на магнитную ленту описания календарных и семейных обрядов, праздников, производились видеозаписи народной хореографии, фотографировались образцы народного прикладного искусства. Задачи экспедиции нередко концентрировались на сборе максимально полной информации о малоизученных и неизвестных явлениях песенного, инструментального, хореографического фольклора, относящихся к раннему в историко-стилевом отношении слою народных традиций. К этому ряду относятся непесенные и песенные формы календарно-обрядового фольклора (такие, как, например, вологодские подблюдные песни; новгородские масленичные, пасхальные обрядовые песни и протяжные формы ауканий); сольные и групповые причитания (в том числе – гдовские пастушеские и жатвенные причитания – «лелёкания»); псковская традиция «вожоканья» – бессловесной вокализации; лирические песни (девья и молодецкая лирика); псковско-новгородская гусельная и «гудошная» традиции; традиционные формы мужской и женской старинной пляски («кружок», «по половицам», «ломание»); протяжные формы частушек и другое.

Наряду с созданием богатейшего собрания аудио- и видеозаписей русского музыкального фольклора к основным научным достижениям А. М. Мехнецова относится разработка проекта фольклорно-этнографического атласа России. Этой идее подчинены основные научные труды и издания материалов, подготовленные авторским коллективом под руководством А. М. Мехнецова, нацеленные на комплексное представление этнокультурных традиций, выяв-

---

⁶ С 2008 года поступление материалов и их хранение переведено в цифровой формат (информация содержится на винчестерах).

ленных в ходе фольклорных экспедиций.⁷ А. М. Мехнецов подчеркивал, что только на фундаментальной фактологической базе в процессе сотрудничества различных научных и творческих коллективов возможно осуществление программы создания фольклорно-этнографического атласа России. В статье «О задачах комплексного исследования фольклора» (2005)⁸ он изложил основную концепцию фольклорно-этнографического атласа, который должен представлять собой «систематизированное по документальным источникам, обобщенное на уровне типологически значимых признаков описание явлений народной традиционной культуры, принадлежащих самостоятельным историко- или этнокультурным комплексам в соотнесенности с их территориальным расположением» [4, с. 365].

В большой степени концепции «Фольклорно-этнографического атласа России» соответствуют коллективные научные труды, выполненные под руководством А. М. Мехнецова в 2000-х годах: «Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра» (в 2 томах, 2002) [7] и «Народная традиционная культура Вологодской области: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны» (вышло две части 1 тома; 2005, 2009) [5; 6]. Эти издания направлены на максимально полное освещение содержания этнокультурных традиций, хотя и имеют различную структуру и принцип изложения материала.

В заключение отметим, что в 2013 году Министерство культуры России декларировало новый взгляд на проблему сохранения нематериального куль-

---

⁷ В ряду изданий, подготовленных на первом этапе работы (1980-е годы), следует отметить: Народные песни Вологодской области: Песни Средней Сухоны / сост. А. М. Мехнецов. – Л., 1981. – 135 с.; Народные песни Ленинградской области: Старинная свадьба Сланцевского района Ленинградской области / сост. А. М. Мехнецов, Е. И. Мельник. – Л., 1985. – 123 с.; Устьянские песни / сост. А. М. Мехнецов, Ю. И. Марченко, Е. И. Мельник. – Л., 1983. – Вып. 1. – 80 с.; Л., 1984. – Вып. 2. – 136 с.; Песни Псковской земли. Вып. 1: Календарно-обрядовые песни / сост. А. М. Мехнецов. – Л., 1989. – 296 с.

⁸ Основные подходы и методы выявления этнокультурных комплексов рассматриваются также в исследованиях А. М. Мехнецова: Традиции народной культуры Вологодской области: итоги и перспективы комплексного изучения (по результатам экспедиций Санкт-Петербургской консерватории и Фольклорно-этнографического центра) // На пути к возрождению: Опыт освоения традиций народной культуры Вологодской области / ред.-сост. А. В. Кулев. – Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 2001. – С. 9–17 (совместно с Г. В. Лобковой); Проблемы системного изучения явлений фольклора: Свойства типического и опознавательные признаки художественной формы // Климент Васильевич Квитка и актуальные проблемы этномузыкологии: Материалы науч. конференции / ред.-сост. Е. В. Битерякова. – М., 2009. – С. 77–89; Введение // Народная традиционная культура Вологодской области. Т. 1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч. 1: Песни, хороводы, инструментальная музыка в обрядах и праздниках годового круга / авт. колл.: Мехнецов А. М., Лобкова Г. В., Королькова И. В. и др. – СПб.; Вологда, 2005. – С. 13–21 (совместно с Е. А. Валевской); Введение // Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра [В 2 т.] / автор проекта, сост., науч. ред. Мехнецов А. М.; изд. подг.: Е. А. Валевская, И. В. Королькова, Г. В. Лобкова и др. – СПб.; Псков, 2002. – С. 9–22.

турного наследия народов Российской Федерации⁹. На научной основе был сформирован и размещен на портале культурного наследия России «Культура.РФ» Электронный каталог объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации¹⁰. К разработке структуры каталога и созданию описаний объектов были привлечены квалифицированные специалисты. В течение 2013–2015 годов подготовлены описания 710 объектов нематериального культурного наследия при участии более 20 организаций, ведущих деятельность в области науки, образования, культуры. Из них по материалам фонда Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской консерватории размещено 45 объектов и еще 18 подготовлено и ждет своей очереди (см. приложение). Это материалы из 14 областей и республик России: Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Псковской, Новгородской, Тверской, Смоленской, Кировской, Липецкой, Воронежской, Челябинской, Волгоградской областей, Удмуртии, Башкортостана (см. приложение).

Литература:

1. Балашов, Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области) / Д. М. Балашов, Ю. И. Марченко, Н. И. Калмыкова; ред.-сост. музыкальной части А. М. Мехнецов. – Москва: Современник, 1985. – 390 с.
2. Земцовский, И. И., Кунанбаева А. Б. В. Асафьев как этномузыковед / И. И. Земцовский, А. Б. Кунанбаева // Асафьев Б. О народной музыке / сост. И. И. Земцовский, А. Б. Кунанбаева. – Ленинград: Музыка, 1987. – 248 с.
3. Материалы к биографии Б. Асафьева / сост., вступ. ст. и коммент. А. Н. Крюкова. – Ленинград: Музыка, 1981. – 262 с.
4. Мехнецов, А. М. О задачах комплексного исследования фольклора / А. М. Мехнецов // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. – Москва: Госуд. республиканский центр русского фольклора, 2005. – Т. 1. – С. 360–371.
5. Народная традиционная культура Вологодской области. Т. 1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч. 1: Песни, хороводы, инструментальная музыка в обрядах и праздниках годового круга / сост., науч. ред., авт. проекта А. М. Мехнецов; авт. коллектив: А. М. Мехнецов, Г. В. Лобкова, И. В. Королькова, И. Б. Теплова, Г. П. Парадовская, Е. А. Валевская, Е. А. Пархомова, А. А. Мехнецов, Е. С. Редькова, И. С. Попова; отв. ред. Г. В. Лобкова; лит. ред. Е. А. Валевская. – Санкт-Петербург; Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 2005. – 488 с.: нот., илл.

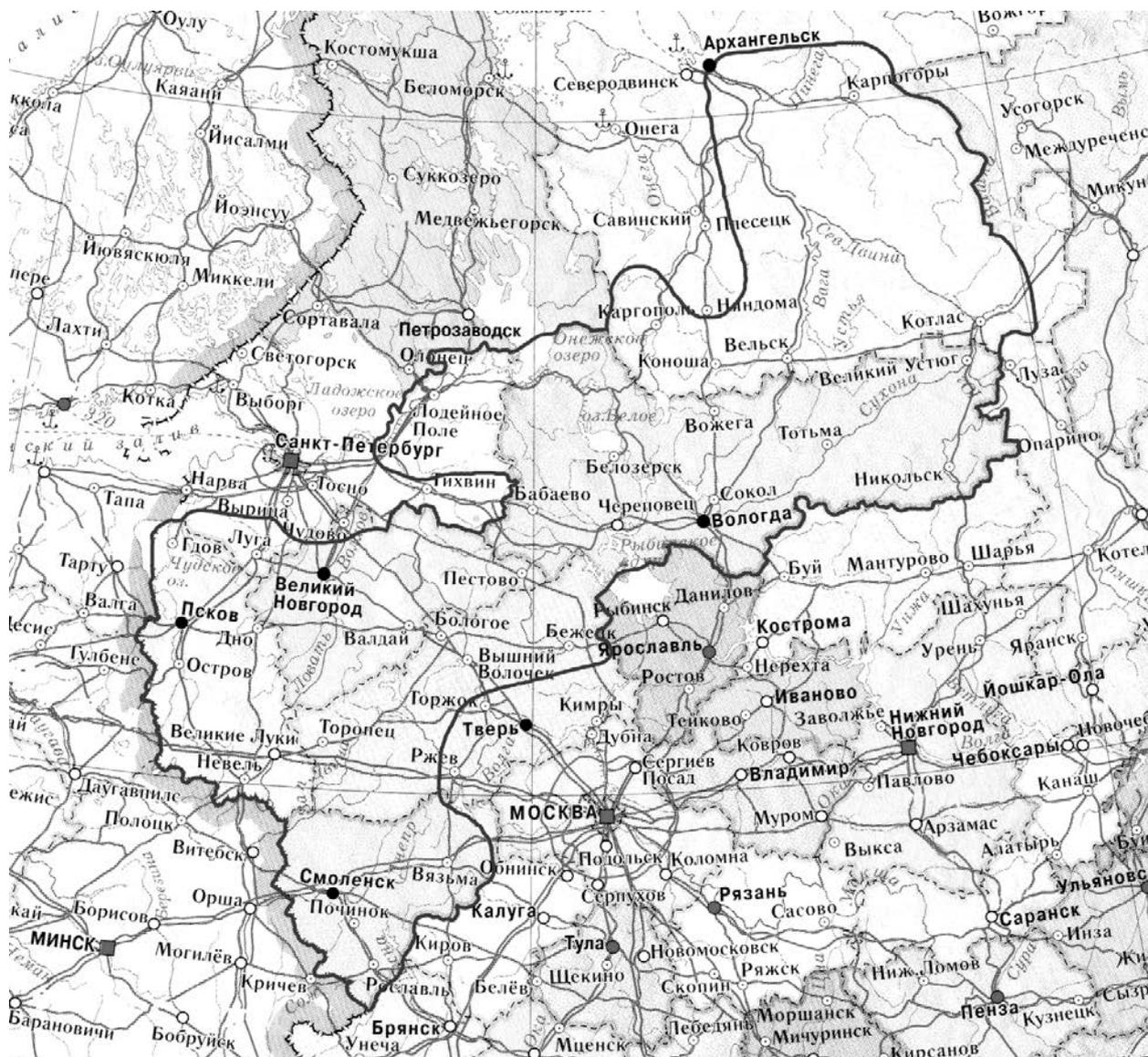
⁹ См.: Министерство культуры Российской Федерации: Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2015 году. – [М.,] 2016. – С. 71. Режим доступа: <http://mkrf.ru/report/report2015/> (дата обращения 11.11.2016).

¹⁰ См.: Культура РФ: Электронный каталог объектов нематериального культурного наследия. Режим доступа: <http://www.culture.ru/objects/tradition/> (дата обращения 11.11.2016).

6. Народная традиционная культура Вологодской области. Т. 1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч. 2: Народные верования, сказки, необрядовый фольклор / сост., науч. ред. Г. В. Лобкова; авт. коллектив: А. М. Мехнецов (рук. авт. коллектива), Е. А. Валевская, Т. Г. Иванова, О. А. Федотовская, С. В. Подрезова, Е. А. Пархомова; отв. ред. К. А. Мехнецова; лит. ред. А. Ф. Некрылова. – Санкт-Петербург; Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 2009. – 286 с.: нот., илл.

7. Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра: В 2 т. / автор проекта, сост., науч. ред. А. М. Мехнецов; авт. коллектив: Е. А. Валевская, И. В. Королькова, Г. В. Лобкова, А. М. Мехнецов, К. А. Мехнецова, А. Ф. Некрылова, А. В. Полякова, И. С. Попова, И. Б. Теплова. Отв. ред. Г. В. Лобкова, Е. А. Валевская. – Санкт-Петербург; Псков: Изд-во областного центра народного творчества, 2002. – Т. 1. – 688 с., Т. 2. – 816 с.: нот., илл.

Карта 1. Границы территории, обследованной фольклорными экспедициями Санкт-Петербургской государственной консерватории и Фольклорно-этнографического центра под руководством А. М. Мехнецова с 1976 по 2005 года.

Перечень описаний объектов нематериального культурного наследия, подготовленных по материалам Собрания документальных материалов по русскому фольклору и этнографии, традиционной культуре народов России и зарубежных стран Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова

Опубликованные материалы

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

1. Свадебный обряд, песни и причитания на реке Устье Архангельской области / сост. Г. В. Лобкова, М. В. Калинина, М. Н. Шейченко. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/2912/svadebniy-obryad-pesni-i-prichitaniya-na-reke-uste-arhangel'skoy-oblasti> (дата обращения 11.11.2016).

ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

2. Лирические песни Средней Сухоны / сост. Г. В. Лобкова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/385/liricheskie-pesni-sredney-suhoni> (дата обращения 07.04.2016).

3. Песенно-хореографическая традиция Верховажского района Вологодской области / сост. А. В. Полякова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/490/pesenno-horeograficheskaya-traditsiya-verhovazhskogo-rayona-vologodskoy-oblasti> (дата обращения 07.04.2016).

ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

4. Весенние обрядовые шествия с пением лирических и хороводных песен в Псково-Печорском Обозерье / сост. Е. А. Валевская. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/370/vesennie-obryadovie-shestviya-s-peniem-liricheskikh-i-horovodnih-pesen-v-pskovo-pechorskom-obozeri> (дата обращения 07.04.2016).

5. Жатвенная обрядность, жнивные и яринские обрядовые песни в южных районах Псковской области / сост. К. А. Мехнецова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/368/zhatvennaya-obryadnost-zhivnie-i-yarinskie-obryadovie-pesni-v-yuzhnykh-rayonakh-pskovskoy-oblasti> (дата обращения 07.04.2016).

6. Жатвенная обрядность северно-псковской традиции / сост. Г. В. Лобкова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/462/zhatvennaya-obryadnost-severno-pskovskoy-traditsii> (дата обращения 07.04.2016).

7. Игра на балалайке в псковских традициях / сост. А. В. Полякова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/425/igra-na-balalayke-v-pskovskikh-traditsiyah> (дата обращения 07.04.2016).

8. Лирические песни Себежского и Невельского районов Псковской области / сост. К. А. Мехнецова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/364/liricheskie-pesni-sebezhskego-i-nevel'skogo-rayonov-pskovskoy-oblasti> (дата обращения 07.04.2016).

9. Масленичная обрядность и песни в юго-восточных районах Псковской области / сост. М. Н. Шейченко. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/372/maslenichnaya-obryadnost-i-pesni-v-yugo-vostochnykh-rayonakh-pskovskoy-oblasti> (дата обращения 07.04.2016).

10. Обряд колядования в южных районах Псковской области / сост. Е. А. Валевская. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/>

objects/373/obryad-kolyadovaniya-v-yuzhnih-rayonah-pskovskoy-oblasti (дата обращения 07.04.2016).

11. Обряд крестин, крестьбинские и приуроченные лирические песни Себежского района Псковской области / сост. К. А. Мехнецова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/365/obryad-krestin-krestbinskie-i-priurochennie-liricheskie-pesni-sebezhsogo-rayona-pskovskoy-oblasti> (дата обращения 07.04.2016).

12. Причитания на кукушку в традициях Псковской области / сост. Г. В. Лобкова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/363/prichitaniya-na-kukushku-v-traditsiyah-pskovskoy-oblasti> (дата обращения 07.04.2016).

13. Псковская традиция игры на гусях / сост. Г. В. Лобкова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/496/pskovskaya-traditsiya-igri-na-guslyah> (дата обращения 07.04.2016).

14. Псковская «ярманка» и ее музыкально-хореографическое оформление / сост. А. В. Полякова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/484/pskovskaya-yarmanka-i-ee-muzikalno-horeograficheskoe-oformlenie> (дата обращения 07.04.2016).

15. Свадебный обряд, песни и причитания локнянско-ловатской традиции / сост. Г. В. Лобкова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/367/svadebniy-obryad-pesni-i-prichitaniya-loknyansko-lovatskoy-traditsii> (дата обращения 07.04.2016).

16. Свадебный обряд, песни и причитания псково-печорского Обозерья и Велико-речья / сост. Е. А. Валевская. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/503/svadebniy-obryad-pesni-i-prichitaniya-pskovo-pechorskogo-obozerya-i-velikorechya> (дата обращения 07.04.2016).

17. Свадебный обряд, песни и причитания Себежского района Псковской области / сост. К. А. Мехнецова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/366/svadebniy-obryad-pesni-i-prichitaniya-sebezhsogo-rayona-pskovskoy-oblasti> (дата обращения 07.04.2016).

18. Святочный обход дворов с пением «виноградий» в западных районах Псковской области / сост. Е. А. Валевская. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/487/svyatochniy-obhod-dvorov-s-peniem-vinogradiy-v-zapadnih-rayonah-pskovskoy-oblasti> (дата обращения 07.04.2016).

19. Скрипичная традиция Псковской области / сост. А. В. Полякова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/454/skripichnaya-traditsiya-pskovskoy-oblasti> (дата обращения 07.04.2016).

20. Технология изготовления псковских и новгородских крыловидных гуслей / сост. Г. В. Лобкова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/394/tehnologiya-izgotovleniya-pskovskih-i-novgorodskih-krilovidnih-gusley> (дата обращения 07.04.2016).

21. Традиции пасхального обхода дворов с пением волочебных песен в Псковской области / сост. Е. А. Валевская. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/371/traditsii-pashalnogo-obhoda-dvorov-s-peniem-volechbnyh-pesen-v-pskovskoy-oblasti> (дата обращения 07.04.2016).

22. Традиционная женская пляска «Кружка» в народных традициях Псковской и Новгородской областей / сост. А. В. Полякова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/406/traditsionnaya-zhenskaya-plyaska-kruzhka-v-narodnih-traditsiyah-pskovskoy-i-novgorodskoy-oblastey>

23. Традиция игры на скрипке в южных районах Псковской области / сост. А. В. Полякова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/362/traditsiya-igri-na-skripke-v-yuzhnih-rayonah-pskovskoy-oblasti> (дата обращения 07.04.2016).

24. Традиция припевания пар во время толоки в Великоречье Псковской области / сост. Е. А. Валевская. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/369/traditsiya-pripevaniya-par-vo-vremya-toloki-v-velikoreche-pskovskoy-oblasti> (дата обращения 07.04.2016).

25. Хореографические традиции Псковской области / сост. А. В. Полякова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/485/horeograficheskie-traditsii-pskovskoy-oblasti> (дата обращения 07.04.2016).

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

26. Свадебный обряд, песни и причитания Сланцевского района Ленинградской области / сост. Е. А. Валевская. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/357/svadebniy-obryad-pesni-i-prichitaniya-slantsevskogo-rayona-leningradskoy-oblasti> (дата обращения 07.04.2016).

НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

27. Искусство игры на балалайке Антонины Ивановой из деревни Лисьи Горки Поддорского района Новгородской области / сост. Е. А. Валевская. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/2807/iskusstvo-igri-na-balalayke-antonini-ivanovoy-iz-derevni-lisii-gorki-poddorskogo-rayona-novgorodskoy-oblasti>.

28. Новгородская традиция игры на русских крыловидных гусях / сост. К. А. Мехнецова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/473/novgorodskaya-traditsiya-igri-na-russkih-krilovidnih-guslyah> (дата обращения 07.04.2016).

ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ

29. Обрядовые заклинания, хороводные и лирические песни в календарной обрядности тебleshской традиции (Бежецкий район Тверской области) / сост. И. В. Королькова, Н. Г. Сизова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/428/obryadovie-zaklinaniya-horovodnie-i-liricheskie-pesni-v-kalendarnoy-obryadnosti-tebleshskoy-traditsii-bezhetskiy-rayon-tverskoy-oblasti> (дата обращения 07.04.2016).

30. Свадебный обряд, песни и причитания тебleshской традиции (Бежецкий район Тверской области) / сост. И. В. Королькова, Н. Г. Сизова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/498/svadebniy-obryad-pesni-i-prichitaniya-tebleshskoy-traditsii-bezhetskiy-rayon-tverskoy-oblasti> (дата обращения 07.04.2016).

СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

31. Лирические песни Духовщинского района Смоленской области / сост. К. А. Мехнецова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/483/liricheskie-pesni-duhovshchinskogo-rayona-smolenskoy-oblasti> (дата обращения 07.04.2016).

КИРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

32. Лирические песни Афанасьевского района Кировской области / сост. М. Н. Шейченко. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/489/liricheskie-pesni-afanasevskogo-rayona-kirovskoy-oblasti> (дата обращения 07.04.2016).

33. Свадебный обряд и песни восточных районов Кировской области / сост. М. Н. Шейченко. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL:

<http://www.culture.ru/objects/481/svadebniy-obryad-i-pesni-vostochnih-rayonov-kirovskoy-oblasti> (дата обращения 07.04.2016).

34. Святочные гадания с песнями «Илею» в Кировской области / сост. Е. С. Черменина. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/442/svyatochnie-gadaniya-s-pesnyami-ileyu-v-kirovskoy-oblasti> (дата обращения 07.04.2016).

35. Хороводная традиция восточных районов Кировской области / сост. Е. С. Черменина, М. Н. Шейченко. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/488/horovodnaya-traditsiya-vostochnih-rayonov-kirovskoy-oblasti> (дата обращения 07.04.2016).

УДМУРТИЯ

36. Лирические песни русских старожилов северных районов Удмуртской Республики / сост. Е. А. Склярова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/478/liricheskie-pesni-russkih-starozhilov-severnih-rayonov-udmurtskoy-respubliki> (дата обращения 07.04.2016).

37. Хороводная традиция русских старожилов Удмуртской Республики / сост. Е. А. Склярова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/497/horovodnaya-traditsiya-russkih-starozhilov-udmurtskoy-respubliki> (дата обращения 07.04.2016).

БАШКОРТОСТАН

38. Лирические песни в традиции русских старожилов села Красный Зилим Архангельского района Республики Башкортостан / сост. М. С. Голубева. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/479/liricheskie-pesni-v-traditsii-russkih-starozhilov-sela-krasniy-zilim-arhangel'skogo-rayona-respubliki-bashkortostan> (дата обращения 07.04.2016).

39. Свадебный обряд, песни и причитания русских старожилов Республики Башкортостан / сост. М. С. Голубева. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/480/svadebniy-obryad-pesni-i-prichitaniya-russkih-starozhilov-respubliki-bashkortostan> (дата обращения 07.04.2016).

ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

40. Лирические песни русских старожилов Томского Приобья / сост. Е. С. Редькова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/472/liricheskie-pesni-russkih-starozhilov-tomskogo-priobya> (дата обращения 07.04.2016).

41. Музыкально-хореографические традиции русских старожилов Обь-Иртышского междуречья / сост. Е. С. Редькова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/361/muzikalno-horeograficheskie-traditsii-russkih-starozhilov-obskoitishskogo-mezhdurechya> (дата обращения 07.04.2016).

42. Свадебный обряд, песни и причитания русских старожилов Томского Приобья / сост. Е. С. Редькова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/1911/svadebniy-obryad-pesni-i-prichitaniya-russkih-starozhilov-tomskogo-priobya> (дата обращения 07.04.2016).

ЛИПЕЦКАЯ, ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТИ

43. Технология изготовления елецкой рояльной гармоники / сост. Е. М. Петрова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/377/tehnologiya-izgotovleniya-eletskey-royalnoy-garmoniki> (дата обращения 07.04.2016).

44. Традиции игры на елецкой рояльной гармонике в Липецкой и Воронежской областях / сост. Е. М. Петрова. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/471/traditsii-igri-na-eletskey-royalnoy-garmonike-v-lipetskey-i-voronezhskoy-oblastyah> (дата обращения 07.04.2016).

ВОЛГОГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

45. Песенное наследие Андрея Ивановича Каргальского из станицы Каргальской Цимлянского района Ростовской области / сост. Е. А. Валевская, М. Н. Шейченко. // Портал культурного наследия России КУЛЬТУРА.РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/2883/pesennoe-nasledie-andreya-ivanovicha-kargalskogo-iz-stanitsi-kargalskoy-tsimlyanskogo-rayona-rostovskoy-oblasti> (дата обращения 11.11.2016).

Подготовленные к публикации материалы:

Псков

1. Иванская (купальская) обрядность и песни в южных районах Псковской области / сост. Г. В. Лобкова. – 2014.
2. Свадебный обряд, песни и причитания Невельского района Псковской области / сост. И. Б. Теплова. – 2015.

Новгород

3. Исполнительское искусство причитальщицы Екатерины Михайловны Игнатьевой из поселка Неболчи Любытинского района Новгородской области / сост. И. В. Королькова. – 2015.
4. Свадебная обрядность Холмского района Новгородской области / сост. И. В. Королькова, Е. Ю. Баскакова. – 2015.

Архангельск

5. Лирические песни Устьянского района Архангельской области / сост. К. А. Мехнецова. – 2015.
6. Пение «тонким» голосом в традиции Нижней Устьи (Архангельская область) / сост. Е. С. Редькова. – 2015.
7. Песенно-хореографическая традиция Устьянского района Архангельской области / сост. А. В. Полякова. – 2015.

Вологда

8. Кирилловская гармонь-хромка / сост. А. А. Мехнецов. – 2015.
9. Святочные гадания с песнями в Белозерье (Вологодская область) / сост. Е. А. Валевская. – 2015.

Смоленск

10. Песенная традиция села Сукромля Смоленской области / сост. К. А. Мехнецова. – 2015.
11. Поминальные стихи в похоронной обрядности северных районов Смоленской области / сост. К. А. Мехнецова. – 2015.
12. Свадебный обряд и песни родины М. И. Глинки (село Новоспасское Смоленской области) / сост. И. В. Светличная. – 2015.
13. Святочные гадания «кольца трость» в селах Холм-Жирковской округи (Смоленская область) / сост. Е. А. Валевская. – 2015.

Тверь

14. Похоронно-поминальный обрядовый комплекс Селижаровского района Тверской области / сост. Ю. Ю. Калмыкова. – 2015.

15. Традиция игры на скрипке в Западнодвинском районе Тверской области / сост. А. В. Полякова. – 2015.

Киров

16. Промысел по изготовлению гармоники («румянцевской», «колеватовской») на территории юго-западных районов Кировской области / сост. Д. В. Изотов. – 2014.

Челябинск

17. Свадебный обряд поселка Арсинского Нагайбакского района Челябинской области / сост. М. Н. Шейченко, К. А. Крылов. – 2015.

18. Творческое наследие М. Ф. Генераловой и И. А. Быстровой – исполнителей оренбургских казачьих песен / сост. М. Н. Шейченко, К. А. Крылов. – 2015.

А. В. Кулев, С. Р. Кулева, г. Вологда

Электронный каталог объектов нематериального культурного наследия Вологодской области

1. К вопросу о терминологии и об истории введения термина «нематериальное культурное наследие»

Термин «нематериальное культурное наследие» был принят на международном уровне в 2003 году в рамках Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия (ЮНЕСКО, Париж, 17 октября 2003 г.)¹. Россия не ратифицировала данную конвенцию.

В нашей стране для определения сферы духовной народной культуры в науке и практике использовались разные термины – «фольклор», «народное творчество» («устное народное творчество»), «народная культура» и пр. В 1990 году в Вологодской области был создан первый в России центр **традиционной народной культуры** (в с. Воскресенское Череповецкого района), а законодательно термин **«традиционная народная культура»** был впервые введен в оборот в 2004 году через Закон Вологодской области «О государственной политике области в сфере сохранения и восстановления традиционной

---

¹ В Конвенции дается следующее определение: «Нематериальное культурное наследие означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека». В данном определении не дифференцированы **сфера ментальности, формы**, с помощью которых человек / сообщество людей выражает свои духовно-нравственные приоритеты, и **навыки** как процесс, в котором содержание претворяется в результат – форму. Удивительно, что такое «нелогичное» определение дается в столь фундаментальном документе.

народной культуры Вологодской области»². Благодаря ряду целенаправленных действий термин «традиционная народная культура», наиболее адекватно отражающий процессы, происходящие в России (в противовес термину «народное творчество», определяющему направление художественной самодеятельности), будучи понятен ученым и практикам, всё же вошел и в правовое поле, и в лексику чиновников.

Однако, начиная с 2008 года, когда Министерством культуры РФ была утверждена Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009-2015 годы³ как отражение мировых тенденций в сфере культуры и были начаты работы по созданию и наполнению Каталога объектов нематериального культурного наследия, в научный, культурно-образовательный, управленческий обороты вводится термин «нематериальное культурное наследие». В 2014 году утверждены Основы государственной культурной политики⁴, после чего термин «нематериальное культурное наследие» как документально закреплённый активно вытесняет из документов, публикаций, лексики принятый ранее термин «традиционная народная культура».

В Основах государственной культурной политики дается следующее определение: «нематериальное культурное наследие входит в состав “культурного наследия” (наряду с “материальным культурным наследием”) и включает в себя языки, диалекты, традиции, обычаи и верования, фольклор, традиционные уклады жизни и представления об устройстве мира народов, народностей, этнических групп, русская литература и литература народов России, музыкальное, театральное, кинематографическое наследие, созданная в стране уникальная система подготовки творческих кадров»⁵. Исходя из данного документа, «традиционная народная культура» (то, что в определении обозначено как «традиции, обычаи и верования, фольклор, традиционные уклады жизни и представления об устройстве мира народов, народностей, этнических групп») является лишь частью «нематериального культурного наследия». Однако в реальности мы сталкиваемся с тем, что термин «нематериальное культурное наследие» употребляется как синоним термина «традиционная

---

² Закон Вологодской области № 1000-03 от 26 февраля 2004 года. Определение «традиционной народной культуры» в настоящем законе основывается на понятии «фольклор», сформулированном в Рекомендации ЮНЕСКО о сохранении фольклора от 15 ноября 1989 г. «Традиционная народная культура – совокупность основанных на традициях культурного сообщества ценностей, являющихся отражением культурной и национальной самобытности общества. Ее формы включают, в частности, язык, словесность, музыку, танцы, игры, мифологию, обряды, обычаи, ремесла, архитектуру и другие виды творческой деятельности человека. Образцы и ценности традиционной народной культуры передаются устно, путем имитации или другими способами».

³ Приложение № 1 к приказу Минкультуры России от 17 декабря 2008 г. N 267.

⁴ Основы государственной культурной политики. Утверждены Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808.

⁵ Основы государственной культурной политики...

народная культура». Например, в разрабатываемом в настоящее время при поддержке Минкультуры РФ Каталоге объектов нематериального культурного наследия.

«Нематериальное культурное наследие» – термин, который был предложен нам извне, слабо проработан и не имеет однозначного понимания и соответствия определяемому им предмету – духовной народной традиционной культуре. Кроме того, в отношении к традиционной народной культуре как системе, находящейся в процессе постоянного изменения, использование термина «наследие»⁶ является не вполне корректным. Яркое свидетельство национального осмысления термина «наследие» оставил А. С. Пушкин: «Дай лечь мне в гроб, тогда иди с Мазепой мое наследие считать». Смысловый акцент в определении «наследия» как конечной точки развития предполагает, что ее создатель – в данном случае народ – уже ушел из жизни.

Несмотря на наличие других терминов, более соответствующих и формально, и содержательно предмету изысканий отечественных науки и практики – фольклору и традиционной народной культуре – термин принят. В настоящее время в Вологодской области формируется Электронный каталог объектов нематериального культурного наследия Вологодской области.

II. Электронный каталог объектов нематериального культурного наследия Вологодской области

В Вологодской области с 2001 года начал формироваться Централизованный фонд фольклорно-этнографических материалов (ЦФФЭМ). Он включает в себя коллекции различных фондообразователей – федеральных, региональных, муниципальных, общественных организаций, учреждений, частных лиц, которые содержат материалы, представляющие традиции народной культуры Вологодской области. На данный момент в ЦФФЭМ поставлено на учет **66730** учетных единиц (единиц записи).

На основе материалов ЦФФЭМ, а также других коллекций, имеющих в своем составе материалы по фольклору и этнографии Вологодской области, в настоящее время разрабатывается Электронный каталог объектов нематериального культурного наследия Вологодской области. Для этой деятельности создан Экспертный совет.

Объектом⁷ нематериального культурного наследия в зависимости от подходов, цели и задач исследователя может быть всё – от слова, текста до

---

⁶ **Наследие** – I. «явление духовной жизни, быта, уклада, унаследованное, воспринятое от прежних поколений, от предшественников» (С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка). II. «разг. Имущество, переходящее после смерти его владельца новому лицу» (Современный толковый словарь русского языка Ефремовой). Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/192028/>.

⁷ «**Объект** (лат. *objectum* – предмет) – философская категория, обозначающая вещь, явление или процесс, на которые направлена предметно-практическая, управляющая и познавательная деятельность субъекта (наблюдателя)». См.: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

развернутого обрядового комплекса. В Каталоге Вологодской области объект понимается как содержательно и структурно законченное, зафиксированное явление (или его фрагмент) традиционной народной культуры, обладающее своим объемом и границами. Причем, на разных уровнях Каталога объект может быть большего или меньшего объема, в зависимости от контекста, в котором он представлен.

В целях комплексного представления культурных традиций области в Каталоге разработана **трехуровневая структура** размещения материалов:

1. Описания материалов по фольклору и этнографии.
2. Публикации, исследования, материалы.
3. Современная деятельность в сфере традиционной народной культуры.

Базовую часть Каталога (**1 уровень**) составляют **описания материалов по фольклору и этнографии (реестры)**. Существует апробированная и зарекомендовавшая себя в отечественной фольклористике система выделения фольклорных текстов как минимальных единиц учета (по архивной терминологии учетная единица или единица записи) зафиксированных экспедиционных материалов. На **первом уровне Электронного каталога** Вологодской области объектами нематериального культурного наследия являются единицы записи, имеющие свой уникальный архивный номер⁸. Здесь поиск информации об объектах НКН может осуществляться по двум направлениям: через Географический перечень и через Перечень фондов, коллекции которых представлены в Централизованном фонде.

Поиск через Географический перечень. 1. Выбирается необходимый район, традиция которого интересует пользователя. 2. Перечень экспедиций, работавших на данной территории с раскладкой по годам, с названием учреждений, проводивших экспедицию, и с шифром коллекции. 3. Через шифр коллекции пользователь выходит в описания материалов.

Поиск через Перечень фондов. 1. Пользователь выбирает интересующий его фонд. 2. Выходит в список коллекций данного фонда, где видит информацию о месте проведения экспедиций и шифры соответствующих коллекций. 3. Через шифр коллекции – выход к описаниям материалов. Кроме того, здесь

«**Объект** (от лат. *objectum* – предмет) в самом широком смысле то, на что направлено индивидуальное или коллективное сознание». См.: *Философия: Энциклопедический словарь* / под редакцией А. А. Ивина. – М.: Гардарики. – 2004.

«**Объект нематериального культурного наследия (ОНКН)** – целостный структурно-однородный фрагмент традиционной народной культуры, зафиксированный в конкретной локальной традиции в определенный период времени». См.: *Описание объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации: научно-методическое пособие* / сост. Д. В. Морозов (отв. редактор), Е. А. Дорохова, К. С. Маликова и др. – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2016. – С. 5.

⁸ Исходя из вариативности фольклора, повторы фиксации одного явления как у одного собирателя, так и у разных собирателей, не должны смущать каталогизатора – каждая фиксация явления фольклора уникальна и неповторима.

имеются ссылки на смежные коллекции других учреждений, работавших на данной территории, с которыми также можно познакомиться.

Кроме собственно представления содержания фондов, **первый уровень** Электронного каталога решает важнейшую задачу постановки материалов фондов на учет для организации дальнейшей поддержки собирательской и фондовой деятельности.

Следующий (**второй**) уровень Каталога представлен **публикациями, исследованиями, аудиовизуальными и другими материалами по фольклору и этнографии Вологодской области**. На данном уровне размещены уже обнародованные материалы, которые представлены через два раздела: Аудиовизуальные материалы и Публикации, исследования.

Поиск аудиовизуальных материалов можно осуществлять через Аудиоальбомы или Видеоальбомы, в которых представлены материалы по локальным традициям народной культуры, через Жанровый перечень, где можно послушать материалы, представляющие жанры фольклора Вологодской области, или через подборку Обряды.

Раздел Публикации и исследования содержит электронные версии опубликованных материалов – сборники, статьи, исследования, описания отдельных фрагментов культурных традиций.

Третий уровень Каталога – **«Современная деятельность в сфере традиционной народной культуры»**: художественно-творческие воплощения фрагментов культурных традиций, деятельность по реконструкции, актуализации, популяризации объектов НКН. Здесь материалы располагаются по направлениям – Фольклорные коллективы, Учреждения и организации традиционной народной культуры, мастера народных ремесел и промыслов, мероприятия по традиционной народной культуре, в том числе народные праздники в современной среде.

В Каталоге разные уровни представления объектов НКН взаимосвязаны. Для достоверного представления объекты, размещенные на первом уровне «Описания материалов по фольклору и этнографии» (реестры экспедиционных записей) и ранее опубликованные или нашедшие отражение в каких-либо исследованиях, имеют ссылку на публикацию (электронную версию публикации), исследование, на текстовую и/или нотную расшифровку и на звуковое и/или визуальное представление. Объекты, представленные в разделе «Современная деятельность в сфере традиционной народной культуры», имеют ссылку на экспедиционную или опубликованную этнографическую запись объекта. Благодаря соотнесению современной деятельности с фондовыми материалами решается важнейшая задача достоверного воссоздания традиций народной культуры и формирования вектора развития творческих коллективов и мастеров.

Материалы, представленные в Каталоге объектов НКН, востребованы сотрудниками учреждений культуры и образования области, преподавателями, студентами, частными лицами.

В локальной версии Каталога объектов НКН из описаний материалов по фольклору и этнографии имеется возможность выхода в сами аудио-, видео-, рукописные, фотоматериалы и дальнейшей передачи необходимых пользователю объектов. Материалы коллекций иных учреждений используются исключительно в рамках, определенных собственником данных материалов.

Каковы перспективы создания и разработки региональных каталогов объектов НКН и федерального каталога?

Основные задачи, которые, на наш взгляд, должен решать подобный проект, это, во-первых, постановка объектов нематериального культурного наследия на государственный учет для дальнейшего оказания научной, методической, организационной, правовой, финансовой поддержки фондам в сохранении и популяризации объектов нематериального культурного наследия. Во-вторых, ориентация современной деятельности в сфере традиционной народной культуры на источниковые материалы. Для наиболее объективного и полного представления материалов Каталог должен объединить имеющиеся доступные материалы по фольклору и этнографии Вологодской области. В-третьих, комплексное представление традиций народной культуры каждой территории.

Е. Г. Боронина, г. Москва

**Неизвестные записи хора подмосковных крестьян
под управлением П. Г. Яркова из Российского государственного
архива фонодокументов**

Немалый научный и практический интерес являют собой записи хора крестьян под управлением П. Г. Яркова, хранящиеся в Российском государственном архиве фонодокументов. В центре внимания статьи – фонозаписи крестьянского хора, а также их краткий анализ в связи с выявлением специфики подмосковного пения.

Подмосковная певческая традиция чрезвычайно интересна. С уверенностью можно утверждать, что она неоднородна. Это касается как стилистических, так и вокально-певческих характеристик. Певческие традиции пограничных земель Московской губернии во многом тяготеют к исполнению, сложившемуся на соседних территориях – на смоленщине, на рязанщине, в тульских или тверских землях. Мы же сосредоточим свое исследование на традиционном московском пении, своеобразном стиле, условно принимаемом специалистами [1, с. 7; 2, с. 4] за «эталон» московской певческой традиции, историче-

ски сложившейся в Подмоскowie. Стиль этот характеризуется достаточно высокой певческой тесситурой, широким, гибким голосоведением, развитой импровизационностью, устойчиво сложившимся песенным репертуаром.

Все эти характеристики являются определяющими по отношению к хору, созданному П. Г. Янковым в 1919 году, который первоначально назывался самодеятельным крестьянским хором Бронницкого района. Крестьянин-самоучка, талантливый певец и яркий лидер Петр Глебович Янков смог собрать вокруг себя интересных песельников из деревень, близлежащих к Сельцу (место рождения П. Г.), а также Хлынова, Малышева, Кочиной Горы, Нестерова, Денежникова Бронницкого уезда Салтыковской волости Московской губернии. Деревни составляли яркий певческий «куст», где концентрируются черты традиционного пения, обладающего яркими специфическими чертами, и которое со временем стало восприниматься как типично московское.

Первым учителем Петра Янкова была мать Пелагея Федоровна. Родом она была «из певческого села Денежниково, славящегося с XVIII века хороводами, играми и плясками, куда съезжались крестьяне окрестных сел и деревень. Другим учителем Янкова был прославленный подмосковный певец, балагур, затейник и плясун, его односельчанин П. Я. Порошин» [1, с. 6].

В середине 1890-х годов П. Г. Янков переезжает в Москву для обучения столярному делу, продолжая собирать и разучивать народные песни на слух, а с 1902 года возвращается под Бронницы. Здесь он накапливает наблюдения за тем, как исполняется песня, как нужно ее искусно отыграть, как сливаются голоса исполнителей с солирующим рожком, подмечаются детали: «раскачивание» голоса в хороводах и плясках, умение вести песню, придавая ей плавность или подвижную моторность. Так Петр Янков становится искусным умельцем-песельником с огромным практическим опытом и непоколебимым убеждением в непреходящей ценности народной песни.

Творческая индивидуальность П. Г. Янкова определила неповторимое своеобразие созданного им крестьянского хора. В основе репертуара хора традиционные песни Бронницкого уезда. Исполнительский стиль и певческие приемы, специфическая тембральная окраска голосов как участников хора, так и самого Янкова прочно укоренены в локальном традиционном крестьянском пении сел и деревень, расположенных вокруг его родного подмосковного Сельца.

Постепенно хор получает признание, с 1925 года начинает активно выступать в Москве, а затем и записываться на радио. Популярный коллектив записывает около 40 пластинок, содержащих редкие образцы народной подмосковной музыки, а также песни на тексты П. Г. Янкова.

Многие из этих пластинок хранятся в Российском государственном архиве фонодокументов. Кроме того, архивы РГАФД содержат немало записей

крестьянского хора П. Г. Яркова, выполненные на фоноваликах. К сожалению, не все эти записи можно услышать. Некоторые песни существуют только в записи на грамморигиналы – металлические матрицы для изготовления тиража пластинок, аппаратура же для их прослушивания утрачена. И диски, а их немало в архиве, к огромному сожалению, молчат.

В РГАФД хранятся следующие записи крестьянского хора под управлением П. Г. Яркова (список постепенно пополняется):

№	Название песни	Название хора	Год выпуска
1	Что за тем за лесочком. Русская народная песня	Хор п/у П. Г. Яркова	1938 г.
2	Велик туман при долине. Русская народная песня	Хор п/у П. Г. Яркова	1938 г.
3	Лен. Московская плясовая	Хор п/у П. Г. Яркова	1936 г.
4	Селезень мой	Хор п/у П. Г. Яркова	1936 г.
5	Авиачастушки. Текст П. Г. Яркова	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	Предположительно 1941-43 гг.
6	От старого к новому. Колхозные частушки. Текст П. Г. Яркова	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	1934 г.
7	Земляниченька. Русская народная песня.	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	1938 г.
8	Не в трубушку трубить. Свадебная песня с причитанием невесты. Плач ведет Н. Маркелова	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	1910-45 гг.
9	Посею лебеду на берегу	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	1934 г.
10	Стелется, вьется. Русская народная песня	Хор п/у П. Г. Яркова	1930 г.
11	Ты, рябинушка	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	1934 г.
12	Колхозная песня	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	1930
13	Едет по полю машина	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	1934-35 гг.
14	Проводы красноармейца	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	1934-35 гг.
15	Сизенький голубчик	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	1934-35 гг.
16	Песня старой батрачки	Крестьянский хор п/у П. Г. Яркова	1934-35 гг.
17	Виноград, свадебная, застольная	Крест. хор п/упр. Яркова П. Г.	1920-е г.
18	Черемушка	Крест. хор п/упр. Яркова П. Г.	Предположительно 1934 г.

Охарактеризуем некоторые песни.

«Что за тем за лесочком» – классический пример лирики Восточного Подмосковья, запись сделана в 1938 году. Исполняется полным смешанным составом хора. Развитое многоголосие звучит легко. Тонкие женские голоса

верхних партий полетные, приподнятые, переплетающиеся между собой, придают песне специфически подмосковный колорит.

На обратной стороне той же пластинки записана круговая медленная песня «Велик туман при долине». Звучит она удивительно свежо, широко. Подобные песни-хороводы были весьма популярны в Подмоскowie.

В 1936 году вышла пластинка, на которой были представлены круговые быстрые песни «Селезень мой» и «Лен» («Ой, я сеяла, сеяла ленок»). Вторая запись была определена как «Московская плясовая». По сути же, это игровые хороводы. Именно игровые и плясовые песни были наиболее любимы в хоре. Исполнялись они с большим мастерством и воодушевлением, сопровождалась движениями рук, головы, корпуса, приплясыванием. «Игра» была не только видима, но и слышима.

Е. В. Гиппиус отмечает, что хор обязательно разыгрывал песни даже в радиостудии перед микрофоном [1,9]. Моторность звучания исчезала тотчас же, как только участникам хора предъявлялось требование петь неподвижно; наоборот, когда хор разыгрывал песню, в звучании передавались самые разные оттенки движений. В медленных круговых песнях слышалась степенная поступь, в быстрых круговых на первый план выступал ритм притопываний.

Еще одна запись – лирическая песня «Черемушка» с высоким мужским запевом, мастерски выполненным. Можно предположить, что запекает руководитель хора П. Г. Янков (в одной из сохранившихся программ концерта хора именно Янков назван запевалой).

В раскрытии характера этой песни особую роль играла мужская группа хора с ведущим тембром теноров, женские голоса лишь подкрепляли ее. А. В. Руднева, руководитель хора Янкова в 1945-49 гг., отмечала один из специфических исполнительских приемов хора, который ярко представлен в песне. Это особая роль подголоска, когда сплетение верхнего и нижнего голосов позволяют раскачивать свои партии вверх и вниз, свободно «гуляя» по всему звуковому объему [2, с. 5]. Подобная свобода и широта голосового рисунка – характерные свойства подмосковной певческой традиции.

«Виноград» – свадебная величальная песня, в которой ярко ощущается подмосковный колорит, здесь типично подмосковный мелодический и многоголосный песенный строй. Исполняется женским составом хора в высокой тесситуре. Запевает умелая песельница, постоянно варьируя запев. Песня звучит ярко, легко, игриво. Величальные песни исполняются хором Янкова всегда с большим воодушевлением. Они составляют основу репертуара хора, более всего определяя его художественное своеобразие.

Литература:

1. Гиппиус, Е. В. Русские народные песни Подмосковья, собранные П. Г. Янковым / Е. В. Гиппиус // Русские народные песни Подмосковья, собранные народным певцом-умельцем П. Г. Янковым с 1890 по 1930 г. / ред. и предисл. проф. Е. В. Гиппиуса. – Москва-Ленинград: Музгиз, 1951. – С. 3-12.
2. Руднева, А. В. Предисловие / А. В. Руднева // Народные песни Московской области / запись, сост., предисл. и примеч. А. В. Рудневой. – Москва: Музыка, 1964. – С. 3-7.

С. Э. Баранова, г. Санкт-Петербург

Общая характеристика причётной традиции Порховского района Псковской области

Порховский район расположен в восточной части Псковской области (Карта 1). На севере он граничит со Струго-Красненским, на юге – с Новоржевским, на востоке – с Дновским, на западе – с Псковским, а на юго-востоке – с Дедовичским районами. Водная система Порховского района принадлежит бассейну Псковского и Ильмень озера (последнее находится на территории Новгородской области); здесь протекают более 20 рек, среди которых наиболее значимые: Шелонь, Черёха, Ситня и Удоха.

Формы традиционной народной культуры, сложившиеся на территории Порховского района, характеризуются как переходные. Так, например, А. С. Герд считает, что данная территория входит в зону псковско-новгородского диалектного единства (Карта 2).

В издании «Традиционная народная культура Псковской области» на территории Порховского района выделены две локальные традиции:

– **Черёхская**, по р. Черёхе – притоку р. Великой (охватывает Верхнемогостскую, Митрофановскую и Славковскую волости). В этой традиции развита система календарных обрядов, ярмарок, доминируют инструментально-хореографические формы фольклора. В области свадебной обрядности представлены сведения о свадьбах «убегом». По основным показателям Черёхская традиция примыкает к центральной Псковщине.

– **Шелонская**, по притокам р. Шелони – р. Узе (Ясенская волость) и р. Удохе (Дубровенская волость). В более полной форме здесь представлен свадебный обряд и связанные с ним жанры фольклора. В Дубровенской волости зафиксированы обряды зазывания умерших родителей на свадьбу, чесания косы и красования невесты, а ведущую роль играют сольные и групповые причитания. Данная традиция входит в лужско-шелонскую историко-культурную зону (Западное Приильменье), обнаруживая тяготение к новгородским традициям.

История изучения музыкального фольклора Порховского района связана с именем ленинградского фольклориста Н. Л. Котиковой. Ее первые экспедиционные выезды на территорию района начались еще в 1950-е годы. В 1960-е годы вместе с Котиковой в этой же зоне работал известный петербургский композитор С. М. Слонимский. Уже в те годы собиратели отмечали угасание певческой традиции района и доминирование форм инструментального фольклора.

Экспедиционная работа на территории Порховского района продолжилась в 1980-е годы. Зимой 1987 года фольклористы Ленинградской государственной консерватории обследовали территорию Дубровенского, Митрофановского и Ясенского с/с Порховского района, где зафиксировали яркие образцы сольных и групповых форм свадебных голошений (причитаний). В ходе экспедиционного выезда консерваторцев в 1989 году в Славковский и Верхнемостский сельские советы (западная часть Порховского района) записи причитаний были минимальны и ограничивались образцами похоронно-поминальных плачей.

Всего экспедициями консерватории на территории Порховского района были зафиксированы: 41 образец сольных причитаний и 40 – групповых, из них с напевом сольных – 23, групповых – 33; оставшиеся образцы – в текстах (рис. 1, 2).

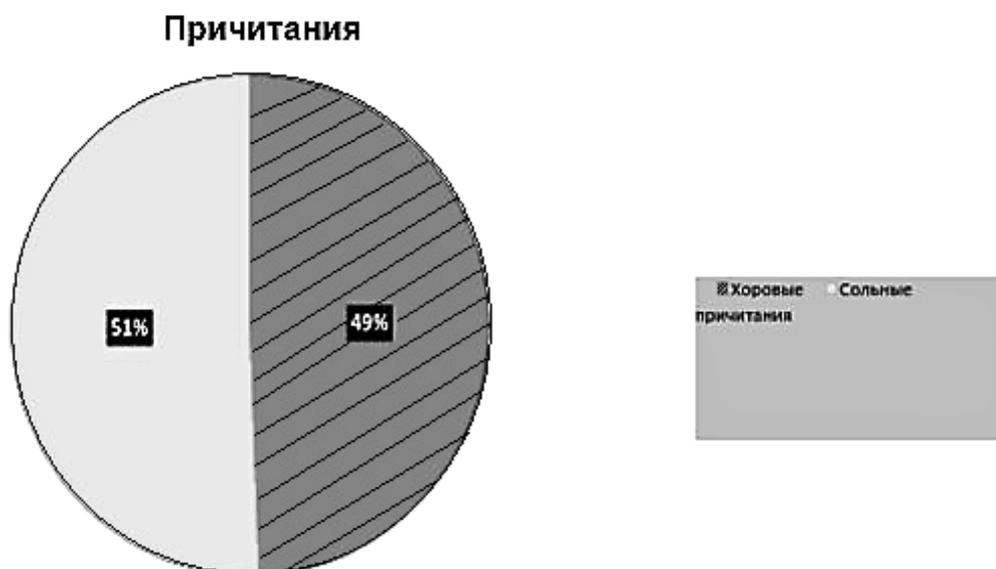

Рис. 1. Диаграмма соотношения сольных и хоровых причитаний

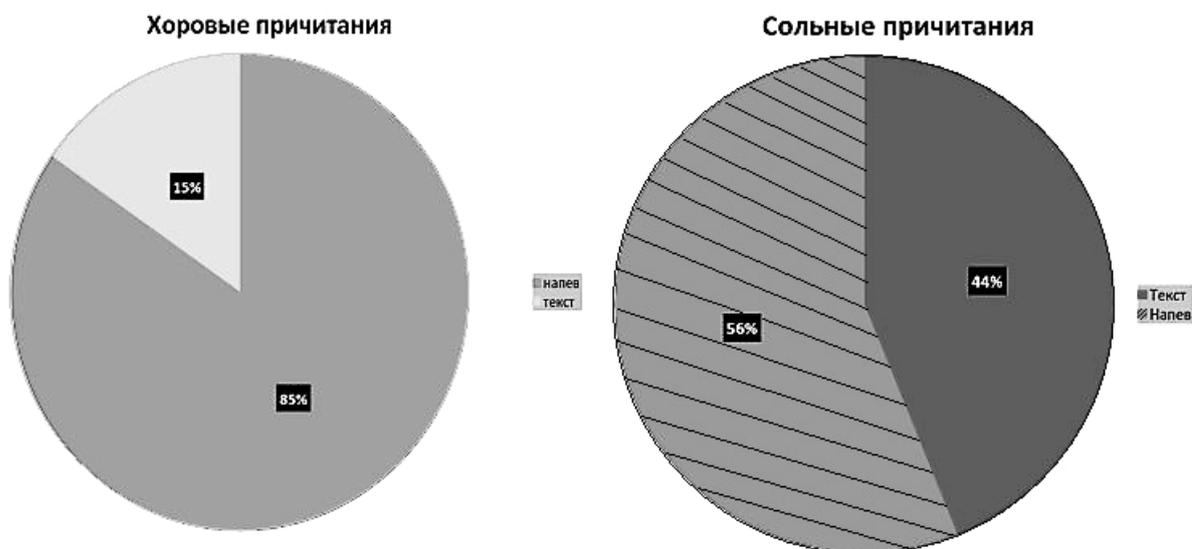

Рис. 2. Диаграмма соотношения записей сольных и хоровых причитаний

Экспедиционная работа показала, что традиция сольного причета в Порховском районе подверглась существенной деформации, тогда как формы групповой причеты сохранились намного лучше. Собиратели сделали важное научное открытие – они зафиксировали на данной территории несколько вариантов особого вида группового причитания девушек, объединенных образом «Воли» («Воленьки», «Волюшки», «Вольки») и характерным поэтическим текстом (пример 1).

Ареал распространения этой разновидности группового причитания обширен и охватывает сопредельные территории трех областей: Псковской (Дновский, Плюсский и Порховский районы), Новгородской (Волотовский, Шимский, Солецкий и Батецкий районы) и Ленинградской (Лужский район). Географически данный ареал охватывает течение трех рек: верховья Плюсы (правого притока Нарвы) и Луги, практически весь бассейн Шелони (впадает в Ильмень-озеро). Записи 1987 года расширили ареал данного группового причитания в юго-западном направлении.

Впервые анализ напевов «Воли» предпринял В. А. Лапин. Основываясь на проработке вариантов из Батецкого района Новгородской области, исследователь сделал ряд важных наблюдений: «Структура группового голошения в рассматриваемой традиции обладает огромными возможностями внутреннего развития, которые реализуются в широком диапазоне. Крайние точки этого диапазона выводят нас в обоих случаях к песенным формам: с одной стороны, к четким ритмическим формулам величальных песен (особенно ясно в плюских записях), с другой – к лирическим свадебным и даже лирическим протяжным песням (шелонские записи)» [2, с. 110].

Т. С. Молчанова, проанализировавшая варианты групповых плачей из верхнелужской традиции, отмечает, что совмещение индивидуального и ансамблевого пения происходит двумя способами:

1) сольный причет звучит на фоне группового причитания, при этом тексты могут быть самостоятельными или близкими;

2) сольный причет на фоне свадебной песни «невестинского» круга на один и тот же текст либо на разные.

Т. С. Молчанова отмечает, что сольные причитания имеют в основе девятисложный тонический стих с трехсложными анакрузой и клаузулой, которые могут увеличиться до 13 слогов за счет расширения анакрузы и клаузулы, или срединного раздела. В верхнелужских групповых причитаниях преобладает одностиховая форма с составом 5+5+5. Ближайшие аналоги обнаруживаются в традициях восточных районов Новгородской области. В местной традиции выделяются причитания со стабильным и нестабильным количеством слогов, цезурированной и нецезурированной структурой стиха (пример 2).

О. И. Москвина, основываясь на экспедиционных записях из Поддорского и Волотовского районов Новгородской области, также отмечает, что в основе хорового причитания «Воля» лежит трехакцентный тонический стих с тремя равноправными ударениями (начальным, срединным и кадансовым акцентами). Слогоритмическая модель опирается на трехчленную структуру (5+5+5) с двумя постоянными цезурами. Для Волотовских причитаний характерен повтор текста первого полустишия *aab* – соответственно смысловая часть текста представляет собой 10-тисложную строку (пример 3). Забегая вперед, отметим, что на территории Плюсского района также были зафиксированы образцы причётных напевов данной структуры (пример 4, 5).

Проанализировав образцы групповых причитаний из Порховского района, можно отметить, что в их основе лежит двух- или трехакцентный тонический стих. Для ряда образцов характерна трехчастная структура 5+5+5, в которой второе полустишие повторяется дважды: *abb*. На территории Порховского района распространены как цезурированные, так и нецезурированные напевы. Наличие и местоположение цезуры не является стабильным. Кроме того, текст «Воли» мог координироваться не только с напевом группового причёта, но и со свадебной песней «У ворот сосна сколыбалася», обладающей схожими принципами ритмической и композиционной организации.

Примечательно, что групповое голошение «Воля» во всех точках ареала его распространения имеет идентичные контексты функционирования в обряде – её пели девушки, подруги невесты, в период от просватанья до утра свадебного дня в двух ситуациях:

- а) когда перед окнами невесты сжигали «молодость» или «красоту». В соседнем Дновском районе разводили костёр, называющийся также «Волей»;
- б) во время (или сразу после) чесания косы невесте.

Одновременно с исполнением «Воли» невеста приплакивала, т. е. в тех же ситуациях звучали сольнные причитания.

Обобщая материалы, приведенные в работах различных исследователей, в рамках единого Псково-Новгородско-Ленинградского ареала могут быть выделены три относительно самостоятельные зоны:

1) Первая занимает нижнее течение р. Шелонь и охватывает Дновский, Дедовичский и Порховский районы Псковской области, а также приграничные территории Новгородской области.

2) Вторая локализуется в нижнем течении р. Плюссы и занимает территорию Плюсского и Гдовского районов Псковской области, а также Сланцевского района Ленинградской области (бывш. Лужский уезд Санкт-Петербургской губернии).

3) Третья связана с течением р. Луги, впадающей в Лужскую губу и далее – в Финский залив Балтийского моря.

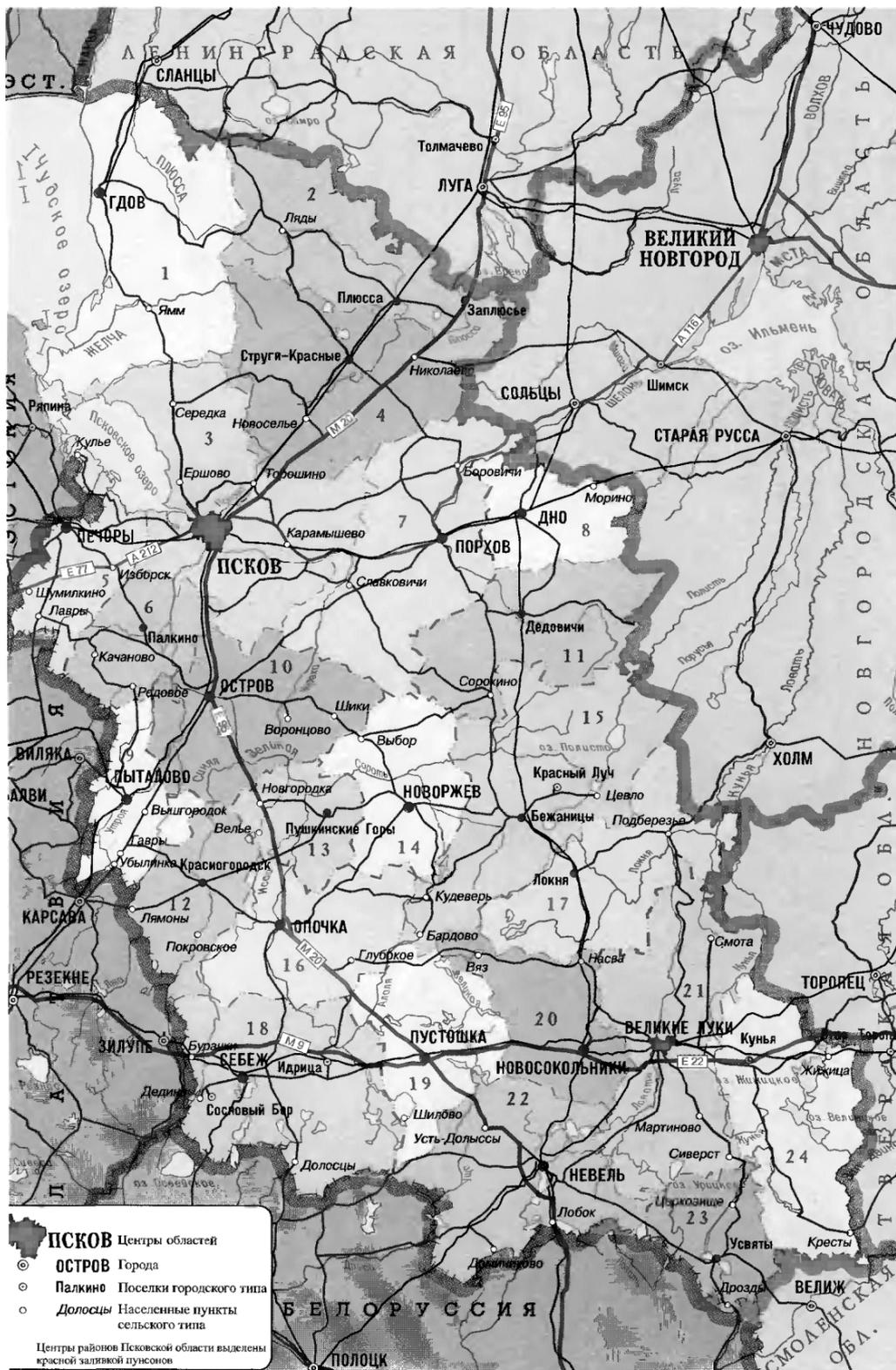
Подробное исследование причётных традиций каждой из этих зон, структурно-типологические особенности напевов сольнных и групповых плачей, а также вопросы соотношения сольнных и групповых форм станут предметом изучения на следующем этапе научной работы.

Литература:

1. Бурьяк, М. К. Групповое голошение Гдовской свадьбы / М. К. Бурьяк // Русский Север: проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики / отв. ред. Т. А. Бернштам, К. В. Чистов. – Ленинград: Наука, 1986. – С. 116–124.
2. Лапин, В. А. Воля – групповое голошение в лужско-шелонской свадебной традиции / В. А. Лапин // Русский Север: проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики / отв. ред. Т. А. Бернштам, К. В. Чистов. – Ленинград: Наука, 1986. – С. 101–115.
3. Молчанова, Т. С. Верхне-лужские свадебные плачи в причетной традиции Ленинградской области / Т. С. Молчанова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – № 82–1. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 235–242.
4. Москвина, О. И. Музыкально-поэтические формы в системе свадебной обрядности Поддорского района Новгородской области / дипломная работа; науч. рук. И. В. Королькова. – Санкт-Петербург, 2008.
5. Музыкально-песенный фольклор Ленинградской области: В записях 1970–1980 гг. Вып. 1 / сост., ред. В. А. Лапин. – Ленинград: Советский композитор, 1987. – 104 с.
6. Народная традиционная культура Псковской области: обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра. В 2 т. / авт. проекта, сост., науч. ред. А. М. Мехнецов. – Санкт-Петербург; Псков: издательство Областного центра народного творчества, 2002. – Т. 1. – 688 с.; Т. 2. – 816 с.: нот.

Карта 1. Карта Псковской области.

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО Масштаб 1:1 750 000

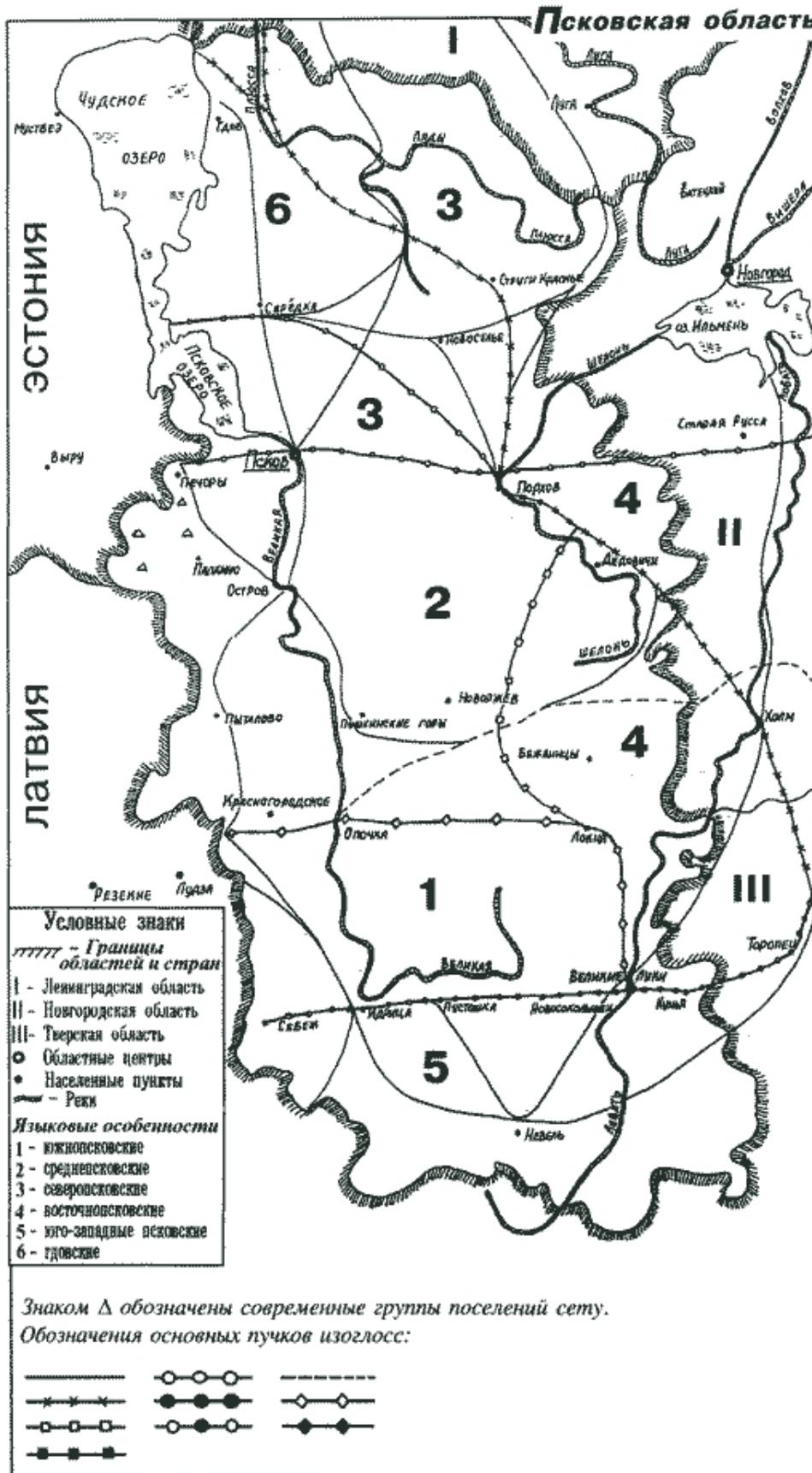
ПСКОВ Центры областей
 ● **ОСТРОВ** Города
 ○ Палкино Поселки городского типа
 ○ Долосцы Населенные пункты сельского типа
 Центры районов Псковской области выделены красной заливкой пусонов

Наименования административных районов	№№ районов на карте	Наименования административных районов	№№ районов на карте	Наименования административных районов	№№ районов на карте
Бежаницкий	15	Невельский	22	Порховский	7
Великолукский	21	Новоржевский	14	Псковский	3
Гдовский	1	Новосokolьнический	20	Пустошкинский	19
Дедовичский	11	Опочецкий	16	Пушкиногорский	13
Дновский	8	Островский	10	Пыталовский	9
Красногородский	12	Палкинский	6	Себежский	18
Куньинский	24	Печорский	5	Струго-Красненский	4
Локнянский	17	Плюсский	2	Усвяцкий	23

3

Одобрено 07.04.2010 10:55

Карта 2. Карта распространения псковских говоров.

Псковские говоры. Карта-схема.
 (Рисунок А.С. Терда)

Пример 1. Хоровое причитание «Воля».

Музыкальный пример 1: Хоровое причитание «Воля». Музыкальный текст и ноты.

А сыбярёмтись-ка, кра(й)... красны девушки,
 А в анно местичка, во... во единый круг.
 А ва единый круг, во... во зелёный луг.
 А и спаёмти-ка во... волю вольную.
 А куда волюшка спа... спадевалася?
 А в тёмным лесике за... заблуждалася,
 А в шилкавой траве за(й)... запуталася,
 А грязь ва чёрную за... замаралася.

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ № 2182-10. Псковская обл., Порховский р-н., д. Заболотье. Исп.: Егорова А. М., 1928 г.р., Иванова А. И., 1931 г.р. Зап.: Шишкова О. В., 07.02.1987. Расш.: Попова И. С.

Пример 2. Хоровое причитание.

Музыкальный пример 2: Хоровое причитание. Музыкальный текст и ноты.

Групповое причитание:

Потихонечку зориночка занима[ется]
 Потише тово зариночка опуска[ется]
 Что ты спишь, бедна горюшечка,
 не пробу[дишься]
 Все старуша[чки] печи то[пятыя]
 Молодые молодущечки за водой пошли
 Красны девушки подружки
 за тобой пришли.

Причит матери:

Ужо ты любовненькая доченька,
 Ты вставай, моя любимая,
 Тебя будят красны девушки.
 Ты моя бедненькая горечиночка,
 Собирайся-ко во чужи люди,
 Ко чужому к отцу, к матери.
 Ты держи головушку там попоклоннее,
 Ретивое сердечко поотхольнее.
 Уважай-ко сестричок милых.

Фонотека ЛО УМЦКиИ, пл. 61/3. Ленинградская обл., Лужский р-н., Оредежское с/п., д. Большие Влешковичи. Исп.: Павлова Т. В., 1912 г.р., Семенова А. П., 1897 г.р., Максимова Е. Д., 1913 г.р. Зап. 14.12.1981.

Пример 3. Хоровое причитание «Воля».

♩ = 120

4 Мы вос - ста - ним - те, мы вос - ста - ним - те кра - сны де - ви - цы.

8 Во е - ди - ный круг, ва е - ди - ный круг, на зе - лё - ный луг.

12 Мы вос - кли - кним - ти, мы вос - кли - кним - те, во - лю воль - на - ю.

Про - тив ба - тюш - ки, про - тив ба - тюш - ки, на под - во - рыи - ца.

Мы восстанимте, мы восстанимти красны девицы
 Во единый круг, ва единый круг, ва зелёный луг.
 Мы воскликнимти, мы воскликнимте, волюшку вольную.
 Против батюшки, против батюшкина подворьяца.

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ № 165-08. Новгородская обл., Волотовский р-н., Дёрглецкий с/с., д. Дёрглец. Исп.: Александрова А. В., Маркова М. С., Калинина А. Ф., Назарова А. И. Зап.: Знаменская Т. Г., Сапожников И., Габидулина Л., лето 1968 г. Расш.: Москвина О. И.

Пример 4. Хоровое причитание «Зоря».

♩ = 72

4 Да во - кри - чим - ти - ка, по - кри - чим - ти - ка зо - рю ве - чер - ни - ю.

Да по - сли зо - рю - шки, по - сли зо - рю - шки кра - сну - ю де - ви - цу.

Да воскличимти-ка, покличимти-ка зорю вечернюю.
 Да послы зорюшки, послы зорюшки красну девицу.

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ № 4147-18. Псковская обл., Плюсский р-н., д. Заозерье. Исп.: Карпова Н. А., 1906 г.р. Зап.: Мехнецов А. М., Лобкова Г. В., 31.01.1994. Расш.: Пархомова Е. А.

Пример 5. Хоровое причитание «Воля».

Ой, покричим(ы)-те ка, ой, покричим(ы)те-ка вол(и)ную волюшку.
Ой, куда волюшка, ой, куда волюшка потерялася
Ой, в грязи грязнаю, ой, в грязи грязнаю умывалася,
Ой, в шелкавой травушки, ой, в шелкавой травушки заплеталася

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ № 4163-17. Псковская обл., Плюсский р-н., д. Староверский Луг.
Исп.: Николаева В. М., 1913 г.р., Карпова Ф. М., 1915 г.р. Зап.: Полякова А. В., Мехнецова
К. А., 29.01.1994. Расш.: Пархомова Е. А.

С. В. Балуюевская, г. Вологда

Похоронные и поминальные причитания

Нюксенского района Вологодской области: специфика исполнения

Сфера исполнительства является важной составляющей народной традиционной культуры. Именно она определяет жизнь фольклорных явлений, обеспечивает сохранение и передачу народных знаний.

Проблематика фольклорного исполнительства обусловлена его спецификой. Фольклорные тексты имеют дискретный характер бытования, хранятся в памяти носителей культуры, актуализируясь лишь в необходимый момент ритуальной практики, при этом исполнители становятся непосредственными трансляторами художественных знаний, а слушатели – их восприимчивыми и, в последующем, носителями. Такой механизм и обеспечивает «выживание» всей фольклорной традиции.

Каждый исполнительский акт предполагает воспроизведение всего комплекса художественных, контекстуальных и функциональных составляющих, что обусловлено необходимостью достижения позитивного результата.

В системе похоронно-поминальной обрядности ведущим жанром становятся причитания, выполняющие важные ритуально-магические, апотропеические, коммуникативные, социальные и иные функции. Посредством причитаний как формы художественной коммуникации устанавливаются, упорядочиваются, утверждаются традиционные нормы взаимоотношения живых и умерших представителей семейно-родового коллектива.

Исполнительская специфика причитаний обусловлена в значительной мере художественными дарованиями, личностными качествами причитальщицы, ее опытом и мастерством. Согласно замечаниям составителя первого полнотекстового сборника северно-русских причитаний Елпидифора Василь-

евича Барсова, «достоинство вопленицы в зависимости от ее дарований состоит:

1) в умении освоить как можно больше старых словес, старых образов, выражений и оборотов;

2) в умении понять окружающую обстановку и область действительной жизни;

3) в умении овладеть хором и слушателями, а послушать вопленицу собираются иногда целые деревни;

4) и, наконец, в построении стихов более или менее правильных» [1, с. 274].

В данном высказывании выделяются не только «личные дарования» причитальщицы, ее исполнительский талант, но и умение создавать причетные тексты, передать в необходимой художественной форме содержательный план происходящего события.

При воссоздании причетных текстов исполнителями также учитывается гендерная, возрастная, семейно-родовая и социальная принадлежность умершего.

Предметом настоящего рассмотрения являются похоронные и поминальные причитания Нюксенского района Вологодской области, зафиксированные в ходе полевых исследований Лаборатории народного музыкального творчества Вологодского государственного педагогического института (ныне – это Центр традиционной народной культуры Вологодского государственного университета) в 1986-2004 годах (научный руководитель – Г. П. Парадовская). Экспедиции 1987 и 1989 годов проводились совместно с Ленинградской (ныне – Санкт-Петербургской) государственной консерваторией им. Н. А. Римского-Корсакова под научным руководством А. М. Мехнецова. С 1992 года в полевых исследованиях принимали участие представители Центра традиционной народной культуры села Нюксеницы.

Всего на изучаемой территории записано порядка 200 текстов и около 50 напевов похоронных и поминальных причитаний, представляющих локальные традиции сольных причитаний бобровско-востровской, городищенско-брусенской, уфтюгской местности Нюксенского района.

Количественный состав причитающих в одной обрядовой ситуации может варьироваться от одного до нескольких человек, при этом, как отмечают деревенские жители, каждый исполнитель причитает «своё», высказывает «своё горе» либо в порядке очередности («друг по-за дружке»), либо одновременно с другими: «Старухи-те ведь причитали и в три, да и в чётýре голоса – хто чёвó мóжет сказать, а тут не розберёшь»

(Брусноволовский, Кокуево, 454-09)¹; «И вдвоём причитают, и втроём причитают. <...> У ково́ гóрë, дак хоть и впятере причитай – хорóняёшь, может, ково́-то тако́во, што жалко всем, дак и причитай хоть сколько голосов» (Нюксенский, Нюксеница, 1634-51); «Когда везут дак, конечно, уж тут-то все, все ревя́т – тут все, все-все, все-все! И каждый своё, каждый своё, каждый своё гóрë выкла́дываёт» (Нюксенский, Нюксеница, 472-22).

Исполнительская ситуация похоронной обрядности соотносится с ритуалами поминовения, когда около одной могилы одновременно также могут причитать несколько причитальщиц: «Все-ти: мо́жет одна попричита́эт, другая подходит причита́эт – а ведь свои-ти, ведь хто свои ведь, та́мока уж родные-те дак, а ведь цюжие не пойдут причита́ть, а хто свои-те та́мока уж, мо́жет, сёстры ли...» (Уфтюгский, Мальчевская, 1273-52); «Мы пришли на кла́дбишшë-то да, со свекровкой да: свекровка с ту сторону на крёст, а я с другую сторону, дак и заревели» (Уфтюгский, Кокшенская, 1422-32).

Упоминается и о возможном совместном исполнении причитаний на один текстовый вариант, что возможно лишь в случае достаточно близких родственных отношений причитальщиц: «И эдак быва́ет. Это мы уж с ёй, мы с ёй спéлисë. Уж эво мы этта вмíсьтë тутока́ причитали дак. <...> Старухи-те ведь причитали и в три да и в чётýре голоса – хто чёво́ мо́жет сказать, а тут не розберёшь. <...> И эдак, и ка́ждой по отдельности, причитали и эдак, што ка́ждый по отдельности – и врозь» (Брусноволовский, Кокуево, 454-09).

Плачевые формы в зависимости от степени выраженности эмоционально-обрядового состояния исполнителей получают следующие глагольные дефиниции:

- «причитать», «напричитывать»: «Ой, напричита́ют дак всяко покойнику-ту!» (Уфтюгский, Мальчевская, 1273-52); «А как запричита́эш, дак и все и заревут» (Востровский, Вострое, 1638-28);
- «реветь»: «взо́хала да заревела, да и заревела, са́мо по себе оно тут насобира́етце цевó реви́ть-то в горе-то» (Уфтюгский, Кокшенская, 1422-32); «когда на лавку поваля́т, дак и поревя́т» (Нюксеница, 1272-57); «На кл'адбишшо пришл'а́ и заревéл'а» (Востровский, Вострое, 1638-23); «Да на крыльце ишчë реви́ли. Дак много-то знали, дак(ы) на крыльце реви́ли утра́м да и веце́ра́м, да выйдут и заревя́т, как оста́нутце-то» (Уфтюгский, Пожарище, 2443-04);
- «выть», «муря́вкать»: «эдак ревела-то, муря́вкала» (Уфтюгский, Кокшенская, 1422-35).

---

¹ Здесь и далее в скобках указывается место записи информации (сельсовет, деревня) на территории Нюксенского района Вологодской области, а также номер единицы хранения фольклорно-этнографических материалов в архиве экспедиционного аудиофонда Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного университета.

«Мурявканье» представляет крайнюю степень выражения горя и определяется как ненормативное, опасное состояние причитающего: «А мать, дак та замурявкаёт небаскím гóл'осом, как я сец'яс, прихр'еплеёт – она уж, от горя-то уж она не мóжет» (Востровский, Вострое, 1638-33). «А как в послéдней-от путь, да больше не увидишь-то – ой! А мама умерл'а, дак я думаю – зарев'уся!» (Дмитриевский, Малая Сельменьга, 1632-06).

Деревенские жители сравнивают акустический ряд причитаний с природным звуковым полем – с воем животных: «тут как собаки воют» (Бобровский, Бобровское, 1839-10); «Причитают, как воўки ревя́т, кто как сумиёт. Там ведь не одно то́жо, ска́жем, она шчё причита́эт, то и я: она своё причита́эт, да я своё, да и вы – своё, дак тут как воўки ревя́т да собаки лают!» (Брусенский, Брусенец, 456-17).

У слушателей похоронных и поминальных причитаний, согласно воспоминаниям деревенских жителей, возникают особые ощущения – «даже кожу обдираэт, неудобно»: «Оне́ на машине, ска́жем, едут, дак около ёво́ так, в об́шэм, наклóнятце, да и тут попеременно – дак ведь как воўки тут! (в. – Получается как гул такой?) Да, гул. То, другоё, так как-то, знаёшь, даже смотреть это со стороны, дак даже кожу обдира́эт, неудобно» (Брусенский, Пустыня, 735-04).

«Голос» похоронно-поминальных причитаний в нюксенской местности определяется как:

- голос, представляющий обрядовую ситуацию оплакивания покойного – «поко́йничный голос» (Нюксенский, Нюксеница, 472-21); «на поко́йнишний» голос (Дмитриевский, Побоишное, 498-22);
- некрасивый и страшный голос – «небаско́й голос» (Востровский, Вострое, 1638-33); «страшной мотив» (Бобровский, Бобровское, 1838-20);
- жалостливый голос, вызывающий слезы по умершему – «гóл'ос слезливой» (Дмитриевский, Малая Сельменьга, 1642-02); «жа́л'обный» голос (Бобровский, Бобровское, 1839-05), «жалобно» (Востровский, Заболотье, 470-46), «заунывно эдак причитают» (Городищенский, Городишна, 1136-25).

Согласно высказываниям деревенских жителей, причитания исполнялись:

- «пы́лко»: «когда́ понесут-то, дак пы́лко ведь кричишь» (Брусноволовский, Кокуево, 454-04); «Да ведь другие пылко-то прицита́ют, да эдакие голосистые-те ведь дак!» (Уфтюгский, Мальчевская, 1273-52);
- «во всю голову», «ско́ко у тебя мо́ци есь» (Уфтюгский, Ивановская, 2256-19, Мальчевская, 1273-49); «А как прицита́ли-то во всю-ту гол'óвушку ведь – дак штё ты!» (Дмитриевский, Малая Сельменьга, 1632-06); «Прицита́ли во всю голову: “Ой, тошнёшенькё...” – эдак вот» (Уфтюгский, Мальчевская, 1273-50);
- «громко, громко, громко» (Востровский, Вострое, 1392-12);

- протяжно: «шибко как протяжно» (Бобровский, Бобровское, 1838-20), «ростяжней» (Нюксенский, Нюксеница, 2433-17), «вот эдак всё-то и причитаю, розвожу́ эдак» (Востровский, Копылово, 1400-24), «нараспев» (Нюксенский, Нюксеница, 1373-17).

Подобным образом в нюксенской традиции характеризуется исполнительская сфера лирических песен раннего историко-стилевого слоя («дивья лирика») и частушек на «долгий голос».

Как отмечают местные жители, лирические («долгие») песни пели громко, «во всю голову» – «сколь силы есь, дак ведь цю́тко», «во всю голову всё пили, во всю голову» (Уфтыгский), протяжно – «тянут ведь долго, вытягают-то», «вот это главноё-то натяженье-то и есть» (Городищенский) [2, с. 267-268].

Следует выделить такие музыкально-стилевые черты напевов причитаний и лирических песен, как ритмическая выделенность (протяженность) тонов в возгласной и кадансовой частях музыкально-ритмического периода, возможный нисходящий глиссандирующий сброс последнего звука, терцовая ячейка интонирования, наличие попевок плачево-повествовательного характера, высокая тесситура звучания, особая тембровая окраска (насыщенность) тонов. Это обусловлено, как отмечают исследователи (Г. В. Лобкова, И. В. Королькова), единым функциональным значением данных жанров, их коммуникативной природой [2, с. 261–268].

В числе особенностей исполнительского стиля причитаний следует отметить декламационность, подвижность ритмики – незначительные тоновые задержки и ускорения, глиссандирование, интонационные сбросы, озвучивание тонов в речевой позиции и др., что обусловлено эмоционально-обрядовым состоянием исполнителей, свидетельствует о непесенной природе данных форм (пример 1).

Время исполнения причитаний обусловлено обрядовой ситуацией, мастерством и психофизиологическим состоянием причитальщицы, а также необходимостью в полноценном причетном высказывании, что определяется выражением – «наревёл'ась до́сыта» (Востровский, Заболотье, 470-46).

Причитания как похоронные, так и поминальные сопровождались особой формой ритуального поведения – падение ниц, «хлóпанье», «хлестáние»: «У нас причитают: заревя́т, схлóпаютце – да и всё» (Дмитриевский, Красавино, 1630-01); «В другой раз все уж в ход наредилисе, а она уж пала тут ко гробу, да и выговáривает» (Бобровский, Бобровское, 1839-07). Подобное поведение реализует представления о традиционных ритуальных нормах выражения почтительного отношения к умершим.

Многочисленными в нюксенской традиции являются сведения о том, что раньше практически каждая женщина могла причитать. Причитание

представительниц женского пола являлось традиционной нормой, необходимое умение возникало вместе с жизненной потребностью выразить свое горе при потере близкого человека: «по покойнику – дак што уж?! – это хто и не знает, дак заревит, запричитает» (Востровский, Леваш, 1834-34); «станёшь ревить, дак горё найдёт слов» (Дмитриевский, Побойшное, 498-22); «само по себе оно тут насобираётце, цевó ревить-то в горе-то» (Уфтюгский, Кокшенская, 1422-32).

Значимость исполнительской сферы причитаний определяется необходимостью установления обрядово-художественных отношений с умершими родителями, с целью обеспечения последующего жизненного благополучия представителей семейно-родового коллектива, деревенского социума в целом.

Литература:

1. Барсов, Е. В. О записях и изданиях «Причитаний Северного края», о личном творчестве Ирины Федосовой и хоре ее подголосниц / Е. В. Барсов // Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т.1. Похоронные причитанья. / подг. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. – Санкт-Петербург: Наука, 1997. – 501 с.

2. Лобкова, Г. В. Общая характеристика лирических песен / Г. В. Лобкова // Народная традиционная культура Вологодской области. Т. 1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч. 1: Песни, хороводы, инструментальная музыка в обрядах и праздниках годового круга / А. М. Мехнецов (рук. авт. колл.), Г. В. Лобкова, И. В. Королькова и др. – Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2005. – С. 261-268.

Пример 1. Похоронный причет в доме.

♩ = 192

Ой, тош... нё-хонь-ко, да ты си - за-я го - лу - буш-ка.

Ой... то-ш(и) нё-хонь-ко, да ты, близна - я мо-я су - се - душ-ка,

Ой, тош... нё-хонь-ко, да ты ку - ды со - би - ра - ишь-се?

Ой, то-ш(и) - нё-хонь-ко, да ты ку - ды на-ря - жа - ишь-се?

Ой... то-ш(и) - нё-хонь-ко, да не вый-дёт мо-я Мит - рёв-на,

Архив ЦТНК ВоГУ, ЭАФ № 454-05. Вологодская обл., Нюксенский р-н, Брусноволовский с\с, д. Кокуево. Исп.: Меледина Александра Ефимовна, 1920 г.р. (местная). Зап.: Полуचितова О. А., 26.01.1988. Расш.: Балуевская С. В.

Стилевые особенности хороводных песен в народной традиции Кичменьги (Вологодская область)

Кичменгско-Городецкий край – одно из заповедных мест Вологодчины, сохранивших архаические формы народной традиционной культуры. Особое географическое положение данной местности, удаленность от крупных городских центров, труднодоступность, отсутствие миграционных процессов населения способствовали сохранению фольклорных традиций края. Кичменгско-Городецкий район находится в восточной части Вологодской области, в бассейне среднего течения реки Юг, одним из крупнейших притоков которой является река Кичменьга. На территории Кичменьги располагаются четыре сельских поселения – Трофимовское, Сараевское, Захаровское и Кичменгское. Фольклорные традиции этого ареала становятся объектом рассмотрения настоящей работы, предмет изучения – хороводные песни кичменгской традиции.

Источниками являются фольклорно-этнографические материалы архивов Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного университета, Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. Это записи, сделанные на территории Кичменгско-Городецкого района Вологодской области в период с 1973 по 2012 года (8 экспедиций).

Хореографическая традиция Кичменьги представлена многообразием форм хороводных песен (свыше 20 сюжетов). В их числе песни, сопровождающие орнаментальные («А мы просо сеяли», «Бояре, да вы зачем пришли?», «Загану́-то, я загану́ да семь загадок», «Сйели девки горох» и др.) и игровые хороводы («Что не конь берегам идёт», «Круг города цярёва» «Сидит, Ящёр», «Уж ты, заюшко», «Ехали бояра», «Хрен, мой хрен», «Политела наша уточка» и др.).

Следует отметить, что на Кичменьге зафиксированы сюжеты хороводных песен, широко распространенные в традициях Средней Сухоны, между речья Сухоны и Юга. Это такие сюжеты, как «Что не конь берегам идет», «По горам девки ходили», «Сйели девки горох», «Загану́-то, я загану́ да семь загадок», «Политела наша уточка», «Вдоль было по травоньке» и другие.

Однако в верховьях реки Кичменьги зафиксированы хороводные, не имеющие аналогов в сопредельных локальных традициях. К таковым относится, например, хороводная «Сидит Ящёр», исполняемая девушками в свя-

точный период. Поэтический текст песни на образно-художественном уровне раскрывает архаические представления деревенских жителей:

«Сидит, сидит Ящёр
Во реко́ве кусте,
Во мрако́вом листе.
Хо́цёт он же́нитьця
На старой на бабе.
У ста́рыё бабы
Нет не в роте зуба,
Нет не в л'обе гл'аза.
Бери, бери, Ящёр,
Красную деви́цу.
Красная деви́ца
Тибé пригодítця»

(п. Мостовица, Трофимовский с/с, Кичменгско-Городецкий р-н,
Вологодская обл. Архив ЦТНК ВоГУ, ЭАФ № 1110-38)¹.

Напев данной хороводной песни является политекстовым и сопровождается такие сюжеты, как «Ехали бо́яра» и «Уж ты, заюшко» (пример 1).

Большая часть хороводов исполняется только девичьим составом, лишь отдельные сюжеты игровых хороводов («Что не конь берегам идёт», «Вкруг города царёва» и другие) проигрываются девушками совместно с парнями.

Значимым компонентом акционально-изобразительного ряда хороводов, исполняемых девушками в святки, выступает поочередное «выдергивание» / «вздымание» участников игрового действия. Символическое «вздымание» девушек «повыше себя», «выдергивание» их в замкнутый круг проецирует будущее замужество, последующее возможное изменение социального статуса. Как указывают исследователи, вертикальное движение может символизировать также «возрастание, умножение, подъем жизненных сил» [2, с. 55].

В хороводах Кичменьги присутствуют такие разновидности типовых форм хореографического движения, как движение «ряд на ряд» («А мы просо сеяли», «Загану́-то, я загану́ да семь загадок», «Сйели девки горох»), параллельными рядами («По горам девки ходили»), круговое движение («Вецёр девки» и др.). Как отмечает Г. П. Парадовская: «Горизонтальный план движения в большей степени связан с идеей актуализации пространства – закреплением и расширением границ культурного поля в процессе созидания “нового

---

¹ Здесь и далее в скобках указывается место записи информации, номер единицы хранения записи в архиве экспедиционного аудиофонда Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного университета (ЭАФ ЦТНК ВоГУ).

мира»». А также: «Локативный ряд в структуре хореографического движения подчеркивает идею собирания социума (общины)» [2, с. 55].

Музыкальный текст хороводных песен Кичменьги имеет разнообразные формы организации музыкально-ритмического периода.

Стиховой напев является политекстовым и сопровождает сюжеты «Сидит, сидит Ящёр», «Уж ты, заюшко», «Ехали бояра», о чем уже было упомянуто выше (Пример 1).

Напевы строфической формы представлены следующими разновидностями организации музыкально-ритмического периода:

1) Строфическая форма на основе повтора полустиха («Круг города цярёва, цярёва», «По горам девки ходили, ходили»).

2) Строфическая форма с припевными словами («А мы просо сеяли»).

3) Цепная строфическая организация (ab//bc) («Что не конь берегам идёт»).

4) Строфическая форма, основанная на повторе стихов (aabb//bbcc) («Вецёр девки», «Со вьюном хожу»).

Практически все напевы хороводных песен имеют декламационную форму изложения, четкую ритмо-акцентную основу, свидетельствующую о плясовой природе данных хореографических форм. Большинство хороводных песен в кичменгской традиции исполняется с приплясыванием, имеет строгую календарную приуроченность (святочный период). Г. П. Парадовская отмечает, что плясовое движение в ритуальных хореографических формах выполняет значимые обрядово-магические функции [2, с. 62]. Именно «святочный период календаря насыщен разнообразными обрядовыми действиями. Совершаемые в начале календарного года, эти действия направлены на обеспечение благополучия во всех сферах жизнедеятельности человека – в земледелии, скотоводстве, семейных отношениях» [1, с. 27].

Литература:

1. Королькова, И. В., Парадовская Г. П. Календарные обычаи, обряды и праздники / И. В. Королькова, Г. П. Парадовская // Народная традиционная культура Вологодской области. Т. 1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч. 1: Песни, хороводы, инструментальная музыка в обрядах и праздниках годового круга / А. М. Мехнецов (рук. авт. колл.), Г. В. Лобкова, И. В. Королькова и др. – Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2005. – С. 25-64.

2. Парадовская, Г. П. Народная традиционная культура Вологодского края. Братчина: ритуал и фольклор: Монография / Г. П. Парадовская. – Вологда: ВГПУ, 2008. – 170 с.

Пример 1. Хороводная песня «Ехали бояра».

♩ = 180

1. Е - ха - ли бо - я - ра

2. Из но - во - ва го - ро - ду.

3. У - ви - де - ли де - ви - цю

4. На кру - том бе - реж - ку,

5. На жой - том пес - ку.

Архив ЦТНК ВоГУ, ЭАФ № 1110-45. Вологодская обл., Кичменгско-Городецкий р-н, Трофимовский с/с, п. Мостовица. Исп.: Бурлова Нина Павловна, 1919 г.р., род. с д. Петрянино Сараевского с/с, Некипелова Анастасия Васильевна, 1910 г.р., род. с д. Обакино, Мальцева Мария Васильевна, 1913 г.р., род. с д. Трофимово, Шарапова Антонина Тимофеевна, 1931 г.р., род. с д. Обакино и другие. Зап.: Парадовская Г. П., Федорчук О. Я., Парадовская И. В., Канева С. В., Балакшина С. Р., 15.01.1994. Расш.: Дурягина А. А.

Н. И. Королёва, с. Воскресенское, Вологодская область

**Колядки Белозерского района Вологодской области
в контексте их бытования**

Колядки являются неотъемлемой частью святочного обхода дворов и занимают важное место в ритуальной практике белозёр. Об этом свидетельствуют фольклорно-этнографические материалы, зафиксированные в ходе полевых исследований Санкт-Петербургской (ранее – Ленинградской) государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, Санкт-Петербургского государственного университета, Вологодского областного научно-методического центра культуры, Вологодского государственного университета, Межпоселенческого центра традиционной народной культуры с. Воскре-

сенское (Череповецкий район) совместно со Школой традиционной народной культуры г. Вологды (1992 г.) и Дворцом детского и юношеского творчества им. А. А. Алексеевой г. Череповец (2001 г.).

Обряд колядования в традициях Белозерского района Вологодской области совершался в «святые вечера», обычно в вечернее время – когда собирались «все дома» (Визьменский, п. Визьма, ЭАФ ЦТНК ВоГУ № 2506-01)¹, и, как правило, в кануны праздников – Рождества, Старого Нового года, Крещения. В материалах «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева указывается, что в многолюдных деревнях и селах обряд колядования был начальным этапом васильевских празднеств: «Под вечер девицы села или деревни собираются вместе и группой обходят дома селения, распевая у дверей, в большинстве случаев под окном, “Коледу”» [1, с.169].

Колядующие обходили все дома своей округи, а также соседних деревень, объединяя все пространство социума в единое ритуальное поле.

С колядой ходили группы от 3-4 до 10-15 человек. Как отмечают деревенские жители, участие в процессе колядования могли принимать как небольшие дети, подростки, так и молодые женщины и мужчины, встречаются упоминания о том, что колядки могли исполняться и пожилыми людьми, и ряжеными.

Колядки пели в ритуально-отведенном месте – на пограничье жилого и нежилого пространства: «Начинали петь у двора в сенях, под окнами. С Колядой приглашали в дом, по окончании песни одаривали» (г. Белозерск, АФ1 МЦТНК № 37-04). Исполнители сообщают, что дальше «моста» колядующие не проходили («на мосту пели», «в сенях») и объясняют это обстоятельство многолюдностью пришедших – «в дом не заходили, так как было много молодежи» (Визьменский с/с, с. Визьма, ЭВФ ЦТНК ВоГУ № 298-14). Отдельные этнографические данные говорят об обратном: «иногда и в избу заходили» (Визьменский с/с, с. Визьма, ЭАФ ЦТНК ВоГУ), «пели девушки в избе» (Антушевский с/с, д. Левково, ЭАФ ЦТНК ВоГУ № 2525-31,32), «в дом с песнями заходят», «в дом заходили, в передний угол проходили» (Глушковский с/с, д. Глушково, АФ ЧЦТНК).

Обязательным атрибутом колядования является «звезда». Она символизирует, как указывают исследователи, рождение Иисуса Христа, окончание рождественского поста, а также «рубеж между обыденным и сакральным периодами» [2, с. 289]. В д. Маэкса Куностского сельского поселения «звезда» описывается следующим образом: «эдакую наладят палочку, на палочку крест эдак приколотят, как с крестом» (Куностский с/с, д. Маэкса, АФ1 МЦТНК № 036-14), «такое, как колета, из решета сделана, и вот в руке носишь эту [пал-

---

¹ Здесь и далее в скобках указывается место записи информации, номер единицы архивного хранения.

ку] со звездой» (Куностский с/с, д. Маэкса, АФ1 МЦТНК № 035-31). Исполнители замечают, что подобным образом ходили «Христа славить».

За исполнение песен хозяевам необходимо было одарить колядующих, которые прогнозировали будущее его семейно-родовому коллективу: если хозяин одаривал, ему желали двор живота, а если не открывал двери – высказывали обиды (Антушевский с/с, д. Зорино, ЭАФ ЦТНК ВоГУ № 2477-04,05).

Мотивируя хозяев дома на одаривание, колядовщики стараются их разжалобить, о чем свидетельствуют поэтические мотивы текста:

«Не дока́ нас знобить,
Нас пора подарить,
У нас сапожки малёньки,
Дак ножки зябу́т,
Рукавички малёньки,
Дак ручки зябу́т»

(Вологодская обл., Белозерский р-н, Георгиевский с/с,
с. Георгиевское, ОАФ ФЭЦ СПбГК № 865-12).

Встречаются этнографические сведения о том, что, если хозяин не выходил к колядующим и не одаривал их, они проказничали на дворе. Согласно народным поверьям, не угостить колядовщиков, значит накликать на себя, свой дом и домочадцев беду, а если отблагодарить, тогда в доме «счастье будет», поэтому колядующих обязательно старались одарить – «хоть мало, но подавали» (Визьменский с/с, с. Визьма, ЭАФ ЦТНК ВоГУ № 2506-01).

К приходу колядующих готовились заранее: «люди-то знают все эдак, у всех настряпано» (г. Белозерск, АФ1 МЦТНК № 042-43). Одаривали продуктами животного происхождения (сметана, творог, сырые яйца), выпечкой, могли угостить пивом: «Большим пива выносили дак, большійё ходили. Даже мужшіны молодые ходили. Пива выносили. Ну. Ну, дак те, поди-ко, как гáрнут. Выпито, дак пойдут, надо ишшо́ выпить дак» (Куностский с/с, д. Маэкса, АФ1 МЦТНК № 036-14). В более поздние времена стали рассчитывать конфетами и деньгами, но обязательно угощали выпечкой – «печеное обязательно» (Шольский с/с, д. Зубово, ЭАФ ЦТНК ВоГУ № 2533-04). Встречаются сведения, что помимо пирогов, могли подавать блины или оладьи – «выкинут блины нам; оладьей накидают нам» (Шольский с/с, д. Юрино, ОАФ ФЭЦ СПбГК № 899-10). При этом блины не подают обычным образом, а «кидают», тем самым демонстрируя ритуальную отдаленность и невозможность соприкосновения с представителями «инога» мира, образ которых воплощают колядовщики.

В материалах «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева описывается последующее действие участников обряда: «насобиравши разной снеди, вечером они собираются в одну избу», «здесь приготавливают для себя и молодых парней закуску; иногда еще насобирают между собой солоду и варят к

этому вечеру пиво». «Когда настанет вечер, собираются девки и парни, начинается угощение, а потом пляска, песни; девки и парни поочередно уходят и возвращаются опять маскированными», «поглядеть на чудесов приходят старики и дети» [1, с. 169].

Поэтические тексты белозерских колядок являются типовыми. По мнению В. Я. Проппа, «русские колядки в основном состоят из введения, величания и требования подарка» [3, с. 50]. А. Н. Розов в статье «К сравнительному изучению поэтики календарных песен», рассматривая композиционные особенности колядок, отмечает то, что полный поэтический текст данных художественных форм должен состоять из трех структурных компонентов: зачина, основной части и концовки. Для каждой части текста характерны определенные поэтические мотивы – формулы:

- в зачине – формулы «прихода / рождения коляды», «поиска ею хозяйского двора» / «поиска коляды колядующими»;
- в основной части присущи «формулы величаний» хозяев;
- концовка включает в себя «формулы требования одарить колядующих с благопожеланиями или угрозами» [4, с. 49].

Тексты белозерских колядок имеют две формы: полную (развернутую) и краткую. В полной форме присутствуют все составные части текста с характерными для них поэтическими мотивами. Краткая состоит из зачина (формула «прихода коляды») и концовки (формулы требования):

«Каледá, Каледá –
Накануне Рождества.
Кто даст перогá –
Тому двор живота.
Кто не даст перогá –
Тому курица одна
И та без хвоста» (г. Белозерск, МЦТНК АФ1 № 042-13)

Народные исполнители воспринимают «коляду» как:

- мифический персонаж: «зародилась Коляда накануне Рождества»;
- обрядовое угощение: «выносят коляду» (Панинский с/с, д. Михалёво, ОАФ ФЭЦ СПбГК № 879-20а);
- художественную форму, исполняемую колядовщиками: «пропевали коледу» (Шольский с/с, д. Юрино, ОАФ ФЭЦ СПбГК № 899-10), «коляду рассказать» (Панинский с/с, д. Михалёво, ОАФ ФЭЦ СПбГК № 879-20а).

Образ «Каледы» определяется эпитетом «святая Каледá», что подчеркивает ее принадлежность к иному миру. Наряду с «Колядой» ключевыми образами выступают образы хозяина, хозяйки и детушек – эта особая триада, по мнению исследователей, относится к истинным первоосновам и воплощает идею семьи, из которой проистекает родственное множество [5, с. 113].

В колядках присутствует гиперболизированное описание хозяйского двора, куда «пришла Коляда», как правило, указывается его принадлежность: «у какого дому стоишь, то и поёшь» (Куностский с/с, д. Маэкса, АФ1 МЦТНК № 035-31). Тексты могут содержать постоянные эпитеты, такие как «государев двор», «попов двор», «Петров двор». Все «величание» двора сводится к описанию его размеров и богатого убранства: «что не мал, не велик, о семи верстах, о девети столбах» (Георгиевский с/с, с. Георгиевское, ОАФ ФЭЦ СПбГК № 865-12). Упоминаются «железный тын», «все тынки-притынки серебряные», которым в исследовательской литературе приписывается охранительная функция.

Интересно, что в поэтических текстах колядок встречаются эпические мотивы, например, «Ехал царь Василий по синю морю, по Латинскому, по Маринскому» (Бечевинский, д. Коровино, ЭАФ ЦТНК ВоГУ № 2471-21), приговорные формулы: «Сколько в лисе елúшек – столько во дворе телушек, сколько в лисе грибков – столько на дворе быков» (г. Белозерск, АФ1 МЦТНК № 037-04).

Музыкальный текст колядок Белозерского края представлен двумя формами: декламационной и песенной. Определяя стихосложение декламационных форм, следует отметить, что количество слогов в поэтической строке варьируется от 3 до 9, являя собой стих-временник. Музыкальная фраза, лежащая в основе стиха, может содержать: движение на одном звуке с конечным нисходящим скачком вниз на малую терцию, квартовый ход с последующим скандированием на квартовом тоне, нисходящее движение по тонам в пределах малой терции и возвращением ко второму тону звукоряда. Песенная форма колядок имеет строфическую организацию музыкально-ритмического периода, состоящего из четырех стихов, где третий и четвертый стих – рефрен «да каледа, да каледа» (авгг), музыкальный текст основан на повторе двух попевок (аавв).

Согласно экспедиционным данным, колядки могли исполняться неоднократно, при этом могли прихлопывать в ладоши и приплясывать. Отдельные исполнители отмечают, что «Коляду» не выпевали, а громко кричали, скандировали, что соотносится с декламационной формой напева.

Обряд колядования был значимой частью календарной ритуальной практики в народной традиции Белозерского района Вологодской области, поскольку выполнял важные обрядово-магические и социально-коммуникативные функции.

Литература:

1. Кузнецов, Я. И. Корреспондент Яков Иосифович Кузнецов / Я. И. Кузнецов // Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н.

- Тенишева. Новгородская губерния. – Т.7. Часть 1. Белозерский, Боровичский, Демянинский, Кирилловский и Новгородский уезды. – СПб: ООО «Навигатор», 2010. – С. 138-218.
2. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. – Москва: Институт славяноведения РАН, 1995. – 650 с.
3. Пропп, В. Я. Русские аграрные праздники / В. Я. Пропп. – Санкт-Петербург: Издательство ЛГУ, 1963. – 174 с.
4. Розов, А.Н. К сравнительному изучению поэтики календарных песен / А. Н. Розов // Русский фольклор. – Т. XXI. Поэтика русского фольклора. – СПб: Наука, 1981. – С. 47-69.
5. Мирошниченко, О. Ф. Тайны русского алфавита. Аз буки ведаю / О. Ф. Мирошниченко. – Москва: изд-во, 2004. – 144 с.

С. В. Балуюевская, К. Л. Лебедева, г. Вологда

«Жавороночный день» в народной традиции Великоустюгского района Вологодской области

Актуальной задачей современности является изучение и сохранение нематериального культурного наследия народов России. Народная традиционная культура Вологодского края также подлежит всестороннему исследованию и комплексному описанию. Обрядово-праздничные традиции Великоустюгского района Вологодчины не представлены в публикациях, что и определяет значимость настоящей работы.

В системе народного календаря особое место занимает дата 22 марта, именуемая в великоустюгской местности как «Жавороночный день» / «День жаворонка», «Цивилёшной день», «Сорок святых, Сорок мучеников».

По народным приметам жаворонки прилетают одними из первых перелетных птиц, являясь тем самым вестниками нового календарного времени. Исследователь А. В. Гура в работе «Символика животных в славянской народной традиции» определяет жаворонка как одну из «чистых», «божьих» птиц [1, с. 635], почитаемых в народе. Слово «цивилёшь» согласно словарному толкованию означает «воробей и подражательный крик его» [2, с. 574], однако фольклорно-этнографические сведения, зафиксированные в ходе полевых исследований Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного университета, составляющие основу данной работы, свидетельствуют о том, что «цивилёшки» соотносятся с образом жаворонков и, в целом, с птицами.

Именуется этот день и как «Сорок святых, Сорок мучеников», что связано с отмечаемым православной церковью праздником памяти сорока Севастийских мучеников. В этот день принято ходить в церковь, молиться, ставить свечи к почитаемой иконе. Как упоминают жители д. Мякинницыно Верхневарженского сельсовета Великоустюгского района: «Насобираётца сколько [людей], дак нельзя было народу зайти в цёркву – некуда было. И все, зна́цит, несём сви́цьки, ставим. Севóдни сорокоу́с сорок Святых. Уж там ско́ко, какую

сви́цьку купишь – подороже ли, какую тебе надо, и наставим. Вот все-все иконы заставим. Очень хорошо, девки, было, очень хорошо» (Мякинницыно, Верхневарженский, ЭАФ 1435-10)¹.

Данное название праздника соотносится с числом сорок, которым определяются важные временные периоды в жизни человека: 40 недель вынашивается ребенок в утробе матери, на 40 день принято крестить младенца, 40 дней душа умершего осуществляет переход из одного мира в другой и т.п. Это числовое значение в верхневарженской и трегубовской местности Великоустюгского района находит отражение в ритуальной выпечке – в этот день стряпают птицу («матку») с сидящими на ней 40 детками.

По народным представлениям название связано и с орнитоморфным образом – образом «сороки». Это можно объяснить с точки зрения единого морфемного состава слова (омонимы): «сорока́» как числовое значение и «соро́ка» как наименование птицы. Например, говорят: «В Сорóку Святых стряпали эти цивилю́шки» или «Соро́ка Святых – она в марте» (Мякинницыно, Верхневарженский, ЭАФ 1398-11). В д. Юшково Усть-Алексеевского сельсовета отмечают: «А Со́рок мучеников – это вот это праздник, делают сочень. И этот сочень сделают, и настряпают, такие как эти вот сорóчки-ти, маленьких. Навыстря́пают, на сочень наложат. Настанóвят как сюда эти птички» (Юшково, Усть-Алексеевский, родом с Теплогорского сельсовета, ЭАФ 1442-11).

Этнографические материалы свидетельствуют о значимости данного вида ритуальной выпечки в великоустюгской традиции. Так, жители д. Есиплево Кузинского сельского поселения отмечают, что выпекать печенье в виде птиц было «Богом положено» (Есиплево, Кузинское, ЭАФ 1867-08). Из рассказа Козловой Павлы Николаевны, 1913 г.р., уроженки д. Кононово Теплогорского сельсовета: «Вот жаворонки, будто должны жаворонки прилететь, дак птицьку настряпают <...> ак весной жо, когда жаворонки должны прилететь, дак их и встреча́ют это. Стряпают – жаворонки прилетят, все пт́ици. <...> То́ко отметят праздник – жаворонки вот прилетят, весна, будет тепло – вот и настряпают» (Верхняя Шарденьга, Верхнешарденгский, ЭАФ 1785-22). В материалах «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева представлена следующая информация, записанная в 1899-1900 годах в Шемогодской волости Устюгского уезда Вологодской губернии от корреспондента Ириная Алексеевича Потёмкина: «бабы стряпают из яшной муки жаворонки, делают из теста изображение птицы – жаворонка, в знак того, что скоро прилетят жаворонки» [4, с. 528].

---

¹ Здесь и далее в скобках указывается место записи информации на территории Великоустюгского района Вологодской области (деревня, сельский совет или сельское поселение), номер единицы хранения материалов в архиве экспедиционного рукописного фонда (ЭРФ), аудиофонда (ЭАФ) или видеофонда (ЭВФ) Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного университета.

В великоустюгской местности зафиксировано многообразие видов ритуальной выпечки, именуемой «цивилёшки» (Верхневарженский сельсовет), «жаворонки» (Покровский, Усть-Алексеевский, Верхнешарденгский, Нижнешарденгский, Орловский сельсоветы). Печенье может представлять:

одинокые орнитоморфные образы:

- «жаворонок», «курочка» (фото 1);
- силуэтные птички, изготовленные с помощью трафаретов (деревянных формочек), именуемые «жаворонками» (Кузнецово, Шемогодский), «куляшами» (Аксёновский починок, Усть-Алексеевский, ЭАФ 1440-07) (фото 2);

образы семейной жизни:

- многодетной матери: «курочка и сорок цыплят» (Верхневарженский сельсовет); «жаворонки на площадке» (Мурдинская, Верхнешарденгский, ЭАФ 1822-19); «большая птичка кормит маленьких» (Мякинницыно, Верхневарженский, ЭАФ 1438-01), «жаворонок с сорока дитя́ми», «матка с дитя́ми» (Трегубовский сельсовет) (фото 3);
- будущей брачной пары (единичное упоминание) – «курочка», на которую усаживали двух небольших «человечиков» из теста: «Вот это мой суженой, а это, – говори, – я», с помощью этого вида печенья гадали (Королёво, Покровский, ЭАФ 1617-20).

В Верхневарженской местности зафиксирована информация о том, что помимо «курочек», могли лепить «петушков», а также животных – «козлов» / «козликов», «коней», «барашков» (Мякинницыно, Верхневарженский, ЭАФ 1438-07, 1398-11).

Зафиксирована информация о более сложных в композиционном отношении формах выпечки. Например, упоминается о том, что из теста лепили «сорок святых, сорок мучеников», которых особым образом размещали на «птице» (Мякинницыно, Верхневарженский, ЭАФ 1438-07). Основу таких форм составлял большой сочень в виде «птицы», один край которого вытягивали вверх, имитируя головку, остальные края обрамляли жгутиком из теста. На этом сочне и располагали необходимые композиционные элементы.

Выпечку готовили из пресного теста в достаточно большом количестве.

В д. Павшино Шемогодского сельсовета упоминается о том, что первого выпеченного жаворонка клали к иконе (Павшино, Шемогодского, ЭРФ 739-161). В д. Кузнецово этого же сельсовета отмечается, что печеньем поминали «душу усопшего» (Кузнецово, Шемогодский, ЭВФ 194-64). А в д. Бахарево Шемогодского сельсовета испеченную птичку устанавливали на крышу, тем самым «встречали жаворонков» (Бахарево, Шемогодский, ЭАФ 1831-01).

Дети принимали активное участие в изготовлении печенья, брали новоиспеченных птичек с собой на прогулку, демонстрировали их друг другу, угощались. В д. Павшино Шемогодского сельсовета, дети заворачивали «жа-

воронков» в фартучки, бегали с птичками по деревне, относили их своим бабушкам. При этом, как упоминается в д. Мусино Марденгского сельского совета, дети, бегая с печеньем по улице, зазывали весну:

«Приходи, Весна красна!»

(Мусино, Марденгский, ЭАФ 1408-26).

«Приходи, весна красивая,

Весна счастливая,

Весна благочестивая»

(Мусино, Марденгский, ЭРФ 614-134).

Деревенские жители отмечают особое радостное состояние бегающих с птичками по деревне детей: «Вот, значит, детишки собирались, казали – у [кого] какая мама настряпала жаворонков красивее. Это была радость, детская радость такая. <...> На улицу-ту выходили онé. К соси́дям бегали, казали друг другу. Радовались, што – день жаворонка, день жаворонка! Раз уж <где-нибудь> настряпали, а уж через несколько дней жаворонки прилетали. Уже прилетали. Как прилёт, ра́довалися – прилёт жаворонков» (Морозовица, Трегубовский, ЭАФ 1942-12, исп. родом с Нижнешарденгский с/с).

Особому радостному состоянию детей придается магическое значение: «Радость смеха есть радость жизни. По народному воззрению, смеху приписывается не только способность сопровождать жизнь, но и создавать, вызывать ее в самом буквальном смысле слова» [3, с. 111].

Исследователь В. Я. Пропп в работе «Русские аграрные праздники» указывает, что крестьяне связывали начало весны с прилетом птиц, «причем полагали, что птицы приносят ее с собой» [3, с. 41]. «Чтобы вызвать прилет птиц, а, следовательно, и начало весны, надо было этот прилет изобразить, имитировать его» [3, с. 42]. Поэтому хозяйки готовили выпечку в виде птиц, а дети и молодежь бегали с этим печеньем по деревне, зазывая весну.

В великоустюгской традиции с помощью печенья девушки на выданье гадали: «Это замуж которые, значит, им, которым жёниха́ надо, дак онé эту цивилёшку выносили на ули́цу» (Морилово, Верхневарженский, ЭАФ 1433-05). Загадывая на свою судьбу, девушки выносили «птичек» на улицу, клали на возвышенное («видное») место – крышу, поленницу, кол, столб, крыльцо, ветку дерева и т.п. (Малиново, Верхневаренский, ЭАФ 1384-09). При этом приговаривали:

«Ворона, ворона,

Где мой сужёной,

Туда и цивилёшку неси»

(Антушево, Верхневарженский, ЭАФ 1385-12).

«Если есть суженой в какой стороне,

Дак пусть туда и ворона летит»

(Юшково, Усть-Алексеевский, ЭАФ 1442-11).

Затем наблюдали – в какую сторону птица понесет печенье, с той стороны придет жених:

«Куда ворона понесёт, там и жёних у меня»

(Антушево, Верхневарженский, ЭФ 1385-03)

«Куда ворона поташшит, дак там и мой сужёной»

(Мякинницыно, Верхневарженский, ЭАФ 1438-07).

«Куда понесёт, дак туда и замуж выйдёшь»

(Прислон, Покровский, ЭАФ 1615-04).

Деревенские жители упоминают о том, что с помощью птиц могли гадать и парни (Мякинницыно, Верхневарженский, ЭАФ 1436-22). Пожилые женщины, гадая подобным образом, загадывали о дальнейшей судьбе – проживут или нет еще год. И если птица уносила печенье в сторону кладбища – это предвещало скорую смерть.

Иной вариант гадания зафиксирован в верхневарженской местности Великоустюгского района. Девушки клали выпечку себе в карман и отправлялись в гости. При этом старались особо не разговаривать, а по задаваемым вопросам и рассуждениям предугадать свое будущее. Взрослые, зная, что в этот день ходят с «цивилюшками», при встрече, как правило, высказывали благопожелания: «хорошо будешь учиться», «замуж пойдёшь – большая уж» (Мякинницыно, Верхневарженский, ЭАФ 1436-22). Дети, подражая взрослым, также могли погадать: они забегали с выпечкой в любую избу и слушали, какое первое слово скажут (Аристово, Шемогодский, ЭРФ 739-161).

В подобных гаданиях наиболее ярко проявляется верование деревенских жителей в магическую силу слова, способного оказывать воздействие на окружающий человека мир.

Печеньем могли закармливать птиц, для чего испеченных «жаворонков» клали на снег или крошили на дорогу: «Покрошит на дорогу ли куды-нибудь на такое местечко, где снегу поменьше, на дорогу, дак собирали птички» (Морилово, Верхневарженский, ЭАФ 1433-05). При этом потчевали, приговаривая: «Кúшайтё на здорóвьё!» (Мякинницыно, Верхневарженский, ЭАФ 1438-01). Или: «Вот тебе, – говорит, – гостинец принесли. Сорока-белобока, иди, – гыт, – кушай!» (Аксёновский починок, Усть-Алексеевский, ЭАФ 1440-07).

В д. Аристово Шемогодского сельсовета Великоустюгского района бытуют устойчивые выражения, соотносимые с образом жаворонков: например, выражение «как жаворонок вытянулся» говорит о худобе человека; а «ножки как у жаворонка» свидетельствует о тонкости ног.

Согласно народным верованиям и представлениям осуществляемые в «жавороночный день» обряды предопределяли скорое наступление нового календарного периода (весны), позволяли предсказать будущее, призваны были обеспечить жизненное благополучие семье, роду, общине.

Литература:

1. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – Москва: Индрик, 1997. – 912 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4: Р – Я / В. И. Даль. – Москва: Рус. яз., 1998. – 688 с.
3. Пропп, В. Я. Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования) / В. Я. Пропп. – Санкт-Петербург: Терра – Азбука, 1995. – 176 с.
4. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева: в 7 т. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 4: Тотемский, Устьысольский, Устюгский и Яренский уезды / авт.-сост.: Т. А. Зимина, О. Н. Фоякова. – Санкт-Петербург: ООО «Деловая полиграфия», 2008. – 808 с.

Приложение. Фото «жаворонков»

Фото 1. «Жаворонки», «курочки».

Вологодская область, Великоустюгский район, Викторовский с/с, с. Первомайское, 15.01.1998.
Исполнитель: Булдакова Татьяна Егоровна, 1919 г.р., родом с д. Татариново. Архив ЦТНК ВоГУ.

Фото 2. «Жаворонки»

Вологодская область, Великоустюгский район, Шемогодский с/с, д. Кузнецово, 04.07.1999.
Исполнитель: Ржанникова Клавдия Ивановна, 1925 г.р., местная. Архив ЦТНК ВоГУ.

Фото 3. «Жаворонки»

Вологодская область, Великоустюгский район, Кузинский с/с, п. Кузино, 05.04.1999.
Исполнитель: Корепина Лидия Васильевна, 1922 г.р., род. с д. Ребцово. Архив ЦТНК ВоГУ.

О.А. Федотовская, А.А. Никашкина, г. Вологда

**Детский фольклор Сямженского района Вологодской области:
от экспедиционных исследований к практике воспитания
современных детей**

Изучение жанров детского фольклора является перспективной темой этнокультурных исследований, так как в современном обществе актуализируются вопросы воспитания подрастающего поколения на традициях народной культуры, наблюдается интерес к культурному наследию края.

В традиционной культуре для каждого возраста существовала своя система фольклорных жанров. Произведения детского фольклора удерживали логику взросления человека, соответствовали возрастным психофизиологическим особенностям детей.

На примере народной традиции Сямженского района Вологодской области можно увидеть, какие «культурные накопления» [1] осуществляются детьми в рамках одной локально-региональной традиции, каким опытом они обогащаются через жанры детского фольклора. Проведем анализ произведений детского фольклора и выявим их педагогический потенциал. Источниковую базу исследования составляют фольклорно-этнографические материалы, хранящиеся в архивах Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного университета (экспедиции 1986, 2013, 2016 гг.), Областного научно-методического центра культуры и повышения квалификации г. Вологды (2002 г.), Школы традиционной народной культуры г. Вологды

(2000, 2004 гг.). Дипломное исследование А.А. Никашкиной (2016 г., научный руководитель – О.А. Федотовская) позволило систематизировать, описать и актуализировать данные материалы [2]. Работа научного руководителя является системной в ряду экспедиционного и теоретического изучения традиций народного воспитания в крае, а также определяется личным практическим интересом и деятельностью по этнокультурному образованию детей [5, 6].

В период раннего детства взрослыми (бабушками, мамами) или детьми, которые нянчились с малышами, исполнялись колыбельные, пестушки, потешки, прибаутки. Именно с этого фольклорного материала начинается знакомство ребенка с окружающим миром. Успокоить детей было не всегда просто – в этом зачастую признавались в экспедиции уже опытные женщины, имеющие своих детей и внуков. Каждая жанровая группа имеет своеобразие и выполняет важную роль.

Колыбельные песни призваны обеспечить переход ребенка от бодрствования ко сну – главному на первом жизненном этапе гаранту здоровья. Данная задача является не единственной, потому что колыбельная песня – это первые слова, которые слышит ребенок, первые звуки в его жизни. В Сямженском районе процесс укладывания младенца спать посредством колыбельных песен в народе называли словом – «байкать» (Архив ОНМЦКиПК ЭАФ 047-13). Колыбельные песни ассоциировались народными исполнителями и с молитвами: «Это ни письни. А это как на место молитвы» (Архив ОНМЦКиПК ЭАФ 085-11). Особенность жанра – наличие припевных слов-маркеров: «бай-бай», «лю-лю».

Тексты колыбельных песен содержат группы сюжетов (образов, мотивов), способствующих формированию у ребенка «картины мира» [3]: образ Господа и его божественных посланников (ангел-хранитель, Господь Бог); мифологические персонажи (Бабай, Бука, Сон да Дрема); образы, связанные с миром чужого и опасного (Бука, волчок); образы природы и животных (гуленьки, петушок, рыбка, лесок и др.); мотивы благополучия и счастья («будешь баско ходить, рубашки шолковы носить»); мотив воспитания заботливого сына и установку на жизнь, наполненную трудом.

Напевы колыбельных представлены двумя группами: строфические и стиховые. Напевы разнообразны в мелодическом отношении, но сохраняют общие ладово-интонационные закономерности (как правило, терцовую ячейку интонирования или трихорд в кварте), содержат опевание нижнего опорного тона, наличие в кадансе субсекунды или субкварты.

Материалы экспедиций представляют произведения материнского фольклора – пестушки, потешки, прибаутки. Большинство данного материала связано с развитием у детей тактильности (сенсорной) и мелкой моторики, обуславливающей умственное развитие ребенка. К таким пестушкам и потешкам относятся: а) «Ладушки» (сопровождаются ритмически-организованными

хлопками в ладошки); б) «Сорока-ворона» (во время произношения текста выполняются действия с ладошками малыша: круговые вращения указательного пальца взрослого по ладошке ребенка; подушечки каждого пальца по порядку массируются взрослым, начиная с мизинца и заканчивая большим пальцем); в) «Шило-шило» (взрослый и ребенок крутят указательными пальцами, направленными друг к другу с целью пощекотать); г) «Ножку, ножку подкуём» (взрослый постукивает по пяточкам ребёнка); д) «Два пожарничка бежали и на кнопочку нажали» (помогают изучить ребенку своё «телесное я», текст сопровождается попеременным прикасанием пальца взрослого к щекам ребенка и нажатием на носик); е) «Ты пляши, пляши, пляши, невелики борыши», «Топ, топ, топотоп, топотопотинки...» (ребенку помогают приплясывать на ножках); ж) выкачивание ребёнка на ноге и подкидывание вверх.

Играли с детьми, имитируя птичек: «Гули прилетели, на головку сели, ладушки запели». Текст сопровождается взмахами рук и прикладыванием их на головку ребенка; пальцем руки «играли» по губам, извлекая звук «Бр-бр-бр», приговаривая – «На игрушечку!» Таким образом, мы видим, что благодаря синкретичности ритмики, слова, действия, произведения для детей обеспечивали гармонию физического и умственного развития ребенка.

Очевидно, что в пестушках и потешках для маленьких детей игрушкой становятся сами пальцы, нос, щеки и другие части тела: хлопают в ладошки; перебирают пальчики, которые изображают братцев, «варят кашу», крутя пальчиком по ладошке; щеки и нос – это бегут «пожарнички и звонят».

Все произведения детского фольклора доставляют детям радость, удовлетворяют особо значимую для данного возраста потребность в игре и движении. Тексты пестушек и потешек социализируют ребёнка к жизненным условиям, дают установку на здоровье и быстрый рост.

Е. С. Редькова отмечает, что «включение потешек в репертуар матери или пестуньи именно в конце первого и начала второго года жизни ребенка обусловлено его онтогенезом, поскольку именно в этот период происходит активное освоение им вербальной речи, формирование первичного словарного запаса, складываются основные представления о предметах и образах» [4, с. 63]. Исследователь отмечает, что потешки побуждают речевую активность ребенка, способствуют развитию образно-мифологического мышления. В игровой форме потешек происходит перенесение функций и признаков с одного объекта на другой: ладошки превращаются в крылья, сорока может «варить кашу» и т.д. Кроме яркой образности для текстов потешек нередко характерно наличие морали в конце произведения [4, с. 64].

Тексты потешек преимущественно имеют плясовую ритмику, но в отдельных сюжетах, где ярко проявляется игровое начало (связанных с разыг-

рыванием сюжета – «пальчиковой игрой»), обнаруживаются несколько иные закономерности организации музыкально-поэтической формы.

Прибаутки Сямженского района (выявлено 9 сюжетов) имеют динамичный сюжет, для которого характерна быстрая смена событий. Многие из записанных текстов прибауток совмещают в себе сюжетные мотивы, встречаемые в других жанрах (детских играх, докучных сказках и т.д.): «Кикирику, петушок, скопил бабе на сошок»; «Прибежал татарин»; «Гасло-погасло»; «Басенка-басёнка». Такие прибаутки отличаются своей многофункциональностью.

Все прибаутки являются своеобразными ритмически-организованными «сказочками», увлекающими малыша, развивают речевой аппарат ребенка, его фантазию, знакомят младшее поколение с окружающим миром, направлены на развитие мысли.

Отличительной чертой народной культуры является стремление дать ребенку основные ориентиры как можно раньше, впрямь, задолго до того, как он будет этот мир практически осваивать сам. Поэтому в произведениях материнского фольклора, в свою очередь, представлены «пространственные и смысловые ориентиры», схемы мироздания. Колыбельные песни, пестушки, потешки, по словам психологов, должны обеспечить ребенку «целостное мировосприятие и ощущение своей включенности в общий порядок мироздания, т. е. задать некую систему основных координат, помогающих ребенку самоопределиваться в жизненно важных отношениях с миром» [3]. Психолог М. В. Осорина считает, что главной задачей в младенчестве является формирование у ребенка доверия к жизни – чувства, которое сохраняется у человека в дальнейшие годы, отсутствие которого может привести к боязни и невозможности человека бороться за жизнь в трудных ситуациях.

В ходе экспедиций записано 5 загадок на бытовую тематику. Они направлены на формирование у детей логического мышления, быстроты реакции, развитие образного мышления, наблюдательности, чувства юмора и памяти: а) «Брат сестру прижимал к костру»; б) «Сухой сухлеть, куда полез?»; в) «Был я на копанце, был я на хлопанце...»; г) «Два кольца, два конца...»; д) «Долгая долгуша, куда побежала?». Выявлены следующие сюжеты сказок: «Липовая нога», «Колобок», «Маша и медведь», «Про семерых козлят», «Про лису и зайца», «Про трех сестер», «Емеля».

Собственно детский фольклор в Сямженском районе широко представлен следующими календарно-обрядовыми жанрами: рождественско-поздравительной песней «Маленький юнчик», с исполнением которой дети ходили днем в Рождество по домам в ожидании угощения (для детей пекли блины, варили кутью или каши); выкрики на прощание с ледком (дети кричали, когда бегали по берегу, наблюдая ледоход, выражая надежду на встречу с ним в следующем году); заклички солнца, дождика, радуги; приговорка на

сбор полевого хвоща; приговорки, обращенные к кукушке, божьей коровке, ритмизованно произнесенные говорком. Календарные песни, выкрики, приговоры способствуют раскрепощению детей, укреплению их голосового аппарата, выстраиванию отношений с окружающим миром.

Во время свадебного столования дети с полатай кричали, обращаясь к свахе с просьбой угостить их пирогом. Благодаря участию в семейных обрядах, они знакомились с этапами жизненного пути взрослых, которые должны были пройти сами.

Заклички, выкрики «Лед тащит», «Сваха-подаха», «Шистик-пистик» построены на повторяющихся интонациях-примитивах, для которых характерны ладовая узкообъемность, декламационное произношение текста, простота ритмического рисунка. Соответствуя возможностям голосового аппарата и мышления детей, произведения легко ими воспринимаются и воспроизводятся.

В экспедициях записаны сведения о детских играх «Околотуха идёт, кого надо дак найдёт»; «Сичина, ты, сичина, в какую сторону бежать?»; «Заенька, по сенечкам гуляй, так и гуляй...»; «Баба Яга – костяная нога». В данных образцах легко узнаются традиционные варианты общеизвестных игр, по которым возможно реконструировать сам ход игры.

Местные считалки в своём большинстве представляют общерусские сюжеты текстов выбора водящего: «Шла собака через мост...»; «Цыган чёрный в трубу пёрнул...»; «Ехала карета...»; «В нашей маленькой избушке...»; «Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять...»; «В нашей маленькой компанье...»; «На золотом крыльце сидели...». Своеобразна считалка «Тыканлыкан...». Некоторые образцы текстов этого жанра содержат, на первый взгляд, слова не эстетического характера. Анализируя данные сюжеты, понимается, что это особый приём выразительности текста («взрывные слова»), который концентрирует внимание на главной задаче считалок и усиливает момент выбора ведущего.

В ходе полевых исследований также были зафиксированы дразнилки, рассчитанные на выявление недостатков ребенка, который должен был быстро отреагировать и ответить, показав реакцию.

Можно сделать вывод о том, что благодаря фольклору дети с самого рождения приобщались к традиционному пласту музыки, последовательно и сообразно возрасту усваивали интонационно-попевочный словарь родного края. Произведения материнского и собственно детского фольклора в своём большинстве представляют варианты общерусских текстов, сюжетов в контексте их исполнения, опираются на общие ладово-интонационные закономерности. Несмотря на это, все произведения детского фольклора Сямженского района Вологодской области самобытны благодаря комплексу вариативных компонентов текста, напева, исполнительских приемов, диалекта.

Произведения детского фольклора ценны не только с позиции формирования в детях этнически-окрашенной музыкальной культуры, а содержат большой педагогический потенциал для разностороннего развития и воспитания детей, где сконцентрированы общечеловеческие ценности и жизненные установки народа.

Материалы экспедиций показывают, что синкретическая природа фольклора (основанная на изначальном единстве словесного, музыкального, кинетического рядов) созвучна детским формам самовыражения и коммуникации, позволяет фольклору одномоментно комплексно воздействовать на человека.

Педагогу, работающему с детьми, необходимо знать, что максимальное чувство сопричастности к фольклору обеспечивается накоплением через его систему эмоционально-ценностных отношений к окружающему миру, проходит путем «проживания» и «приращивания культурного опыта народа» [5, с. 148].

Литература:

1. Виноградов, Г. С. Детский фольклор / Г. С. Виноградов // Страна детей: избранные труды по этнографии детства / ред. А. В. Грунтовский. – Санкт-Петербург: Анатолия, 1999. – С. 391-423.
2. Никашкина, А. А. Детский фольклор в семейной традиции В.В. Дьяковой / А. А. Никашкина // Молодые исследователи – регионам: мат. междунар. научн. конф. / ВоГУ. – Т.3. – Вологда: ВоГУ, 2015. – С. 343-345.
3. Осорина, М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых / М. В. Осорина – Санкт-Петербург: Питер, 1999. – 288 с.
4. Редькова, Е. С. Жанрово-стилевые особенности Детского музыкального фольклора: дис. канд. искусствовед. наук: 17.00.02. / Е. С. Редькова. – Санкт-Петербург, 2009. – 213 с.
5. Федотовская, О. А. Детский фольклор и его педагогический потенциал [по материалам экспедиций в Нюксенский район Вологодской области] / О. А. Федотовская // Музыкальная культура Вологодского края: исследования и материалы / ВГПУ. – Вологда: Древности Севера, 2013. – С. 139-148.
6. Федотовская, О. А. Народные обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей / О. А. Федотовская // Народная традиционная культура Вологодской области: сборник научных трудов и материалов Т.1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч.2: Народные верования, сказки, необрядовый фольклор / сост., науч. ред Г. В. Лобкова; авт. колл.: А. М. Мехнецов (рук. авт. колл.), Е. А. Валевская, Т. Г. Иванова и др.. – Вологда: ОНМЦКиПК, 2009. – С 111-128.

Притчи в практике народной педагогики
(по материалам фольклорных экспедиций Центра традиционной
народной культуры Вологодского государственного университета)

Фольклор для человека служит своеобразной аксиологической системой, где представлены главные жизненные ценности и установки, выработанные и апробированные народом в ходе жизненной практики.

Так, во время экспедиционной работы в Вологодской области¹ автором были записаны интересные произведения прозаического фольклора с яркой нравоучительной направленностью.

Определим содержание фольклорных текстов, контекст их функционирования и педагогическую роль.

Поучительные истории «*Сырое полотенце*», «*Бутылочка воды*», «*Помогай, Бог!*» записаны от Зинаиды Александровны Игнашевой (1941 г.р.) в д. Гридино Сямженского района Вологодской области и названы исполнителем как «присказки»².

«Сырое полотенце»

«Одна девушка вышла замуж и говорит:

– Все бы хорошо, да пол'отёнцем всё приходится сырым вытираться. (Вешали одно пол'отенце, [им] вытиралась вся семья). Всё сырым вытираюсь.

– А ты, девка, встаёшь, дак кто у тебя еще не встал в семье-то? (Пришла [замужняя дочь] домой, матке жál'уется родной).

– Да все [в]стали, только мы вот с мужиком-то.

[Матка ей даёт совет:]

– Девушка, вставай первая пораньше, дак всегда будет твоё сухое пол'отёнце!».

«Бутылочка воды»

«А потом вторая [дочка] тожно пришла к матке, жál'уетсё, что:

– Всё бы хорошо, мам, да уж больно свекровка-та много наговаривает-то. Все говорит, не перестаёт. Сердитая!

– А ты знаешь что, девушка, вот, на, я тебе водíцьки бутыл'оцьку налью. Она как ругается, так ты глотни, а не глотай – держи во рту воду-то.

Ну вот выпил'а всю эту бутыл'оцьку [девушка] и говорит:

– Мам, свекровка-то хорошая стал'а, не ругается, только вода у меня вся концил'ась.

– Я тебе, девка, еще налью!

---

¹ Автор с 1984 года является постоянным участником фольклорных экспедиций музыкального отделения Вологодского государственного педагогического университета (с 2014 года – Вологодский государственный университет). Научное руководство экспедиционной работой в вузе осуществляет профессор кафедры пения и музыкального образования, кандидат искусствоведения, заслуженный работник культуры РФ Г. П. Пародовская.

² Хранение материалов – фонды Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного университета (записи 2013 г.).

Тоже ведь для чего-то [нужна был'о это]: свекровка ругается дак – ты мол'ці, не от-вещай ей! (В.: А как назвать такие вот рассказыки?) Это – толи шутки, толи прибаутки. Как хотите называйте! Поуцительные, тоже дак».

«Помогай, Бог!»

«А тут одна тоже идёт. Вышл'а замуж-от. А у краю-то ведь пол'оски были у каждого [рядом с дорогой хлеб садили]. Жнёт да, а ей каждый идёт да: «Помогай, Бог!», «Помогай, Бог!»

– Мам, не знаю, пошто каждый идёт, да [говорит]: «Помогай, Бог!».

– Ты, девушка, вставай пораньше, штоб пораньше с дороги-то тебе отъехать³ – не будут шумить-то тебе с дороги [в смысле кричать]. Как ты отъедешь далёко, так ведь не будут останавливаться с тобой. (А каждый идёт, дак ведь с каждым постоять надо, хоть рядом-то!) <...>

Вот, так уцили мамки девок (своих доцере́й) – пораньше вставай!»

Три рассказа строятся на одном сюжетном мотиве – жалобе замужней дочери своей матери: в первом случае – «вытирается сырым полотенцем», во втором – «на сердитую свекровку», в третьем – «прохожие на жатве отвлекают от работы».

Значительную роль в композиции данных рассказов играют диалоги между матерью и дочерью, которые направлены на то, чтобы вызвать реакцию слушателя, заставляют его задуматься над поставленной проблемой. Из уст матери звучит народная мудрость: она даёт советы – учит свою дочь, как надо поступить. В каждом отдельно взятом случае, чтобы получить то, чего ты хочешь, нужно приложить личные усилия или соблюдать нравственные законы: если хочешь вытереться сухим полотенцем – вставай раньше всех; уважай свекровь и старших людей; выходи пораньше на работу – наработаться успеешь, мешать тебе никто не будет.

Г. А. Кожиным (1967 г.р.), уроженцем д. Васильевское Чучковского с/с Сокольского района, представлено пять рассказов, которые он в молодости слышал от своих родственников. Его истории опубликованы в авторском сборнике «Истина, которой дорожу» [5]⁴.

Первый сюжет «Прогулял» [5, с. 62-63] можно условно определить как притча-сказка, где главный герой – молодой человек, которому односельчане собирают средства и отправляют в город на заработки. Парень, оказавшись в большом городе, не сумел устоять перед его соблазнами, прогулял все деньги.

---

³ В значении: в процессе жатвы переместиться от дороги вглубь полосы.

⁴ Рассказы «Ешь-то всё с мёдом, а Бох-ту помощь никому не говори», «Непорядок», «Косяки и сани», «Прогулял» содержат некоторую авторскую интерпретацию, но выполнена она, на наш взгляд, по законам народного творчества – на принципах традиционности, устности. Фольклорное мышление реализуется исполнителем также в процессе рассказывания этих произведений, где Г. А. Кожин полноценно использует приёмы варьирования текста. На этом основании все образцы нами обозначены как фольклорные тексты.

Дорога домой – центральный мотив притчи, где встречи с разными животными подчеркивают проступок главного «героя». Посредством особой художественной образности (гротеск) – причудливого и контрастного сочетания реального и фантастического – высмеян главный персонаж, который прогулял все собранные для него общиной деньги. В тексте стоит задача пристыдить «героя», заставить его переживать, осознать свой проступок. Педагогическая ценность сказки-притчи – культивирование таких нравственных качеств человека, как взаимовыручка, общинность, ответственность за поступки, трудолюбие.

«*Косяки и сани*» [5, с. 63-64] – маленькая история деревенской жизни, как мужик сани делал в избе, в которой явно просматривается мораль: прежде чем браться за какое-либо дело – надо всё просчитать, иначе «косяки выставлай или сани ломай». Вспоминается в контексте притчи-рассказа народная поговорка «Семь раз отмерь, а один раз отрежь».

«*Ешь-то всё с мёдом, а "Бог-то в помощь" никому не говори*» [5, с.65-66] – нравоучительная история о том, как нужно жить не лениться, добросовестно трудиться. В этом случае жизнь будет у человека хорошая, успешная и счастливая. Притча основана на идее поговорки «Кто рано встаёт – тому Бог подаёт». Главные персонажи: отец, сын, священник. В деревенской жизни присказка «Ешь-то всё с мёдом, а "Бог-то в помощь" никому не говори» часто произносилась как пожелание-наставление.

«*Непорядок*» [5, с. 67-68] – рассказ о том, как старое поколение не могло принять новую моду. По-деревенски считалось, что костюм должен быть крашенный (если белый костюм – это «исподняя рубаха», нижняя одежда), обувь не должна быть с дырами (это показатель старой, изношенной обуви) – значит, человек живет в достатке. По словам Г. А. Кожина, такую историю могли рассказывать, с одной стороны, в шутку о «серости деревенской – незнания нового мира», с другой – «в ней нарочито было сказано о хозяйственности человека».

«*Закуривай, сват*» [5, с. 66] – история, которая на примере отношений родственников (сватов) подчеркивает очень важную черту русского человека – гостеприимство.

Чтоб представлять характер поучительных историй Г. А. Кожина, приведём текст последнего сюжета:

«Тесал мужик бревно у своего дома, смотрит: издалёка к нему человек подходит. Оказалось, что его сват в гости пришел. Подошёл и приветствует:

– Здорово, сват!

– Здорово! – отвечает человек с топориком.

– Ну, садись, присаживайся, посидим, погутарим.

Воткнул топорик в бревно и достаёт кисет. Достаёт кисет и потчует гостя:

– Закуривай, сват.

Скрутили самокрутку, сидят курят, о том и о сём разговаривают. А хозяин топора опять:

– Закуривай, сват.

Ну, выкурили ещё по одной, ещё поговорили. Да ещё по одной выкурили, да ещё по одной... А сват, как бы спохватившись, спрашивает своего гостя:

– А что сватья-то не пришла?

А тот подумал, подумал, да и ответил:

– Да она не курит» [5, с. 66].

Осмыслим народную терминологию и определим жанровую природу данных фольклорных текстов. В. И. Даль в *Толковом словаре живого великорусского языка* даёт следующее толкование слову «прибаутка»: «прибаутка, прибавка, прикраска к сказке, с намеками на содержание последней» [1, с. 441]. В глагольной форме значение слова уточняется действием «примолвить, прибавить к сказанному»; «приговаривать, повторять» [1, с. 441].

Репортажи о функционировании поучительных историй показывают их взаимосвязь с жизненной практикой человека, с конкретной ситуацией-поводом для их актуализации и, действительно, выполняют роль «прибавки к сказанному». Тексты привязаны к разговорам людей о проблемных жизненных ситуациях, анализу своих ошибок, построению планов на будущее.

По воспоминаниям информаторов, поучительные истории и рассказы исполнялись в тот момент, когда что-то из жизни «выплыло из ошибок» или «кто-то совершил неосмысленную глупость», где требовалось «показать истинное положение дела», в другой ситуации – «поучить своих дочерей» [5, с. 60]. Г. А. Кожин вспоминает: «Было это за пирогами. Дело было прошлое уже [случай уже произошёл]. Мама, Зоя Азарьевна, говорила это нам в пример и в шутку. Уже не ругали нас за это горе, уже патрашились: “О, робята, учить-то вас некому, да и нам некогда! Вот ведь прогуляли! Вот один парень отправлен в город – тоже прогулял...”» [5, с. 61]. Вслед за этим была рассказана история «Прогулял», после которой все «уже понимали свою вину и ошибки».

За общим столом с пирогами рассказывалось много различных поучительных историй, поводом для которых были, прежде всего, разговоры о современных ошибках и проблемах. Г. А. Кожин рассказывал: «Ставилось на повестку дня, например, следующее: “Худенько, робята! Мы ошиблись, надо переделывать!”». И чтобы нейтрализовать ситуацию, смириться и начать всё сначала, вот и рассказывалась байка. Тесть Г. А. Кожина, Михаил Андреевич, любил «патрашиться» (шутить, рассказывать различные прибаутки), вот и начнёт рассказывать «*Косяки и сани*»: «Всякое бывало. Вон мне рассказывали в юности про одного деятеля – старик сани делал ...» [5, с. 61]. Разговоры были о жизни, про деньги – как разжиться, чтоб всё на хозяйстве было. А в ответ молодые слышали от родителей: «А не сложно – *Ешь-ту всё с медом, а "Бог-то в помощь"* никому не говори... Встань пораньше, так всё у тебя и бу-

дет. Дрова сами не прибегут, воду не принесут, крышу никто не закроет». А вслед за этим от нас следовал вопрос: «А как это – *Есть всё с медом, а "Бог-то в помощь" никому не говорить?*» На который следовал рассказ про героев одноименной истории» [5, с. 61].

История «Закуривай, сват» рассказывалась, когда за столом поднимали тему про гостеприимство. Михаил Андреевич обращался к гостю:

«– Ну, чего, [хозяйка], гостей не подчуешь? Давай, заходи! Ешьте, полно степениться-то, бери пирожок, да ешь.

– Да я не хочу, – [отвечал гость].

– Не переживай, кушай. У нас ведь не как в той сказке, про того свата.

– Про какого?

– А вот в юности рассказывали про двух сватовей, как сват к свату пришёл, да покурили. Вот случай был такой...» [5, с. 61-62].

Содержательные разговоры с Г. А. Кожиним по поводу функционирования текстов позволили увидеть важные моменты философии деревенских людей: «в деревне просто так ничего не говорилось (абы, кабы, чего бы!); говорили к месту, по делу; каждое слово имело свой смысл, сказанное было истиной; всё было на пословицах, на шутках и прибаутках» [5, с. 64].

Записанные тексты от З. А. Игнашевой и Г. А. Кожина относятся к не сказочной прозе, заключают в себе моральное поучение – своеобразный «урок» мудрости, нравственности. В представленных текстах мы не видим обилия средств художественной выразительности, присущих другим повествовательным жанрам – сказкам, былинам, духовным стихам и др. Наиболее устойчивым компонентом прозы является персонаж⁵. Сюжет передаётся сжато, не разветвляясь в сложную цепь сюжетных мотивов. Образность текстов достигается за счет иносказания, диалогов. Функция нравоучения (воспитательная) преобладает над художественной. По ярко-выраженному воспитательному компоненту тексты схожи с пословицами, но для них характерен художественный приём «недосказанности», где у слушателя возникает необходимость осмыслить услышанное (пословицы же имеют суждение и толкование / поучение). По этому свойству устанавливается связь текстов с жанром «притчи», как «короткого рассказа, передающего главную идею в иносказательной форме, посвященного, как правило, нравственному поучению» [4, с. 5]. Как и в притчах, наши рассказы не содержат прямого вывода или наставления, а мораль из текста извлекает сам слушающий – своеобразное «поучение примером» [4, с. 5]. В этом смысле притчу диакон Андрей Кураев рассматривает, как «аллегория, в которой слушатель должен узнать себя. <...> а текст притчи – взывать к самоопределению человека, к выбору» [6]. Очевидно, что выбор, осуществляемый

---

⁵ Исключение составляет сюжет «Прогулял», где наряду с главными персонажами людей в действии активно принимают участие животные (петух, кот, корова), на языке которых звучит мораль, связанная с проступком главного персонажа [5, с. 62-63].

человеком, не обращен к миру материальных ценностей, а связан с духовно-нравственным содержанием и совершенствованием.

Итак, на ярком прозаическом материале представлен ценный жизненный опыт людей. Тексты образны, интересны и имеют важные свойства: «запоминаться благодаря необычному сюжету, неожиданным вопросам и ещё более неожиданным ответам, а также едва заметной иронией над человеческой гордыней и страстями» [7]; иметь высокую степень воздействия на слушателей; не содержат прямой морализации, нотаций.

Осмысление роли и контекста исполнения притч показало, что воспитание и преобразование человека в народной традиции не заканчивается в детском и подростковом возрасте. В дальнейшей взрослой жизни также важны оценка деятельности, анализ своих поступков, воспитательные меры воздействия на людей.

Незаменимы такие рассказы-притчи в современном воспитании – они могут служить верным «методом преобразования и совершенствования человека, средством повышения его успешности» [3].

Литература:

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т. 4: П / В. И. Даль.– Москва: Рус. яз., 1998. – 555 с.
2. Зуева, Т. В., Кирдан Б. П. Русский фольклор: учебник для высших учебных заведений / сост. Т. В. Зуева, Б. П. Кирдан. – Москва: Флинта: Наука, 2000. – 400 с.
3. Еремеева, И. Г. Притча: Какими мы бываем разными людьми / И. Г. Еремеева // Режим доступа: <http://www.b17.ru/article/1466>. (Дата обращения: 10.11.2014).
4. Колодий, А. И. Притча и притчевость в украинской прозе 70-80 годов XX ст. / А. И. Колодий. – Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук по специальности 10.01.06. – Киев, 2000. – 28 с.
5. Кожин, Г. А. Истина, которой дорожу: сборник стихов, рассказов, песен / Г. А. Кожин; [ред., сост. О. А. Федотовская]. – Вологда: Древности Севера, 2015. – 78 с.: ил.
6. Кураев, Андрей (диакон). Школьное богословие. Притчи христовы / А. Кураев // Режим доступа: http://zbyka.ru/tserkov/lyubov_i_semya/vera_i_deti/kuraev_shkolnoe_bogoclovie_32-all.shtml. (Дата обращения: 12.05.2015).
7. Христианские православные притчи // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.smisl-zhizni.ru/pritchi>. (Дата обращения: 15.11.2014).

Мифологические паттерны в регламентации традиционных женских практик, связанных с производством и сохранением текстиля

Несмотря на возникший с конца XIX столетия и сохраняющийся до настоящего времени интерес исследователей к мифологическому ореолу, окружающему женское тканевое ремесло, в тени остаются аспекты, которые позволяют выявить мифологические основы социальной организации трудовых практик. В этой статье хотелось бы рассмотреть корреляции между иерархической структурой, организующей порядок в мире мифических существ, связанных с ткачеством и прядением, и регламентацией процессов производства ткани.

Причастность к практикам создания ткани имеет множество мифических существ: *кикиморы*, *русалки*, *среда*, *пятница*, *доля*, *мокуша*, *дрема*, *святохи*, *мары*, *шишкотухи-рогоухи* занимаются прядением и ткачеством; *кострома*, дочери *веснянки* и *купалы* искусны в шитье [4, с. 322; 10, с. 282–283; 3, с. 197; Архив ЧЦНТК, АФ 058, 0139]; *мавки*, обитающие зимой в горных пещерах, прядут украденный лен, занимаются вышивкой и шитьем [6, с. 394]. Анализ фольклорных текстов позволяет отметить различную степень их «посвященности» в ремесло. Так, для фольклорных образов *дремы*, *костромы*, *веснянки* и *купалы* связь с рукоделиями не более, чем поэтическая метафора, подчеркивающая их принадлежность к миру женских персонажей.

Мифологический патронаж в сфере производства ткани (чиноначалия и власть)

Мары (онеж., вытегор.)¹, *запечальницы*, *запечечницы*, «*запечельницы*» (онеж., олон., арх.)², *святохи* (вытегор.), *шуликуны* (арх.), *коляда* (псков.)³ не только прядут, но и контролируют процесс прядения. Они путают, рвут, мусолят, прядут оставленную на ночь или в неуточное время (в воскресные и праздничные дни) пряжу [4, с. 322; 13, с. 495; 17, с. 414; ПМА, Архив ОНМЦ, АФ 275]. Считалось, что «каляда обсеря», а *святохи* могут «обостять» пряжу (на прялке), которую хозяйки забыли перекрестить и вынести на чердак в период святок [17, с. 414; ПМА, Архив ОНМЦ, АФ 275].

Покровители человека, локусов и суток – *доля*, *мокуша* (черепов., новг., волог.)⁴, *кикимора*, *домаха*, *ячична*⁵, *обдериха*, *среда*, *пятница* – следят за по-

¹ Домашние духи, призраки, существа женского пола, по ночам прядут, путают, рвут недопряденную кудель [19, с. 367].

² Духи, обитающие за печью [19, с. 315].

³ *Святохи*, *шуликуны*, *коляда* – мифологические персонажи, появляющиеся в святочный период, в их функции входит контроль за соблюдением запретов на прядение в святки (с 25/XII по 6/I).

⁴ *Мокуша* – избяной дух, имеющий женское обличье. Упоминается в связи с регламентацией женских трудовых практик: «не оставляй кужеля, а то мокуша опрядет» [19, с. 207]. В Кадуйском районе Вологодской области известна как *мокуша*: бабушка рассказывала детям, что «мокуша в подполье [живет – Е.С.]. Вот, надо допрясти мне кужалёк. Не допряду, дак мокуша у меня допрядёт. Допрядёт, так она мне нитки не отдаст. Пугала мокошей. <...> А нам звук какой-то казался, что как где-то “трррр-тррррр”. Как кошки мурлыкают, но это не кошка. Ну че хоть, бабушка? – Это мокуша» [Архив ЧЦНТК 0139].

⁵ Дух пустого дома, арх. [15, с. 127].

рядком и регламентацией женских ремесел: их вмешательством объясняют различные болезни рук, в их власти устроить испытание с веретенами (прявшим в неурочное время подкидывают множество веретен и требуют покрыть их пряжей за ночь) и даже жестоко наказать (например, снять кожу с нерадивой хозяйки) [14, с. 377–378; 7, с. 48; 22, с. 217]. Они же могут вознаградить за почитание женских дней (*среда, пятница*), праздников (соблюдение запрета на работу в среду и пятницу) или оказание услуги. Так, *домаха* награждает нескончаемым рулоном полотна [4, с. 153] угодившую ей женщину, *обдериха* обучает женскому ремеслу девушку-обменшю [15, с. 120–121], *доля-двойник* пособляет многодетной женщине «точь-у-точь як маты сида и пряде, або прыбырае у хати» [11, с. 356].

Фиксируемые мифологические представления позволяют смоделировать четырехуровневую иерархию в мире мифических существ, имеющих отношение к женским ремеслам. Иерархический порядок определяется полномочиями во взаимоотношениях с рукодельницами и степенью посвященности в секреты ремесла.

Нижний уровень объединяет существа, освоившие процессы создания ткани, но отстраненные от власти (*мавки, кострома, дочери веснянки и купалы*). Они занимаются рукоделиями, но не вмешиваются в женские трудовые практики.

На следующую ступень попадают те, кто участвуют в регламентации тканевого производства, – персонажи, ответственные за соблюдение регламентационных устоев святочного периода (*святохи, шуликуны, коляда*), воскресных и праздничных дней (*запечечницы, мары*). Степень их вмешательства ограничивается правом наказания нерадивых рукодельниц через порчу нитей или ткани, шум, нарушение домашнего порядка.

Ступенью выше можно разместить мифические существа, обладающие правом куда более серьезных испытаний и наказаний, чем запутывание пряжи и прочие мелкие неприятности. Духи домашних локусов, суток, покровители человека (*ячична, обдериха, мокуша, среда, пятница*) экзаменуют нарушителей норм в сфере занятий прядением и ткачеством, насылают болезни. Расплата за ошибку может стоить дорого (в этнографических источниках находим упоминания о сдирании кожи, болезнях рук). В их власти вмешательство на витальном уровне, тогда как властительницы нижнего ранга не выходят за границы бытовой сферы.

Домаха, обдериха, доля, пятница могут не только наказывать, но и награждать – удачей, спорой (искусностью, мастерством) или их материальным эквивалентом (нескончаемым полотном), т.е. им дозволительно вступать в контакт с рукодельницами посредством дарообмена. Если вспомнить присутствие женских тканевых приношений в локусах, находящихся под патрона-

жем *пятницы* (часовни, деревья, водные источники), можно отметить традицию взаимообменов между женщинами и их мифологическими патронами.

В материалах Тенишевского бюро упоминаются тканевые дары, приносимые женщинами св. Пятнице. В конце XIX века в д. Елехове Череповецкого уезда Новгородской губернии собирались в часовне на Истошницу – «бабий праздник», приуроченный «к пятнице на святой неделе» [1, с. 46–47]. Пятнице («в пользу часовни») приносили связки льна, куски полотна, полотенца: «У которой в мешочке льну десяток, у другой холста кусок, у третьей полотенце» [1, с. 46–47]. В Вауче (того же уезда) женщины собирались в церкви, в которой службы велись только по пятницам, «начиная с пятницы Пасхи и кончая пятницей перед Ильиным днем» [1, с. 47]. Текстиль, шерсть, лен тайно клали под церковным крыльцом, на паперти. Дары сопровождалась записками, содержание которых сводилось к упоминанию имени дарительницы и ее прошения: «На каждом почти предмете привязана записочка. На одной написано: “Сей холст на свечку св. Пятнице, чтобы у рабы Божьей Марии родилось дитя”, на другой – “св. Пятнице за исцеление у рабы Божьей Анны живота”» [1, с. 47].

На Вологодчине традиция тканевых даров св. Пятнице сохраняется вплоть до настоящего времени. В Вашкинском районе «на Мунськом носили», «у нас там идти на Мунсько по пятнице Ильинской. Там была часовенка ли, чего ли. Так вот, в пятницу или против, носили, хто платки, хто полотенця вешали. Это Вашкинский район», «хто там платок, хто полотенцё, ну, хто там ситцю положит» [ПМА, Инф.: П. Евстюничева, 1933 г.р.; Г. Евстюничева, 1936 г.р., Вологодская обл., Кирилл. р-н, д. Крутецкая, 2012]. Когда часовня разрушилась, облюбовали и заприметили деревце, выросшее на святом месте: «часовенки не стало, куст вырос. Я не знаю, какой куст, берёза ли там, чё ли. Вот, это всё, платки, дак это вешали» [ПМА, Инф.: Г. Евстюничева, 1936 г.р., Вологодская обл., Кирилл. р-н, д. Крутецкая, 2012].

Как и в XIX веке, к св. Пятнице с дарами приходят женщины, поскольку это «бабий праздник»: «Она бабам помогает, а нашему брату [мужикам – Е.С.] проси не проси – все равно толку не будет. Вот мужики поэтому самому и не ходят» [1, с. 46–47]. Появление мужчин в локусах женских молений, скорей, исключение, они приходят с заветом, с последней надеждой. Так, в одном из случаев мужчина кладет завет в надежде на исцеление сына: «что Леша на костылях ходил, дак. Не мог ходить»; «Вот, он сходил в пятницу, там завет положил. Ну, и всё. Через сколько-то время парень пошел. Дак вот, он ведь в войну-то був. Ну, поправился совсем» [ПМА, Инф.: П. Евстюничева, 1933 г.р., Вологодская обл., Кирилл. р-н, д. Крутецкая, 2012]. Рассказчица подчеркнула, что завет соблюдался строго: «чтобы это в пятницу какая ни погода, а раньше, знаешь, каждым днем дорожили, погода-то – всё надо [делать – Е.С.] – какой ни день, работать в пятницу не буду. <...> Дак вот, какой в пятницу ни день,

хоть мёд с неба кап, не пойду ничё делать» [ПМА, Инф.: П. Евстюничева, 1933 г.р., Вологодская обл., Кирилл. р-н, д. Крутецкая, 2012].

Рассмотренные примеры подтверждают, что под патронажем высших мифологических чинов, связанных с женскими рукоделиями, находятся витальная и репродуктивная сфера (наказание и помощь, дары с просьбами об исцелении и чтобы «родилось дитя»). Сходные связи прослеживаются во взаимоотношениях рукодельниц с умершими.

Проекции женского ремесла в коммуникациях с умершими

Занятия рукоделием не чужды обитателям мира мертвых. Умершие естественной смертью – *русалки, мавки* – владеют технологией изготовления пряжи, а на «русальной неделе» контролируют соблюдение регламентационных табу для рукодельниц. Связь женщин-мастериц с почившими родственниками, родителями подтверждается повсеместно существующими запретами на занятия ремеслом. В Черниговской губернии в дни поминовения родителей не разрешалось мять пеньки, прясть и чесать шерсть, чтобы не засорять покойным глаза [7, с. 24]. Аналогичный запрет в Полесье аргументировали посмертным наказанием нарушительницы (после смерти за пряхой «будут катиться клубки и тянуться нити») [4, с. 326–327]. У белорусов в осенние *Деды* женщины не брались за веретено, в противном случае умершие могли сделать так, что «пряжа будет волочиться по всем горшкам» [12, с. 157].

Предметы женских рукоделий играли важную роль в контактах с умершими. В Бабаевском районе Вологодской области для ритуальных поминок ткали специальную скатерть из синих или суровых ниток [Архив ЧЦНТК 0111]. В поминальные дни полотенца для нужд умерших могли оставлять на окнах, могилах, реже на березах, кустах – «родным глазки утирать», «прилетают родители, вытираются», «родители вытираться будут» [18, с. 34; 17, с. 56, 59-60; 2, с. 463].

Фиксируется традиция обетных приношений умершим, оставляемых с надеждой на помощь и выздоровление [2, с. 463]. В Вытегорском районе Вологодской области на ели, растущей на кладбище, оставляют тканевый лоскут (ленты), платки – «привяжешь и поговоришь со своими, они и услышат» [АШЭМ.: Инф.: А.В. Бакашова, 1934 г.р.], таким образом «живые передают свои просьбы предкам о помощи» [16, с. 230].

На Поморском берегу Белого моря с той же целью жительницы д. Шуерецкое приносят «заветы» к Большому кресту: «там крест большой на кладбище и там навешано всего: кто чулки, кто платки, кто чего вешает» [ПМА, АФЭЦ 251-А002-001]. За помощью к покойным обращаются при возникновении проблем со здоровьем. Предметы кодируются с учетом половой стратификации: когда болеет женщина, приносят платок или пелену, мужчина – носки. Приношения появляются в дни календарных поминок или по случаю.

Так, жительница д. Шуерецкое А.Е. Шутько ежегодно приходит на кладбище в Троицу: «у меня платок приготовленный, помолюсь, заветик дам на весь год – это же я должна выполнить: я положила и должна [в] этот год [все], что я сказала у Большого креста, должна его выполнить», «для себя только кладу завет, родителей, что поминаем» [ПМА, АФЭЦ 251-А002-001].

В Бокситогорском районе Ленинградской области одежда покойного вывешивается у божницы до сорокового дня – чтобы на том свете умерший не был нагим [ПМА, АФЭЦ, колл. 318].

Нередко полотенцам отводилась роль коммуникативных буферов. Так, в Кадуйском районе Вологодской области существовал обычай вешать полотенце на икону после смерти человека: «до сорока дней висит. И он приходит тут, дескать, хороняется за это полотенце, а как сорок дней пройдет <...> нищим это полотенце и отдавали» [Архив ЧЦНТК 0144]. В Новоржевском районе Псковской области существовало поверье о том, что на протяжении сорока дней после смерти душа умершего «прилетает», «садится на полотенце» или «утирается им» [17, с. 548].

В коммуникации живые-мертвые изделия из ткани и полотно повсеместно использовали в качестве пространственного маркера – вывешивали на угол дома или на окно, «штобы видели, што покойник» [17, с. 372; ПМА, АФЭЦ колл. 243] и чтобы души умерших могли узнать жилища родных [2, с. 462]. В Бокситогорском районе Ленинградской области до настоящего времени ткань или предметы одежды привязывают к могильным крестам в тех случаях, когда места захоронений находятся в стороне от кладбища (в лесу, у ручья). Они служат ориентирами и помогают отыскать одинокую могилу [ПМА, АФЭЦ 318-F004-045].

В этнографических источниках фиксируются отдельные свидетельства о практиках женских дарообменов с умершими. В восточнославянской культуре обеспечение умерших изделиями из полотна и одеждой входило в функциональные обязанности женщин и считалось необходимой мерой для поддержания порядка в коммуникации живые-мертвые. Они занимались изготовлением, подготовкой и хранением одежды для ритуала погребения, осуществляли передачу недостающих вещей.

В Западном Полесье количество запасной одежды и текстиля для передачи умершим, помещаемой в гроб для покойной, было так велико, что крышку закрывали с трудом: «Все покладуть, у домовку, натовчуть – дошка не закривается» [21, с. 530]. На территории правобережной Украины в случае смерти единственной дочери, помимо платков – традиционного дара «на память» – ее подруги получали тканевые предметы из сундука с приданым покойницы (плахты, корсетки, юбки, изготовленные руками девушки) [23, с. 709]. В поморской Нюхче вещи умершей девушки могли приносить к обетно-

му кресту: «На Острове был крест, у моста был крест. <...> Когда сестра умерла, ей четырнадцатый год шел, это был сорок второй – начало года. Я вот все помню, что мать повесила шелковый платок. <...> Женщины сказали, что повешай. И она повесила. <...> для чего она там это все делала, [не знаю – Е.С.] а просто весила, помню» [ПМА, 263-А007-003].

В Бокситогорском районе Ленинградской области до настоящего времени сохраняется обычай размещать у божницы одежду и постель умершего: с момента смерти и до сорокового дня «рубашка, [если умерла – Е.С.] женщина, [развешивается – Е.С.] на вешалке, а сверху на гвоздик либо туда же на вешалку – на платье аль на рубашку – полотенце <...> пусть он в одежде на том свете будет, и дают за то [дарят одежду покойного – Е.С.]» [ПМА, АФЭЦ 318-V003-026]. Поскольку одежда выставляется на всеобщее обозрение, стараются выбрать ту, что получше: «Нарядное надо полотенце и платок новый. <...> чтобы люди посмотрели. Эдак скажут, у этой ничего, наверно, нету [если повесили некрасивую или старую одежду]» [ПМА, АФЭЦ 318-А005-002]. По существующим представлениям несоблюдение предписаний приводит к бедственному положению умершего в загробном мире, он лишается одежды или постели – голым «будет ходить на том свете, будет обижаться» [ПМА, АФЭЦ 318-РФ], что может повлечь возмездие и негативно сказаться на благополучии близких ему людей.

В южнорусских губерниях и в Украине в конце XIX – начале XX вв. сохранялась традиция одаривания *русалок* предметами женских рукоделий: на «русальной неделе» женщины развешивали холсты на деревьях [9, с. 272; 5, с. 160]. В материалах, собранных П. Шейном, находим упоминание об ответном даре *русалки*, наградившей спориной женщину, которая накрыла передником ее ребенка [25, с. 317–318]. Встречаются случаи многоступенчатой конвертации дара: покойная, около века «покутующа» под припечком, обращается к родственнице с просьбой о даре «от труда рук», девочка изготавливает манишки из ниток и коленкора и продает их на рынке, а на вырученные деньги заказывает панихиду по умершей, вечером в дверях дома появляется пожилая женщина и обещает, что Бог заплатит за ее благодеяние [22, с. 148–149].

В традиции восточных славян женщины осуществляли контроль за распределением производимых ими тканевых предметов и обеспечивали текстилем как живых, так и мертвых. В рассматриваемых материалах фиксируется три способа передачи одежды умершим:

- через живых (дар/передача);
- через мертвых (передача – подкладывание в гроб);
- подхоранивание (закапывание) текстиля в могилу.

В тех случаях, когда снабжение умерших осуществляется путем передачи одежды живым (в память о человеке или с целью обеспечения его недостающими предметами), акт передачи способствует созданию или поддержке

коммуникативных связей, основанных на принципах дарообмена. Когда же одежда или другие вещи из ткани помещаются в гроб или закапываются в землю, мы сталкиваемся с вариантами ритуальной утилизации текстиля.

Умершим, как и мифологическим покровителям женских ремесел высшего чина, приписывается способность одаривания рукодельниц талантом создания и украшения ткани. Рассмотрим случай, зафиксированный в Чарозерском районе Вологодской области. В д. Горка на девичьи посиделки с рукоделиями приносили деревянную ростовую фигуру в одеждах умершей («тети Ани») – покровительницы женских рукоделий. В весенне-летний период скульптуру хранили «на потолке» (на чердаке) дома. «По старому народному преданию изображение могло быть одето только в костюм умершей женщины» [20, с. 31]. Чтобы в ремесле сопутствовал успех, придерживались обычая «в силу которого девушки целовали “тетю Аню”, когда собирались на беседы /посиделки/ для работы по прядению. В обычное время изображение “тети Ани” хранилось “на потолке”, т.е. чердаке» [20, с. 31–32]. В 1937 году антропоморфная фигура была передана жителем д. Горка А.А. Евстюничевым в Череповецкое музейное объединение. По воспоминаниям П.Д. Евстюничевой (родственницы «дяди Оси» – А. Евстюничева), семья славилась мастеровыми: женщины были искусны в рукоделиях, мужчины работали с деревом, занимались изготовлением предметов домашнего обихода [ПМА, Инф.: П. Евстюничева, 1933 г.р., 2012].

В материалах Череповецкого музейного объединения фиксируются элементы ритуализации, связанные с пиететом покойной мастерицы (ритуальный поцелуй – касание скульптурного изображения умершей). Ритуальное почитание умершей совершается опосредованно – через предмет (резную скульптуру, облаченную в рукоделия мастерицы – одежды покойной) и выходит за границы семейного круга (за помощью обращаются все девушки – участницы посиделок). В данном случае границы власти покровительницы рукодельниц совпадают с территориальными границами д. Горка, поскольку на посиделки приходят девушки, проживающие в этой деревне.

Таким образом, прослеживаются параллели во взаимоотношениях мастериц с умершими и мифологическими персонажами (покровителями рукоделий) высших чинов: регламентация трудовых практик в системе годового календарного цикла (дни поминовения умерших/дни и временные периоды, подконтрольные мифологическим существам – *среде, пятнице, святкам*); дарообмен; контроль в профессиональной (производство ткани) и витальной сфере. В тоже время следует отметить более сложную организацию социальных связей в коммуникациях живые-мертвые (обеспечение умерших предметами женских рукоделий; использование тканевых вещей в качестве комму-

никативных буферов, пространственных маркеров; циркуляция тканевых изделий по коммуникативным каналам связи пограничных миров).

Список сокращений.

ПМА. Архивные материалы:

АФЭЦ – Архив Фольклорно-этнографического центра им. А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова.

ПМА, АФЭЦ, колл. 243. Вологодская обл., Нюксенский р-н, 2009 г.

Фото – Вологодская обл., Нюксенский р-н, д. Пожарище, 2009-2010 г.

ПМА, АФЭЦ кол. 251. Республика Карелия, Беломорский район, 2009 г.

251-А002-001: Основной аудиофонд (далее ОАФ). Инф.: А.Е. Шутько, 1918 г.р.

251-F002 – фотографии, сделанные в день поминок на кладбище у Большого креста в Троицу.

ПМА, АФЭЦ, колл. 263. Республика Карелия, Беломорский район, с. Нюхча, 2010 г.

263-А007-003: ОАФ, Инф.: М.Ф. Кокотова, 1940 г.р., А.И. Попова, 1940 г.р.

ПМА, АФЭЦ, колл. 318. Ленинградская обл., Бокситогорский р-н, 2016 г.

318-F004-045: фото – Ленинградская обл., Бокситогорский р-н, д. Белячиха, 2016 г.

318-V003-026: Основной видеофонд – инф.: А.П. Осипова, ок. 80 л., Ленинградская обл., Бокситогорский р-н, д. Боброзера, 2016 г.

318 – РФ – рукописный фонд.

Архив ЧЦНТК – Архив Череповецкого центра народной традиционной культуры.

АФ – аудиофонд.

058 – записи С. Балаксиной, Е. Гуреева, Кичменгско-Городецкий р-н Вологодской обл., 1993 г.

0139 – записи О. Каданцевой, А. Каданцева, Н. Манькиной, Кадуйский р-н Вологодской обл., 1994 г.

0111 – записи О. Каданцевой, О. Кутузовой, Н. Кулева, Бабаевский р-н Вологодской обл., 1996 г.

0144 – записи О. Каданцевой, М. Ланец, Кадуйский р-н Вологодской обл., 1995 г.

Архив ОНМЦ – Архив Областного научно-методического центра и повышения квалификации г. Вологды.

АФ 275 – Полевые материалы автора (далее ПМА). Записи Е. Самойловой и В. Кулиганова, Вытегорский р-н Вологодской обл., 2006 г.

АШЭМ – Архив школьного этнографического музея Вытегорской средней школы №1. В архиве хранятся экспедиционные материалы, собранные преподавателями и школьниками под руководством Н.А. Митрошкиной в Вытегорском районе Вологодской области.

Инф.: Бакашова Анна Васильевна, 1934 г.р., Вологодская обл., Вытегорский р-н, Андомский с/с, д. Шлобино. Запись Н. А. Митрошкиной, 2014 г.

Личный архив автора:

ПМА, 2012 – экспедиционные материалы, собранные в Кирилловском р-не Вологодской обл.

Инф.: П.Д. Евстюничева, 1933 г.р., д. Крутецкая. Запись: Е. Самойловой, Т. Чуриловой, 2012.

Инф.: Г.П. Евстюничева, 1936 г.р., д. Крутецкая. Запись: Н.И. Заболотская, Е. В. Корнилова. А. К. Богачева, 2012.

Литература:

1. Антипов, В. А. Череповецкий уезд / В. А. Антипов // Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева Т. 7. Новгородская губерния, Череповецкий уезд. – Санкт-Петербург: ООО «Навигатор», 2009. – Ч. 2. – 624 с.
2. Афанасьева, Н. Е. Вывешивать / Н. Е. Афанасьева // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. – Москва: Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 461–465.
3. Бернштам, Т. А. «Хитро-мудро рукодельице» (вышивание – шитье в символизме девичьего совершеннолетия у восточных славян) / Т. А. Бернштам // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. (Сб. музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Т. 57). – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 1999. – С. 191–249.
4. Валенцова, М. М. Полотно. Прядение. Пряжа. Прялка / М. М. Валенцова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. – Москва: Международные отношения, 2009. – Т. 4. – С. 150–154, 321–334.
5. Воропай, О. Звичаї нашого народу. Етнографічний нарис. / О. Воропай. – Мюнхен: Українське видавництво, 1966. – Т. 2. – 282 с.
6. Гнатюк, В. М. Останки передхристиянського релігійного світогляду наших предків / В. М. Гнатюк // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. – Київ: «Либідь», 1992. – С. 383–406.
7. Гринченко, Б. Д. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях: Рассказы, сказки, предания, пословицы, загадки и пр. / Б. Д. Гринченко. – Чернигов: Типография Губернского Земства, 1895. – Вып. 1. – 300 с.
8. Зеленин, Д. К. Русские народные обряды со старою обувью / Д. К. Зеленин // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. – Москва: Индрик, 1994. – С. 214–229.
9. Зеленин, Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки / Д. К. Зеленин. – Москва: Индрик, 1995. – 432 с.
10. Иванов, П. В. Дни недели. / П. В. Иванов // Сборник Харьковского историко-филологического общества / под ред. Е.К. Редькина. – Харьков: Печатное Дело, 1905. – Т.16. – С. 276–292.
11. Иванов, П. В. Народные рассказы о Доле // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. – Київ: Либідь, 1992. – С. 342–374.
12. Крачковский, Ю. Ф. Быт западнорусского селянина. – Москва: Университетская типография (Катков и К⁰), 1874. – 212 с.
13. Левкиевская, Е. Е. Кикимора / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. – Москва: Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 494–496.
14. Милорадович, В. П. Малорусские народные поверья и рассказы о пятнице / В. П. Милорадович // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. – Київ: Либідь, 1992. – С. 375–382.
15. Мифологические рассказы Архангельской области / сост. Н. В. Дранникова, И. А. Разумова. – Москва: ОГИ, 2009. – 304 с.
16. Олехова, А. И. Ель в творчестве Н.А. Клюева / А. И. Олехова // Николай Клюев и концептосфера русской культуры. – Санкт-Петербург: Общество русской традиционной культуры, 2016 (в печати). – С. 226–233.

17. Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра: В 2-х т. – Псков: Издательство Областного центра народного творчества, 2002. – Т. 1. – 688 с.
18. Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра: В 2-х т. – Псков: Издательство Областного центра народного творчества, 2002. – Т. 2. – 816 с.
19. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сорокалетова. – Вып. 10. – Ленинград: Наука, 1974. – 388 с.
20. Супинский, А. К. Локальные особенности пережитков культа предков у севернорусских Вологодской области. Дело № 82. / А. К. Супинский. – Рукопись (хранится в Череповецком музейном объединении). – Череповец, 1967. – С. 31.
21. Толстая, С. М. Одежда // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. – Москва: Международные отношения, 2004. – Т. 3. – С. 523–533.
22. Чубинский, П. П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западнорусский край, снаряженной Императорским Русским Географическим Обществом: Югозападный отдел. / П. П. Чубинский // Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским: в 7-т.– Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и комп., 1872. – Т.1. – 497 с.
23. Чубинский, П. П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западнорусский край, снаряженной Императорским Русским Географическим Обществом: Югозападный отдел. / П. П. Чубинский // Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским: в 7-т.– Санкт-Петербург: Типография В. Кришбаума, 1877. – Т.4. – 827 с.
24. Цивьян, Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т. В. Цивьян. – Москва: Наука, 1990. – 207 с.
25. Шейн, П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края: в 3-х т. / П. В. Шейн. – Санкт-Петербург: Типография императорской Академии наук, 1902. – Т. 3. – 540 с.

II. Фольклор в современном культурно-образовательном пространстве

О. Я. Рейма, г. Вологда

К вопросу национально-патриотического воспитания студенческой молодёжи

Патриотизм является основой духовно-нравственной жизни общества, вопросы воспитания молодого поколения в духе любви к Родине актуальны во все времена.

Правовой основой патриотического воспитания граждан являются нормативно-правовые документы Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований.

«Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» определяет современный национальный воспитательный идеал, который представляет «высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укоренённый в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации» [1, с. 11].

Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» раскрывает сущность понятия «патриотическое воспитание» как систематическую и целенаправленную «деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины» [4].

Региональный закон «О патриотическом воспитании в Вологодской области», проект «Основы патриотического воспитания граждан Вологодской области» определяют задачи приобщения населения к системе социокультурных ценностей, отражающих богатство и своеобразие истории и культуры нашего края, Отечества, народа, формирования потребности в высоких духовно-нравственных и культурных ценностях, и в их дальнейшем развитии [5, 6].

Согласно данным нормативным документам, определяющим стратегию современного образования, содержание духовно-нравственного развития и патриотического воспитания подрастающего поколения составляют ценности, хранимые в религиозных, национальных, культурных и семейных традициях.

Проблемы патриотического воспитания детей и молодёжи поднимаются в научных трудах А. С. Вергузя, Д. Н. Вятлева, А. Н. Вырщикова, З. Т. Гасанова, М. А. Ешева, Н. В. Ипполитовой, В. И. Лутовинова, В. В. Пионтковского, Т. В. Пискуновой, В. А. Ружа, Н. М. Снопко, И. Ф. Харламова и других. Однако на уровне методологических подходов отсутствует однозначное по-

нимание сущности патриотического воспитания, его соотношения с другими видами воспитательной деятельности. Исследователи выделяют следующие компоненты патриотического воспитания:

1) интеллектуально-эмоциональный компонент, предполагающий формирование осознанных знаний патриотической направленности, переживание и освоение их как ценностей, развитие системы патриотических взглядов, убеждений, патриотического мировоззрения, интегрируемых в виде патриотического сознания;

2) потребностно-мотивационный компонент, нацеленный на формирование патриотических ценностей, желаний, стремлений, устойчивых мотивов, что воплощается в патриотической направленности личности;

3) деятельностно-практический компонент, предусматривающий формирование патриотических действий, умений, навыков, привычек совместной и индивидуальной патриотической деятельности, что создает предпосылки патриотического поведения.

В современной педагогике выделяются следующие направления патриотического воспитания: историко-патриотическое, героико-патриотическое, гражданско-патриотическое, национально-патриотическое, военно-патриотическое, социокультурное и др.

Предметом данного исследования является национально-патриотическое воспитание молодёжи, которое понимается как специально организуемый педагогический процесс взаимодействия педагогов и учащихся, направленный на формирование патриотических ценностей, ее сознания, убеждений, чувств в различных видах учебной и внеучебной деятельности, в условиях усвоения познавательного опыта, эмоционально-ценностных отношений.

Основное содержание национально-патриотического воспитания определяет народная традиционная культура, отражённая в мировоззренческих представлениях и верованиях, нормах семейных и общественных отношений, воспитательных традициях, фольклоре, системе календарных и семейно-бытовых обрядов и праздников, ремёслах и промыслах. В этой связи актуальным становится возвращение к истокам народной культуры, знаниям и опыту жизнедеятельности народа, с которыми неразрывно связаны проявления этнической самоидентичности, стереотипов и норм поведения.

Традиционная народная культура, как отмечает А. М. Мехнецов, «имеет значение корневой основы всего “древа” культуры» [2, с. 355], хранит в себе важнейшие «свойства и качества этнического», получившие воплощение в особенностях родного языка, различных видах и формах фольклора [3, с. 18]. В культурном наследии русского этноса сосредоточены многовековая история народа, отражены особенности менталитета, национального мировосприятия, языка, воспитательного опыта.

Патриотическое воспитание в народной традиционной культуре органично включается в жизнь и быт семьи, общины. Каждый ребенок испытывает непосредственное или опосредованное воздействие родственников, соседей, деревенского социума. Поступки и поведение личности строго регламентируются традицией, требуя проявления высоконравственных качеств: чести, долга, уважения к людям, бережного отношения к природе и др. Совместная жизнедеятельность взрослых и детей, их участие в различных народных праздниках, обрядах и ритуалах семейно-бытового и календарно-обрядового циклов во многом закладывают основы патриотических чувств.

Обратимся к опыту Молодёжной фольклорно-этнографической студии, являющейся структурным подразделением Центра воспитательной работы и молодёжной политики Вологодского государственного университета. Главная цель деятельности студии – духовно-нравственное и патриотическое воспитание студенческой молодёжи через приобщение к народно-песенным, хореографическим и инструментальным традициям.

Основными направлениями работы студии являются занятия по освоению фольклорных и обрядово-праздничных традиций Вологодской области. Женский фольклорный ансамбль изучает жанры материнского фольклора, лирические, календарно-обрядовые и свадебные песни. Участники мужского коллектива исполняют былины, протяжные песни и частушки. На занятиях по народной хореографии студентам предоставляется возможность освоить формы фольклора, связанные с движением: хороводные и плясовые песни, пляски.

Основу изучаемого репертуара составляют фольклорно-этнографические материалы Центра традиционной народной культуры ВоГУ, записанные в ходе научно-исследовательских экспедиций. Работа с архивными источниками – это возможность прикоснуться к подлинным произведениям фольклора, что является важным фактором патриотического воспитания современной молодёжи.

За годы существования студии сформированы следующие формы и виды деятельности:

- 1) тематические лекции, беседы по истории и культуре Вологодского края;
- 2) праздники народного календаря;
- 3) студенческие «вечерины»;
- 4) музыкально-литературные вечера с патриотической тематикой;
- 5) конкурсы национальной кухни;
- 6) выставки изделий народно-прикладного творчества;
- 7) участие в вузовских и городских культурно-просветительских и социально-благотворительных мероприятиях.

Участники студии, будучи включёнными в разнообразные виды деятельности, постепенно погружаются в атмосферу фольклорных традиций, что

способствует воспитанию бережного отношения к истории и культуре родного края, гордости за своё Отечество.

Музыкальный фольклор является важным средством патриотического воспитания. Посредством жанров материнского фольклора закладываются первые нравственные нормы, основы традиционных отношений. Историко-эпические произведения воспитывают любовь и бережное отношение к Отчизне. Так, в былинах показана сила духа русского народа, главным качеством былинных героев является бескорыстное служение Отечеству и народу. Лирическая песня является особым видом художественной коммуникации родственников, соседей, друзей, при которой происходит осмысление жизни, проживание заново или изживание пережитого, принятие себя и ближних. В поэзии протяжной песни выражаются сокровенные чувства, раскрываются героические страницы истории, воспеваются любовь к родной земле. Совместное исполнение песен объединяет людей, воспитывает чувство единения, соборности. Подвижные игры, хороводы и пляски являются комплексным средством физического и нравственного развития молодёжи. Эмоциональность, коллективное взаимодействие содействуют формированию качеств будущих патриотов Родины, защитников Отечества. Участие в традиционных народных праздниках воспитывает уважительное отношение к обычаям и традициям предков, доброжелательность к окружающим, национальное единение, взаимное понимание и поддержку.

Использование потенциала традиционной народной культуры в национально-патриотическом воспитании молодёжи способствует формированию активной гражданской позиции юношей и девушек, любви к Отечеству, потребности в постижении духовно-нравственных и культурных ценностей.

Литература:

1. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. – Москва: Просвещение, 2010. – 23 с.
2. Мехнецов, А. М. Традиционная народная культура: программа сохранения, защиты и возрождения / А. М. Мехнецов // Народная традиционная культура: Статьи и материалы. К 150-летию Санкт-Петербургской консерватории / сост. Е. А. Валевская, К. А. Мехнецова; вст. ст. Г. В. Лобковой. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. – С. 354-358.
3. Мехнецов, А. М. Фольклорный текст в структуре явлений народной традиционной культуры / А. М. Мехнецов // Народная традиционная культура: Статьи и материалы. К 150-летию Санкт-Петербургской консерватории / сост. Е. А. Валевская, К. А. Мехнецова; вст. ст. Г. В. Лобковой. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. – С. 17-22.
4. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»: постановление Правительства РФ от 30.12.2015 №1493 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkJ1jsKAErrx2dE4q0w.pdf>

5. О патриотическом воспитании в Вологодской области: закон Вологодской области от 10.06.2014 №3385-03 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/412329412>.

6. Основы патриотического воспитания граждан Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://view.officeapps.live.com>.

О. Н. Коншин, д. Пожарище, Вологодская область

Фольклорный коллектив как ресурс развития территории

Деревня Пожарище Нюксенского района Вологодской области – одна из немногих территорий на Русском Севере, где при активном участии властей, ученых, широких слоев общественности, местных жителей и соотечественников сохраняются живые многовековые традиции, национальный костюм, диалектный язык, носителями которых являются люди разных поколений, в том числе и молодёжь.

Пожарище – это собственно куст населенных пунктов, состоящий из нескольких деревень, расположенных в бассейне пересечения двух крупных рек Кокшеньги и средней Сухоны. По свидетельству историков и краеведов, здесь проходили миграционные пути новгородских и ростовских славян. Первое письменное упоминание о деревне относится к 1609 году. В конце XIX – начале XX веков в результате государственных реформ деревни существенно укрупнились, а также появились новые. В 1935 году население Пожарища со всеми хуторами и починками насчитывало более полутора тысяч человек, что составляло третью часть от общего населения деревень, расположенных по реке Уфтюге. Здесь веками складывалась самобытная культура коренного русского населения. Жили большими крепкими родами, вели единоличные хозяйства. Как вспоминают старожилы, еще в начале XX века Уфтюгский край, как и многие деревни Русского Севера, был богат народными традициями. Со временем становилось все более очевидным, что с уходом старшего поколения происходит утрата традиций. В начале 90-х годов у меня, непосредственного участника народных традиционных праздников, возникло осознанное желание собрать последних знатоков и при их участии воссоздать «живую старину» в современной жизни. На это предложение откликнулись представители среднего и старшего поколений, впоследствии объединившиеся в фольклорно-этнографический коллектив. В его первый состав вошли деревенские песенницы, обладающие в то время ещё достаточно активной жизненной позицией. В дальнейшем в коллектив влились новые силы, в основном родственники народных исполнителей, их дети и внуки, которые вместе с бабушками стали участвовать в народных праздниках, трудовых занятиях. Таким образом, была создана естественная среда для передачи и восприятия народного знания. До сих пор пожилые носители культуры, включенные в процесс возрождения, много воспомина-

ют, образно рисуя «картинки из жизни», рассказывают истории о традициях и т.п. В то время, когда еще все это «жило», перед нами встала определенная задача – восстанавливая и сохраняя историческое и культурное наследие своих предков, детально изучить всю информационную базу.

В 1999 году я, как руководитель коллектива, разработал и предложил администрации Нюксенского района Вологодской области концепцию создания в деревне Пожарище Центра традиционной культуры. Администрация поддержала идею и в марте 2000 года здесь открывается филиал Нюксенского центра традиционной народной культуры, а в 2008 году учреждение получает статус самостоятельного юридического лица – Районный Этнокультурный центр «Пожарище».

В работу учреждения включились новые увлеченные люди, появилось больше возможностей для создания различных творческих направлений, а в итоге – объединение всех действующих формирований в едином русле возрождения региональной традиции. Одухотворённый идеей сохранения исторического и культурного наследия, Этнокультурный центр выполняет поистине подвижнический труд во благо сохранения единого культурного пространства района, области, России. С той поры прошло без малого тридцать лет.

Основные направления деятельности Этнокультурного центра.

Праздники и обряды. Основу обрядово-праздничной деятельности традиционного годового цикла современной деревни Пожарища составляют праздники народного и православного календаря.

Зимние обряды и праздники представлены в основном в святочном периоде, в новогодние праздники собирается достаточно много трудоспособного населения, приезжают родственники и гости из других городов. Святки насыщены разнообразными ритуальными действиями, которые направлены на обеспечение семейного благополучия. Как свидетельствуют этнографические материалы в памяти людей старшего поколения, сохранились такие важные составляющие святочного цикла, как рождественский поздравительный обход домов с «посеванием», костер и «родительская ужна» на Старый Новый год, святочные хороводы и ряженье, связаны с памятью о родителях и почитанием предков. Отмечу, что все эти компоненты сохраняются и в современной традиции.

Из весенних следует отметить праздники Троицкого цикла. В традиции они считались большими. К этому времени обычно заканчивались посевные работы, а до сенокоса и жатвы еще оставалось время. Вспоминает талантливейшая певица, знаток традиций Ирина Тимофеевна Лобазова, 1898 г.р.: «Вот Троица! Большой праздник. На волость ходили, Богу молились. И всю троицескую эту нидилью, до заговенья, ходят рядам. [Это об исполнении рядовых песен.] Вот седни суббота, завтра воскресенье, завтра – заговинье. Тут уж собирались все эте наши три деревни и девки, и робята, и мужики, и бабы.

И с гармоньям, и всяко. Кто только сумёу и мог. Уж вот весёлой быу праздник».

В настоящее время традиция «отмечать Троицу» хорошо сохранилась, и как прежде кульминацией событий Троицкого цикла остается Троицкое (Петровское) заговенье. С 2003 года к празднику приурочен фестиваль традиционной народной культуры «Живая старина», который в процессе развития стал уникальной творческой лабораторией по сохранению и освоению традиций православной и народной культуры, исторического наследия. В 2015 году по инициативе жителей д. Пожарище на месте, где раньше проходили моления, восстановлен Поклонный крест, второй год праздник начинается праздничным богослужением, за ним следует крестный ход и большое народное гуляние. Финансирование фестиваля позволило привлечь дополнительные социальные ресурсы – фольклорные коллективы, в совершенстве владеющие манерой исполнения песен и обрядовых хороводов присухонской традиции, целенаправленно изучающих песенные традиции д. Пожарище. Назову некоторые из них: фольклорно-этнографический коллектив д. Пожарище, фольклорные коллективы Вологодского государственного университета, Санкт-Петербургской государственной консерватории, фольклорный коллектив Центра дополнительного образования детей и молодёжи «Василиса» (г. Пушкин) и другие. Благодаря общим усилиям жителей, участников фольклорных коллективов, привлеченных специалистов удалось вернуть в жизнь традиции исполнения пяти образцов узкообъемной лирики, внесенной в Каталог нематериального культурного наследия народов РФ, а также цикл хороводов «Улица», состоящий из хороводных форм с различными типами хореографического движения. Вспоминает Анна Артемьевна Попова, 1909 г.р.: «Мы девкам ишчо были, дак эту “Улицу” ходили, плéцико о плéцико задевали. Нарéдятце – дак любо. Все к качúле собиралисe: и девки тут, и ребята, много народу тут настает. Дак ведь красиво-то как!.. Это ишчо когда было-то? В 30-е годы, нашчо раньше, кончилась эта “Улиця-та”. Мы когда молодцёвáli, дак вот только “Во лужях” пíли, да вот éте пíсьни, которые сказывала, ак тут ишчо много было. Тут эть по порядку все нáдэ-то, я ранешного порядка-то не знаю».

Особенно хочется отметить кульминационное событие празднования Троицкого заговенья – ритуальное шествие «стеной» или иначе – «рядами». Эта традиция существовала всегда, лишь исполняемые при этом обрядовые календарные песни местные жители 20-х годов рождения и более молодого поколения заменили на «проходочные» частушки.

Вот что по этому поводу вспоминает Галина Ивановна Болотова, 1919 г.р.: «Мы дóугих пíсен хорошо-то и не певали. До нас мода-та эта была. Вот в Трóицу или в Зáговиньё éте пíсьни больше пíли. Захвátиссе пóд руки в ряд человек по петь, по шесть – широка ли дорога веть. Сзади ишчо ряд, ишчо...

Много настают... И я вот начинывала, это не прѣжные-те, а свои уж [пѣсьни]. Хоть я и прѣжные знаю от мамы, но когда мы молодцевали, тогда уж только по гармонье пѣли. Смерть люблю ѣте деревеньские пѣсьни! Вот начнут пить, да ѣжли голоса однакие, дак тебя даже кажетце над землей подымает. Голоса тут тожо надэ хорошие! Оне как-то понятнее и пить легче, а голос-от этот жо самой. Эдак жо вытягать надэ. Эким голосом и старухи пѣли доўгие [пѣсьни]. Я невелика была, на сарае сидела, дак вот рядом-то и шли, помню. У нас ишчо корова втожно новотельная была, а мама доила, да уцюла, шчо бабы-те идут рядом-то. Дак она, покоенка, подойницю-ту – в кормушку, да в чем под короной была, в этот ряд-от и стала... А вот ишчо цюдо какоё было! Дошли мы, го[в]орит, с бабам до краю деревни, гледим – лошадь с телегой ийдёт, на телеге домовишчо, люди... Что эка за беда? В деревне не говаривали, шчобы кто умер бы... Ну а бабы-те знать пѣсьни хайлают, идут и не сворачивают. Не знают в чем дело-то?! Уж сровнелисе, считай, да шчо это – Бог с нам есь-то? Кто умер-то? А баба-та на телеге ревит, да на домовишчо хлопаетце. Только сровнелисе, а из домовишча-то и выскоцила бабцева старуха, да и давай скакать да плясать! Ой, ты, тьфу, ты – сотона окаянная. Во, какое цюдо-то было ишчо! Это в Троицеское заговеньё. Это мама рассказывала, а при нас уж экие беды не было».

Костюм. В процессе восстановления праздников и обрядов становилось все более очевидным, что не только для участников фольклорно-этнографического коллектива, но и для всех остальных деревенских жителей костюм стал востребован в условиях естественного бытования народных праздников. Основу уфтюгского традиционного костюма составляют домо-тканые сарафаны, браные передники, рубахи, станы, полотенца. Только за последние пять лет было восстановлено и выткано более 750-ти образцов бра-ного ткачества! Предметным результатам работы предшествовала кропотли-вая многолетняя исследовательская работа по изучению народного костюма, орнаментального ткачества, вышивки. Частично результаты исследований опубликованы в книге «Традиционный орнамент Уфтюги» [1]. В нее вошло более 300 образцов орнаментального ткачества. Сейчас готовятся материалы для нового расширенного издания второй части. На их основе по Вологодской области воссозданы сотни образцов народного костюма. В Этнокультурном центре находятся коллекции народного костюма ручной работы, побывавшие на областных, российских и мировых выставках в Японии, Италии, Испании, Великобритании, Германии, странах Прибалтики.

Объектом пристального внимания является **диалектный язык**. Не зная магию диалектного слова (собственно это является определением принадлеж-ности «свой-чужой»), невозможно «оживить» песню, сказку, обряд. Жителям сельской местности говорить на диалекте также естественно, как дышать воз-

духом, однако не стоит забывать, что в силу различных исторических процессов серьезные изменения произошли и в языке. Для его воссоздания пришлось начинать с точного копирования носителей языка. Так учатся говорить маленькие дети, бессознательно усваивая и лексику, и грамматику, не подозревая о существовании правил спряжения, склонения. Подобным образом сельские исполнители усваивают традиционную песню: прислушиваются, подпевают, запоминают, сравнивают, выбирают – усваивают родной народно-певческий словарь. В результате детального изучения диалектного языка мы открыли для себя новое направление в деятельности – **этноспектакли**.

В основе этнографических спектаклей лежат исторические факты из жизни коренных жителей Уфтюги. Они изучаются, обыгрываются участниками проекта. Особенно большой отклик эта форма работы вызвала среди туристов, для которых это способ знакомства с традицией, языком, костюмом и др. А для самодеятельных актёров и участников исторических «погружений» это поистине творческая лаборатория, которая объединила прошлое, настоящее и будущее. По результатам наиболее удачных проектов, таких как «Солдатки», «Старинная Уфтюгская свадьба», «Жизненный круг», выпущены видеофильмы, аудиосборники, известные широко за пределами области.

Хотелось бы выделить еще один проект, который привлек большое внимание населения – **«Моё родовое древо»**. Этот проект направлен на приобщение жителей уфтюгских деревень к изучению родовых корней своей семьи. Сбор документальных и рукописных материалов, фотографий, кино-видеодокументов из семейных архивов, работа в государственных архивах, составление карт, схем деревень, угодий и т.д., а также работа с этнографическим материалом в той или иной мере послужили поводом для каждой семьи обратиться к истокам своего рода. Из числа уроженцев той или иной деревни сформированы рабочие группы или малые землячества, которые под руководством Центра занимаются сбором адресной информации. По результатам творческих работ и научных исследований специалистов Этнокультурного центра готовится к изданию 1-я часть книги «Память рода». За семь лет в проекте приняло участие более 11500 человек.

Нарабатывая информационную базу, сотрудники Этнокультурного центра обращаются к архивным записям Санкт-Петербургской и Московской консерваторий, Московского государственного университета, Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного университета, руководствуются воспоминаниями старейших участников коллектива.

Подводя итог многолетней работы, хочется отметить, что именно фольклорно-этнографический коллектив Этнокультурного центра стал основополагающим ресурсом в сохранении и развитии традиционной народной культуры края. Установка деятельности на самобытность национальной куль-

туры, подлинно духовные ценности позволяет территории поселения обрести стабильность, гарантирует будущее, привлекает новые силы и открывает новые возможности для развития малого бизнеса. Осознание ценности этнической культуры как богатейшего туристского ресурса, привело к формированию нового направления деятельности – «этнографический туризм». Деревня Пожарище является объектом активно развивающейся туристской деятельности. Только за последние три года территорию посетило более 7000 человек. Пребывая в постоянном поиске эффективных форм работы, разрабатываются новые интерактивные туристические программы. Они предполагают «живое» знакомство туристов с диалектным языком, местными календарными обычаями, обрядами и праздниками.

Литература:

1. Традиционный орнамент Уфтюги. Ткачество и вышивка / сост. Т. В. Кирсанова, О. Ф. Оленева. – Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2006. – 96 с.: илл.

С. В. Балувевская, Е. А. Конькова, г. Вологда

Сказки А. П. Дербиной в современной исполнительской практике

Исполнительство – значимая сфера социокультурной деятельности человека, определяющая жизнь фольклорных явлений в народной традиции и современной исполнительской практике. Знатоками и хранителями фольклорных знаний являются деревенские жители, владеющие умениями воспроизводить различные жанры прозаического и музыкального фольклора. Одна из талантливых исполнительниц народных песен и сказок – Анастасия Петровна Дербина (1911–1998), уроженка д. Смольянка Еловинского поселения Кичменгско-Городецкого района Вологодской области.

Фольклорно-этнографические сведения от А. П. Дербиной получены в ходе полевых исследований Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного университета (ранее – Лаборатории народного музыкального творчества ВГПИ) 1994-1995 годов; а также в ходе личных встреч и бесед Т. В. Гудыменко (Кореньковой) в 1995-1998 годах.

Всего от А. П. Дербиной записано 19 сюжетов сказок, при этом три из них зафиксированы фрагментарно – «Как парнецёк родителей искал», «Как Егѳбабашна молодых догоняла» и «Медвѳдь – липовая нога», упоминается сюжет «Гуси-лебеди» [1].

А. П. Дербина великолепно рассказывала не только сказки, былички, но и различные бытовые истории, и славилась в округе, как интересный собеседник, о чем вспоминают деревенские жители: *«Да, помню. Всѳ показывала и*

рассказывала, где и припевала. Сказки у неё свои были. Я очень много сказок перечитала, но подобных не было».

Солидный репертуарный багаж, красочное образно-художественное наполнение сказок, их своеобразное диалектное представление, активная подача текста с разнообразными динамическими оттенками, интонационное богатство речи свидетельствуют о сказительском мастерстве народной исполнительницы.

Обладая невероятной художественной («сказительской») памятью, А. П. Дербина большую часть сказок запомнила в раннем возрасте от своей матери, о чем неоднократно подчеркивала в своих высказываниях («мама всё рѳдная скáзывала»), а также переняла от других сказителей.

Согласно воспоминаниям внучки исполнительницы, Татьяны Ивановны Чуриной (1971 г.р.), которая воспитывалась бабушкой и все детские годы провела рядом с ней, Анастасия Петровна достаточно рано осталась без материнской поддержки (ее мама умерла, когда девочке было 7 лет), прожила сложную жизнь, всему научилась сама, была умной, трудолюбивой, смелой, находчивой, активной и интересной женщиной [2].

Т. И. Чурина выделяет ситуации рассказывания сказок бабушкой: перед сном и во время совместной монотонной домашней работы (прядение, вязание, штопанье, скручивание ниток, обработка шерсти, сбивание масла и др.). В рабочей ситуации сказительница, поддерживая необходимый интерес юных помощников, не меньшее внимание уделяла своему художественному повествованию.

На основе бесед с Т. И. Чуриной, анализа фольклорно-этнографических сведений, зафиксированных в ходе вышеуказанных экспедиций, определяются следующие особенности исполнительского стиля А. П. Дербиной:

– особое («значимое», образное) произнесение художественного текста, убеждающее слушателей в сопричастности, правдивости, реальности событий, описываемых в сказке;

– специфическое диалектное представление сказочных сюжетов, художественных образов («Егѳбабашна» – Баба Яга, «пѳтоцька» – птичка, «Лисѳця-мытнѳця» и другие), наличие в текстах приговорных формул, этикетных выражений;

– интонационное богатство сказительской речи – исполнительница «играла» сказки, воспринимала их сообразно песенным формам (рассказывала «куплет за куплетом»);

– эмоционально-личностное отношение к героям повествования, которое ярко проявляется в диалогах и репликах сказочных персонажей, сюжетных кульминационных моментах;

– умение поддерживать интерес слушателей, в том числе и с помощью невербальных средств коммуникации (мимических, жестовых).

Следует отметить, что отдельные сказки («Глебушко и Ягйбабашна», «Дёвоцька-дúдоцька», «Морозко», «Марья-цярёвна и брáтець Иванушко», «Парнецьк-голубóцик», «Про волка») содержат «песенки», исполняемые главными персонажами. Эти «песенки» имеют стиховую организацию музыкального текста, декламационную форму изложения, исполняются достаточно в быстром темпе, мелодическая линия напева может быть четко выражена звуковысотно («Дёвоцька-дúдоцька», «Морозко»), а также исполняться в речевой манере, при которой четкое звуковысотное и ритмическое выделение получает лишь тон, представляющий фразовый (смысловой) акцент стиха.

Сказки и былички А. П. Дербиной входят в репертуар отдельных представителей детских и молодежных фольклорных ансамблей города Вологды и Вологодской области. При включении прозаического наследия народной исполнительницы в современную практику у воспитанников фольклорных коллективов возникают трудности в понимании, усвоении и передаче диалектных, стилевых особенностей, исполнительского мастерства. В связи с этим возникает необходимость разработки методических рекомендаций по освоению прозаических жанров фольклора начинающими сказителями. Рекомендации содержат следующие положения, представляющие этапы работы с народной сказкой:

1. Подбор репертуара должен осуществляться в соответствии с половозрастными особенностями, индивидуальными способностями, типом темперамента исполнителя-преемника (возможно соотнесение с типологией народных сказителей).

2. Наиболее эффективна работа с народными исполнителями в естественной ситуации рассказывания сказок, а не по звукозаписи.

3. Изучение всего сказительского репертуара исполнителя для комплексного освоения диалектно-стилевых особенностей, сказительской манеры.

4. Многократное прослушивание фольклорных текстов, выявление значения непонятных диалектных слов и выражений с помощью толковых словарей, словарей говоров и т.п.

5. Расшифровка всех вариантов фольклорного текста с использованием различного скоростного режима воспроизведения.

6. Использование графических обозначений в текстовой расшифровке для фиксации интонационного контура и динамики речи, нюансов, темповых и ритмических характеристик.

7. Определение композиционных особенностей изучаемого фольклорного текста (структурных компонентов, сюжетных мотивов, типовых мест и др.).

8. При наличии музыкального компонента выявление специфики музыкального текста (метроритмические, ладоинтонационные, темброво-тесситурные, исполнительские особенности).

9. Многократное воспроизведение фольклорного текста по расшифровке со звукозаписью, исполнение при фрагментарном отключении звука для усвоения сказительской речи.

10. Исполнение сказок в естественных ситуациях (при наличии слушателей) с целью получения навыков сказительского мастерства.

11. Запись своего исполнения для последующего анализа, выявления недостатков, повышения качественного уровня.

Данные рекомендации призваны помочь начинающим восприимчивым сказительской традиции постичь законы воссоздания художественных текстов, специфику народного мышления.

Сказки Анастасии Петровны Дербиной являются частью богатого художественного наследия русского народа. Актуальной задачей современной исполнительской практики становится изучение, освоение и передача художественных знаний, опыта и мастерства народных исполнителей.

Литература:

1. Фольклор Вологодского края. Ч. 1. Сказки Анастасии Петровны Дербиной: хрестоматия / сост. С. В. Балувская. – Вологда: ВоГУ, 2016. – 94 с., нот.

2. Чурина, Т. И. Воспоминания о бабушке / Т. И. Чурина // Фольклор Вологодского края. Ч. 1. Сказки Анастасии Петровны Дербиной: хрестоматия / сост. С. В. Балувская. – Вологда: ВоГУ, 2016. – С. 5-8.

А. М. Федотовская, г. Вологда

Фольклор в начальной общеобразовательной школе

В 2016 году в рамках внеучебной развивающей деятельности учащихся 1-2 классов в начальной общеобразовательной школе № 10 г. Вологды был введен предмет «Фольклор».

Необходимо отметить, что ранее в данной школе уже проводился эксперимент по внедрению фольклорного компонента в образовательный процесс. В 1998 г. в учебном учреждении были открыты и успешно функционировали до 2003 г. Специализированные фольклорно-этнографические классы. Продуктивность учебно-воспитательного процесса работы классов, включенность в инновационную деятельность всего школьного коллектива во многом была обеспечена активной совместной деятельностью учебного заведения с Вологодским государственным педагогическим университетом. Научное руководство этой деятельностью осуществляла кафедра этномузыкологии во главе с ее заведующей – кандидатом искусствоведения, заслуженным работником

культуры РФ Г. П. Парадовской¹. На современном этапе этой работой в школе №10 руководит доцент кафедры пения и музыкального образования Вологодского государственного университета О. А. Федотовская.

Остановимся на основных принципах введения фольклорного компонента в учебно-воспитательную практику школы.

Этнокультурное направление в образовательной программе нацелено на формирование активной творческой личности ребенка, осознающей значимость сохранения родных традиций и их приумножения.

Этнокультурные дисциплины охватывают изучение следующих компонентов, составляющих основу народной традиционной культуры:

- комплекс мировоззренческих понятий и представлений русского народа;
- духовно-нравственные ценности, народные идеалы;
- традиционные праздники и обряды;
- народные песни, игры, формы традиционной хореографии;
- народно-прикладное искусство (традиционный костюм, народное зодчество и др.).

Целью дисциплины «Фольклор» является формирование у учащихся представления о традиционной народной культуре как жизненно-значимом позитивном опыте народа, включающем комплекс духовных и материальных ценностей, мировоззренческих представлений, обрядовых и бытовых традиций. Следовательно, учебный материал должен максимально приблизить учебный курс к реальной жизни, показать неразрывное единство человека и природы, дать учащимся необходимые знания для организации своего жизненного пространства. Обучение предмету «Фольклор» связано с годовым календарным кругом, который не только диктует человеку вид занятий в тот или иной годовой период, но и обусловлен биологическими процессами, изменениями, происходящими в каждом живом организме при смене времен года [6, 7]. Программа предполагает постепенное освоение знаний по традиционной народной культуре с учетом возрастных особенностей восприятия и мышления детей («от простого к сложному», от образного к понятийному). При этом предполагается возвращение к исходному материалу на последующем году обучения с целью более глубокого его познания.

Данная программа предусматривает творческий подход педагога к подбору изучаемого материала; к выбору форм, методов, места проведения занятий (класс, открытое пространство, музей и др.). В ходе занятий используются следующие формы деятельности и методы преподавания фольклора:

---

¹ В настоящее время Г.П. Парадовская является профессором кафедры пения и музыкального образования Вологодского государственного университета.

- беседа, устное импровизационное творчество (сочинение рассказов, образное описание явлений и т.д.);
- сюжетно-ролевая игра;
- народный театр (театральные постановки);
- творческое и прикладное мастерство (работа с бумагой, тканью, соломой, керамическим тестом, природным материалом и т.п.);
- музыкальные аудио- и видеовикторины;
- работа с архивными материалами (изучение этнографических фото, аудио- и видеоматериалов);
- творческие встречи с фольклорными коллективами и музыкантами.

Перед началом занятий перед учителем стоит одна из острых проблем – формирование мотивации детей, связанной с изучением народной традиционной культуры. Выделено три этапа формирования у детей интереса к изучению народной традиционной культуры:

1. Эмоциональное восприятие фольклора посредством чувственного мироощущения через создание трудового и игрового пространства, совместное «проживание» календарных циклов.

2. Пробуждение интереса. Данный этап рассчитан на подростковый возраст, время самопознания и самосознания, поиска новых смыслов – «кто я? что я знаю об этом мире?». Задача педагога связать интересы ребенка с народной культурой, черпая из нее ответы на задаваемые вопросы.

3. Желание действовать. Этап, на котором педагог должен сформировать познавательный интерес у детей, желание быть активным в освоении традиционной культуры, жить по ее законам и передавать в будущем полученные знания своим детям [3, с. 133].

Приобщение к этнической культуре невозможно без обращения к подлинным фольклорным материалам, которые объективно раскрывают идеи народности, традиционности содержания. Это является возможным благодаря обращению к местным традициям, в которых заложен большой потенциал для формирования у детей особых чувств и отношения к культуре своей Родины. Познание и освоение местных фольклорных традиций позволяет более точно освоить диалект, музыкальный язык, более полно понять «философию жизни» [1, с. 8].

Изучение фольклорных жанров важно связывать со сказками для того, чтобы и народная песня «нашла отклик в детских душах» [4, с. 125]. Также в ходе уроков необходимо использовать считалки, игры, хороводы, пляски. Прежде всего, то, что интересно и доступно детям младшего возраста.

На уроке каждый ребенок имеет возможность познакомиться со старинными словами, ушедшими из употребления, и историей их бытования. Ценным является использование методических пособий в виде раскрасок с этнографическим материалом [2]. Так же немаловажным является включение в процесс

обучения мультимедийных материалов – просмотр фильмов, построенных на народных сказках, материалах по народным традициям. Посещение выставок народно-прикладного творчества, фольклорных концертов, фестивалей способствует углублению знаний детей, формированию отношения к этническому как естественной актуальной составляющей современной культуры.

Условием организации данного направления в школьном образовании является компетентность педагогов в вопросах этнокультурного образования, четкое понимание цели и задач этой работы. При наличии специалиста-этномузыколога этнокультурное образование может осуществляться в каждой городской и сельской школах, что позволит формировать у детей практические знания и умения по культуре родного народа, позитивное отношение к ценностям этнической культуры.

Литература:

1. Мельник, Е. И. Детский фольклор Каргопольского обозерья / Е. И. Мельник // Опыт освоения местной традиции. – Москва: Всероссийский научно-методический центр народного творчества культурно-просветительских работы им. Н. К. Крупской, 1991. – 104 с.

2. Раскрась Пожарище: книжка-раскраска / сост. О. Н. Коншина. – Вологда: Арника, 2013. – 16 с.

3. Розова, Л. Е. Мотивация и целеполагание в процессе организации работы с детьми в фольклорно-этнографической студии / Л. Е. Розова // науч. ред., сост. С. Р. Кулева. – Вологда: ОНМЦК и ПК, 2011. – С. 128–135.

4. Сысоева, Г. Я. Специфика работы с детским фольклорным коллективом / Г. Я. Сысоева // Науч. ред., сост. С. Р. Кулева. – Вологда: ОНМЦК и ПК, 2011. – С. 123–127.

5. Федотовская, О. А. Фольклорно-этнографическое направление в системе школьного образования / О. А. Федотовская. – Вологда: ВИРО, 2002. – 10 с.

6. Федотовская, О. А. Программа предмета «Класс фольклорного ансамбля» / О. А. Федотовская // Фольклорно-этнографическое отделение в музыкальной школе: практика регионального дополнительного образования детей: учебно-методическое пособие по реализации идеи воспитания современных детей на традициях родной культуры / О. А. Федотовская (отв. ред., сост.), И. Д. Румянцева, С. В. Балуюевская, М. С. Брагина, Н. В. Бабушкина и др. – Вологда: ВГПУ, 2009. – С.41–48.

Л. Н. Загуляева, Кийно, Вологодская область

Опыт сетевого взаимодействия ресурсного центра по сохранению и развитию культурного и языкового наследия вепсского народа

В ситуации демократизации гражданского общества всего полиэтнического пространства России одним из важнейших условий формирования подрастающего человека выступает этнокультурное образование и воспитание.

Сегодня в федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) включены «базовые национальные ценности», хранимые в семейных, культурных, образовательных, государственных, религиозных традициях на-

родов России [5]. В них отражена духовно-нравственная основа жизни нашего народа.

Приобщение новых поколений к национальной культуре становится актуальным педагогическим вопросом современности, так как каждый народ не просто хранит исторически сложившиеся воспитательные традиции, но и стремится перенести их в будущее, чтобы не утратить историческое национальное лицо и самобытность.

Знание истории народа, его традиционной культуры и языка позволяет современному человеку лучше ориентироваться в вопросах этнического самосознания, активно выражать свою гражданскую позицию. Модернизация системы образования способствует перестройке деятельности образовательных учреждений, которые ищут новые формы работы с учащимися, новую модель, позволяющую обеспечить познавательные запросы, интересы, развитие способностей и склонностей каждого школьника. Цели и задачи, которые ставят школы в работе по данному направлению, порой идентичны. Так же схож и круг проблем: отсутствие методического сопровождения, сложность прохождения курсовой подготовки.

Основой успешного решения поставленных задач сегодня может стать взаимодействие сети образовательных учреждений на базе ресурсного центра.

Сеть школ – это совокупность общеобразовательных учреждений, имеющих общие цели, задачи и ресурсы для их достижения и решения, единое информационно-образовательное пространство, ресурсный центр, единый центр управления.

Сетевое взаимодействие образовательных учреждений – это совместная деятельность образовательных учреждений, обеспечивающих обучающихся возможностью осваивать основные и дополнительные программы с использованием ресурсов нескольких образовательных учреждений.

На сегодняшний день моделью методического и информационного обеспечения деятельности образовательных учреждений в Бабаевском районе Вологодской области является ресурсный центр.

Ресурсный центр – это общеобразовательное учреждение, концентрирующее и создающее информационные, программные, кадровые, методические и иные ресурсы для качественной реализации образовательных программ как внутри своего образовательного учреждения, так и сети школ. Это – единое открытое информационное образовательное пространство, доступный информационный обмен и взаимодействие между участниками образовательного процесса сети школ в целях обеспечения условий для качественного образования всех обучающихся.

В Бабаевском районе Вологодской области проживает народность вепсы, относящаяся к прибалтийской ветви финно-угорской языковой группы. За

последнее время управлением образования Бабаевского муниципального района проводится комплекс мероприятий по сохранению и развитию национальной культуры и языка этого народа.

В 2016 году по приказу Управления образования на базе МБОУ «Куйская основная общеобразовательная школа» был создан ресурсный центр по сохранению и развитию культурного и языкового наследия вепского народа.

Предпосылками создания центра послужили следующие факторы:

1. Данная школа расположена на территории компактного проживания вепсов. С 2008 по 2015 годы учреждение работало по программе развития «Школа – центр сохранения и развития национальной вепской культуры».
2. С 1990 г. в учебный план школы в 5-9 классах был введен предмет «Вепский язык», сначала как факультатив (1 час в неделю), с 1992 года – как обязательная дисциплина (1 час в неделю). На сегодняшний день с введением новых стандартов ФГОС ООО вепский язык в Куйской школе изучается в 1–4 классах в рамках внеурочной деятельности (1 час. в неделю), в 5–9 классах как учебная дисциплина. Необходимо отметить, что в 1937 году (когда в школе было два первых класса) преподавание в одном из них велось на вепском языке. Впоследствии, изучение родного языка было запрещено.
3. В упомянутой выше школе работают 2 специалиста, владеющих вепским языком на уровне родного – О. В. Балабан (окончила Петрозаводский педагогический университет по специальности «Учитель начальных классов и вепского языка») и Е. А. Шалаева (учитель начальных классов, прошла курсовую подготовку по предмету «Вепский язык»). Педагоги являются выпускницами нашей школы.

Преподавание вепского языка осуществляется по учебной программе под редакцией Н. Г. Зайцевой, выпущенной в г. Петрозаводск в 2006 г. Учебно-методический комплекс представлен новой линией, разработанной для 1–4 классов Н. А. Кукоевой под редакцией Н. Г. Зайцевой. В среднем звене (5–7 классы) дети занимаются по книгам для чтения на вепском языке, на уроках используются также вепско-русские и русско-вепские словари и разговорники [4, с. 11-12, 14.].

Преподавание вепского языка имеет познавательно-практическую направленность, т.е. дает обучающимся знания о родном языке и формирует у них языковые и речевые умения. Обучение нацелено на реализацию личностно-ориентированного, коммуникативного, социокультурного и компетентностно-деятельностного подходов.

Опыт работы по преподаванию вепского языка в нашей школе был обобщен на межрегиональной научно-практической конференции, статья

А. А. Загуляева «Преподавание вепсского языка в МОУ «Куйская основная общеобразовательная школа»» опубликована в сборнике «Развитие сельских образовательных систем» в 2010 г. [1, с. 233].

Библиотека школы имеет фонд литературы на вепсском языке: учебники, словари, художественные произведения, периодические издания. Формируется медиатека с аудио- и видеоматериалами на вепсском языке. В школьной мастерской ребята осваивают местные ремесла. Реализация этнокультурного образования предполагает расширение содержания дополнительного образования учащихся школы, систематизацию воспитательной работы. Реалии сегодняшнего дня таковы, что краеведение становится одним из важнейших направлений педагогической деятельности. Реализация регионального компонента в учебном плане школы, изучение истории и культуры родного края, участие в экскурсиях, походах, забота о памятниках культуры, о сохранении народной песни, музыки и танца – вот основные направления школы по развитию краеведческой работы.

Таким образом, через уроки, внеклассную и внеурочную деятельность идет постижение народных обычаев, обрядов, праздников, изучается фольклор, осваиваются народные ремесла. Традиционными являются мастер-классы по изготовлению вепсских кукол. Активизируется научная работа детей, в рамках которой создаются социально значимые проекты.

Воспитательная работа всего школьного коллектива становится не просто естественным продолжением образовательного процесса, а неотъемлемой частью школьной жизни. Воспитательная направленность охватывает весь педагогический процесс, интегрируя учебные занятия, внеурочную жизнь детей, разнообразную деятельность и общение за пределами школы.

Цель деятельности ресурсного центра: распространение перспективного педагогического опыта в области этнокультурного образования, обеспечивающего решение приоритетных направлений развития системы образования и создание модели образовательной среды, способствующей в ситуации социального разнообразия развитию личности воспитанника как носителя национальной культуры, способной сохранять и преобразовывать культурные ценности своего и других народов.

Подводя итоги работы ресурсного центра за текущий период, важно отметить, что вся деятельность его регулировалась Положением о ресурсных центрах и выстраивалась в соответствии с разработанным планом работы. В сетевое взаимодействие ресурсного центра входят 4 образовательных учреждения: СП «Куйская ООШ», МБОУ «Тимошинская ООШ», МБОУ «Борисовская ООШ», МБОУ «Пяжелская ООШ», а также учреждение культуры – Пяжозерская библиотека-клуб.

Для формирования и координации деятельности ресурсного центра управлением образования Бабаевского муниципального района создана рабочая группа по проведению оценки результатов работы. С целью возрождения и пропаганды культуры вепсского народа активно работают детские фольклорные коллективы: «Линдуйжед» («Птички»), существующий на базе МБОУ «Куйская основная общеобразовательная школа», руководитель – учитель вепсского языка Е. А. Шалаева; «Келлойне» («Колокольчик»), работающий на базе Пяозерской библиотеки-клуба, руководитель – С. И. Логинова; «Пурдаине» («Родничок»), руководителем которого является заместитель директора по УВР О. В. Егоричева; «Хейнайне» («Травинка»), руководитель – учитель начальных классов МБОУ «Тимошинская ООШ» Н. А. Трубникова; «Касткуйне» («Росинка»), руководитель – учитель музыки МБОУ «Борисовская СОШ» О. Н. Смирнова.

Основные направления работы коллективов: восстановление утраченного наследия вепсского народа; сохранение, изучение, воспроизведение и передача особенностей народного пения, игр, обрядов и праздников, традиционного костюма.

В рамках ресурсного центра проведены консультации, мастер-классы, такие как: «Изготовление ржаной козюли», «Изготовление изделий из бересты», «Вепсская кукла-оберег»; семинары, круглый стол «Результаты и перспективы работы РЦ»; II межшкольный фестиваль «Живой родник». Все образовательные учреждения сетевого взаимодействия приняли активное участие в проведении данных мероприятий. В деятельности ресурсного центра педагоги широко использовали различные формы работы, смогли обменяться опытом, обсудить проблемы и наметить пути дальнейшего профессионального развития. По итогам работы ресурсного центра собираются материалы для методической копилки «Этнокультурный калейдоскоп».

Оценка результативности работы по реализации задач в рамках деятельности ресурсного центра показала положительные отзывы о проведенных мероприятиях. Уже в двух школах района ведется преподавание вепсского языка («Тимошинская ООШ», «Куйская ООШ»). Культурно-образовательные ресурсы социальных партнеров рассматриваются как важный показатель работы нашего центра.

Но наряду со всеми положительными моментами есть и проблемы. Это недостаток финансирования для выезда детских коллективов, приобретения костюмов и инвентаря для проведения фестивалей и конкурсов.

Характеризуя степень устойчивости результатов инновационной деятельности, можно отметить, что опыт работы ресурсного центра был неоднократно представлен на совещаниях, конференциях и семинарах разного уровня. На совещании руководителей образовательных учреждений в 2016 г. про-

звучало выступление Л. Н. Загуляевой, руководителя РЦ по теме: «Ресурсный центр как модель методического и информационного обеспечения деятельности образовательных учреждений». По результатам конкурса «Наследники традиций» в номинации образовательных брендов опыт работы был отмечен дипломом 2 степени. В июне 2016 г. на Консультативном Совете по международным и межконфессиональным отношениям Вологодской области «О поддержке коренных малочисленных народов (вепсов), проживающих на территории Вологодской области» был зачитан доклад «О сохранении и развитии культурного и языкового наследия вепсского народа».

Состоялось также участие в работе VII всемирного конгресса финно-угорских народов «Финно-угорские народы – к устойчивому развитию» (июнь 2016 г.). На секции «Преемственность в освоении и использовании финно-угорских и самодийских языков и культур» прозвучали выступления по темам: «МБОУ “Куйская ООШ” – ресурсный центр сохранения и развития культурного и языкового наследия вепсского народа» (Л. Н. Загуляева) и «Воспитание школьников на основе традиций вепсского народа» (О. Н. Смирнова, учитель МБОУ «Борисовская СОШ»).

За незначительный период педагогами ресурсного центра в средствах массовой информации подготовлены публикации [1, 3]. Опыт реализации модели ресурсного центра позволяет говорить о продолжении формирования социокультурного пространства на основе взаимодействия сети образовательных учреждений.

Языковая ситуация сегодня вызывает тревогу. Вопрос о повседневном общении на родном языке – самый трудный. Необходимо, чтобы язык жил. Главным условием сохранения родного языка является его реальное функционирование. Создание языковой среды остается приоритетным направлением нашей деятельности. Но уже сейчас можно говорить о том, что удалось вырастить новое поколение, готовое изучать культуру и язык родного народа.

Литература:

1. Полезный опыт // Газета «Наша жизнь». – №144. – 20.12.2016.
2. Загуляев, А. А. Преподавание вепсского языка / А. А. Загуляев. // Развитие сельских образовательных систем: сборник статей. – Вологда, 2010. – 233 с.
3. Загуляева, Л. Н. Опыт сетевого взаимодействия ресурсного центра по сохранению и развитию культурного и языкового наследия вепсского народа / Л. Н. Загуляева // Педагогический вестник Карелии. Научно-методический журнал. – № 4 / 2016. Режим доступа: <http://kiro-karelia.ru/>.
4. Методические рекомендации «Об организации преподавания учебных предметов «Карельский язык», «Вепсский язык» и «Финский язык» в общеобразовательных учреждениях Республики Карелия в 2015-2016 учебном году». Режим доступа: https://docviewer.yandex.ru/kiro-karelia.ru/Metodrek_seo_15_16.doc
5. Фундаментальное ядро содержания общего образования / Рос. акад. наук, Рос. акад. образования; под ред. В. В. Козлова, А. М. Кондакова. – 4-е изд., дораб. – Москва: Просвещение, 2011. – 79 с.

Сведения об авторах:

1. Балуевская Светлана Владимировна (Вологда) – старший преподаватель кафедры пения и музыкального образования Вологодского государственного университета.

2. Баранова Станислава Эдуардовна (Санкт-Петербург) – студентка 3 курса Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова.

3. Боронина Елена Германовна (Москва) – заведующая отделом актуализации нематериального культурного наследия ГЦРФ ФГБУК «Роскультпроект», кандидат педагогических наук.

4. Дурягина Анастасия Александровна (Вологда) – научный сотрудник Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

5. Загуляева Людмила Николаевна (Кийно, Вологодская область) – руководитель ресурсного центра по сохранению и развитию культурного и языкового наследия вепсского народа Куйской основной общеобразовательной школы Вологодской области.

6. Коншин Олег Николаевич (Пожарище, Вологодская область) – заведующий отделом реализации социальных проектов, художественный руководитель Этнокультурного центра «Пожарище» Ньюксенского района Вологодской области.

7. Конькова Екатерина Андреевна (Череповец) – педагог дополнительного образования семейного клуба «Основа».

8. Королева Надежда Игоревна (Воскресенское, Вологодская область) – руководитель детской фольклорно-этнографической студии Межпоселенческого центра традиционной народной культуры с. Воскресенское.

9. Кулев Алексей Викторович (Вологда) – председатель правления Вологодского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Российский фольклорный союз», заведующий отделом традиционной народной культуры Областного научно-методического центра культуры.

10. Кулева София Робертовна (Вологда) – заведующая отделом традиционной народной культуры Областного научно-методического центра культуры, кандидат искусствоведения.

11. Лебедева Ксения Леонидовна (Вологда) – студентка 3 курса Вологодского государственного университета.

12. Лобкова Галина Владимировна (Санкт-Петербург) – заведующая кафедрой этномузыкологии, заместитель начальника по научной работе Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, кандидат искусствоведения, доцент, член союза композиторов Санкт-Петербурга.

13. Никашкина Анна Алексеевна (Вологда) – методист Школы традиционной народной культуры города Вологды.

14. Рейма Оксана Ярославовна (Вологда) – старший преподаватель кафедры пения и музыкального образования Вологодского государственного университета.

15. Самойлова Елена Валерьевна (Санкт-Петербург) – ведущий специалист по фольклору Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова.

16. Федотовская Александра Максимовна (Вологда) – педагог дополнительного образования начальной общеобразовательной школы №10 г. Вологды, студентка 2 курса магистратуры Вологодского государственного университета.

17. Федотовская Ольга Александровна (Вологда) – доцент кафедры пения и музыкального образования Вологодского государственного университета.

Научное издание

**Традиции народной культуры:
проблемы изучения, сохранения и восстановления**

Сборник материалов
II Всероссийской научно-практической конференции

Редактор – А.И. Казанцева
Компьютерная верстка – Н.В. Подхомутова

Подписано в печать 16.03.2017. Формат 60 × 84/16
Усл. п. л. 6,25. Тираж 100 экз. Заказ № 146.

РИО ВоГУ. 160000, г. Вологда, ул. С. Орлова, 6